

Отличный ШАНС

ШАРОН КРИЧ

Отличный ШАНС

• РОСМЭН •

• РОСМЭН •

ШАРОН КРИЧ

Отличный ШАНС

Вторая жизнь Динни Дун началась, когда ей исполнилось тринадцать лет.

В своей первой жизни Динни часто переезжала из города в город. И нигде ее семья не задерживалась надолго. Пока однажды совершенно чужие люди не увезли девочку далеко от дома, на другой конец земли.

Динни оказалась в Швейцарии, в школе, где учатся дети со всего света. Высоко в горах, разлученная с семьей, она должна свыкнуться с новой жизнью — непривычной, пугающей, но и полной приключений.

ШАРОН КРИЧ

• РОСМЭН •

1 ISBN 5-353-01610-6

9 785353 016106

ШАРОН КРИЧ

Отличный
ШАНС

Москва
•РОСМЭН•
2004

Цюрих ★

Австрия

ЗАМОК В
БЕЛЛИЦОНЕ

КОЛЛИНА-Д'ОРО
САН-САЛЬВАТОРЕ

г. БРЕ

ОЗЕРО

ЛУГАНО

МОНТАБЬОЛА

САНКТ-
МОРИЦ

ДОЛОМИТОВЫЕ
АЛЬПЫ
ЛАВИННОЕ
ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ!

Япония
Кейсуки

ОСТАЛЬНАЯ
ЕВРОПА
И
КИТАЙ

КАРТА "ТОЧКИ ДИНИИ" МОЯ ВТОРАЯ ЖЕНА

★ МИЛАН

СЮДА ГУТРИ
ПРИГЛАШАЛ МЕНЯ
ПОЕХАТЬ

БАБУШКА
ФЮРЕЛЛИ

КАМПО БАССО?

МАДРИД, ИСПАНИЯ 118 км

АРГЕНТИНА-ДАЛЕКО

БАЙБЭКС, КЕНТУККИ-
ОЧЕНЬ ДАЛЕКО

ВЕНА, АВСТРИЯ 975 км

АБУ-ДАБИ 4570 км

↑ ПЕРЕВЕРНУТЬ ↓

ИТАЛИЯ

САУДОВСКАЯ
АРАВИЯ
РОДИТЕЛИ
ЛАЙЛЫ

УДК 821.111(73)-93
ББК 84(7Сое)
К82

Sharon Creech
BLOOMABILITY

Перевод с английского
Н. Жарова

Copyright © Sharon Creech 1998

Оформление обложки
А. Никулина, Л. Зайцева

Иллюстрация
И. Гавриловой

*Все права на книгу на русском языке принадлежат
издательству «РОСМЭН».*

*Ничто из нее не может быть перепечатано,
заложено в компьютерную память
или скопировано в любой форме — электронной, механической,
фотокопии, магнитофонной записи или какой-то другой —
без письменного разрешения владельца.*

*Наш адрес в Интернете: **www.rosman.ru***

ISBN 5-353-01610-6

© ООО «Издательство «РОСМЭН-ПРЕСС», 2004

Весь я словно прозрачное око...

Ралф Уолдо Эмерсон, «Природа»

1. Первая жизнь

В моей первой жизни у меня были мама и старшие брат и сестра, Крик и Стелла, и иногда был отец, когда не скитался в поисках заработка. Он работал водителем грузовика, а также, в разное время, механиком, маляром, сборщиком фруктов и хлопка. Отец называл себя Джек-на-все-руки-мастер (его на самом деле зовут Джек), однако иногда для его рук совсем не находилось занятия в том городе, где мы оседали в очередной раз, поэтому он снова отправлялся на поиски работы неведомо куда. Мама начинала паковать вещи, и вся семья ждала его телефонного звонка, означавшего, что настало время и нам трогаться в путь.

Отец всегда говорил что-нибудь вроде: «Я нашел такое классное место — приезжайте, сами увидите!»

С каждым новым переездом количество коробок с багажом уменьшалось, а не увеличивалось. Мама обычно говорила: «Тебе на самом деле нужны все эти вещи, Динни? Ведь они всего лишь вещи! Оставь их».

К тому времени, как мне исполнилось двенадцать, мы, следуя за отцом, успели пожить в Кентукки, Виргинии, Северной Каролине, Теннесси, Огайо, Индиане, Висконсине, Оклахоме, Орегоне, Техасе, Калифорнии и Нью-Мексико. Все принадлежавшие мне вещи помещались в одну коробку. Иногда мы поселялись в центре большого шумного города, но чаще всего папа находил для

нас покосившийся домик на заброшенной дороге возле какого-нибудь захолустного городка.

Моя мама выросла в большом городе, а отец — в деревне. Мне всегда казалось, что мама по-прежнему помнила себя городской девочкой, но старательно пыталась забыть об этом. Однако в тех редких случаях, когда мы жили в больших городах, она вела себя так, словно это был ее дом, ее настоящий дом, постоянное место жительства. Ей сразу находилась работа в каком-нибудь офисе или дизайнерской студии, а не в закусочной. Она без труда ориентировалась в автобусных маршрутах, чувствовала себя в уличной толчее как рыба в воде, не пугалась пронзительных автомобильных гудков, воя сирен и оглушительного грохота отбойных молотков.

Отца же городской шум сводил с ума. «Я знаю, что здесь есть работа, — говорил он. — Но посмотрите, сколько народа и машин, того и гляди лишишься жизни, стоит только выйти на улицу. В таком месте нельзя растить детей».

Мама становилась очень задумчивой всякий раз, когда отец произносил что-либо подобное, и вскоре он уже пускался в путь — туда, где, как ему казалось, жить лучше, а мы снова начинали упаковывать вещи. По мнению моей сестры Стеллы, папа специально перетаскивал нас с места на место, чтобы мы окончательно исчезли из поля зрения маминых родственников. Он не доверял никому из ее братьев и сестер, ни ее родителям. Отец полагал, что они слишком важничали, смотрели на нас свысока и хотели уговорить маму вернуться обратно в Нью-Йорк, ее родной город.

Однажды, когда мне было семь или восемь лет, мы жили в штате Висконсин... Или нет, наверное, это была Оклахома, а может, Арканзас. Впрочем, я совсем поза-

была Арканзас, мы жили там, кажется, месяцев шесть, не больше. Ну так вот, однажды я пришла домой из школы и увидела очень худую женщину, сидевшую на кухне. Ее седые волосы были стянуты в тугий пучок на затылке. Не успела я снять пальто, как женщина бросилась ко мне и обняла, обдав ароматной волной дорогих духов. Она назвала меня *carissima*¹ и *сладкий котенок*.

— Нет, не котенок, — сказала я и выскользнула во двор через боковую дверь.

Крик бросал баскетбольный мяч в воображаемое кольцо.

— Там какая-то леди, — сказала я ему.

Крик прицелился и бросил мяч. Тот, описав красивую дугу, попал в угол гаража и отскочил в сторону.

— Дура, — сказал Крик, — это не леди. Это бабушка Фиорелли.

В тот вечер дома разгорелся большой спор. Я уже лежала в постели, которая находилась за ширмой, отгораживающей комнату от кухни. Папы не было; едва он увидел нашу бабушку-леди, как немедленно бросился за дверь, даже не поздоровавшись. На кухне оставались мама и бабушка.

Мама говорила о том, какой папа находчивый и изобретательный, все умеет делать, какая у нас богатая жизнь. Стелла, лежавшая на соседней кровати, сказала:

— Наша мама идеалистка!

С кухни донесся голос бабушки:

— Богатая?! Ты называешь эту жизнь богатой?

Мама не сдавалась:

— Деньги еще не все, мам.

¹ Дорогая (итал.). (Здесь и далее примеч. пер.)

— Зачем ты позволила ему назвать мальчика Крик? Что это за имя такое! Звучит, словно ребенка растили и воспитывали в хлеву!

Мои родители договорились, что папа будет давать имена всем мальчикам, которые у них родятся, а мама — девочкам. Отец рассказал мне как-то, что ему захотелось назвать сына Криком из-за небольшого чистого ручья, протекавшего за домом, где они тогда жили. Один раз я использовала это слово в письменной работе на уроке английского, но учительница зачеркнула его, заявив, что такого слова вообще нет, и написала сверху, как надо. Я тогда ничего не сказала ни папе, ни Крику.

Мама назвала свою первую дочь (мою сестру) Стелла Мария. Для меня она приберегла еще более звучное имя, потому что, когда я появилась, меня называли Доменика Сантолина Дун. Это означает «Воскресенье-Река-Южного-Леса». Я родилась в воскресенье (поэтому, как говорит мама, на мне лежит Божье благословение), и мы жили в то время на юге, где много лесов и протекала река. Мое имя — итальянское и произносится с ударением на второй слог: До-мё-ника. Доменика Сантолина Дун. Выговорить это слишком трудно, так что все зовут меня просто Динни.

Страсти на кухне накалялись. Бабушка Фиорелли разгоряченно продолжала:

— Ты должна о себе подумать. Ты должна подумать о своих детях. Они могли бы учиться в порядочной школе, вроде той, где работает твоя сестра. Твоему мужу нужна настоящая работа!

— У него есть настоящая работа.

— Которую он бросит через полгода? *Basta!*¹ — отрезала бабушка. — Почему он не может продержаться

¹ Хватит (*итал.*).

на одной работе дольше шести месяцев? И потом, чем он вообще занимается? Если бы он закончил колледж, то мог бы получить приличную должность! Как ты дальше жить собираешься, скажи на милость?

— Он ждет, когда ему представится хороший шанс, — сказала мама. — Он умеет делать все, абсолютно все. Ему только надо чуточку везения...

Каждый раз, когда бабушка начинала говорить, ее голос становился еще громче. К этому времени он стал походить на рев быка.

— Везения?! *Éridicolo!*¹ Какое может быть везение, если он даже не учился в колледже? Что ты на это скажешь?

— Совершенно не обязательно всем учиться в колледже, — ответила мама.

От волнения бабушка стала говорить с сильным акцентом:

— Когда мы приехать в эту страну, твой отец и я, мы не знать ни слова по-английски, но вы, наши дети, все получили образование в колледже!

Стелла бросила в меня подушку.

— Не слушай, Динни, — приглушенным голосом сказала она. — Засунь голову под подушку и спи.

Я так и сделала, но бабушку Фиорелли все равно было слышно. Ее голос гремел.

— Ты только посмотри на себя! — говорила она матери. — Ты, образованная, талантливая художница, а у тебя даже кисточки за душой нет, я уверена!

— Я занимаюсь росписью, — сказала мать.

— Росписью чего? Стен? Рассыпающихся, облупленных стен? *Basta!* Тебе следует поговорить с сестрой...

¹ Это смешно! (Итал.)

На следующее утро бабушка Фиорелли уехала, и отец тоже. Отправился туда, где мы начнем новую жизнь. Он слышал, что там ему может выпасть отличный шанс...

Так мы и следовали за ним повсюду, от одной его работы к другой, и чем чаще мы переезжали, тем все в более неприятные истории попадал Крик. Брат говорил, это не его вина, что каждый раз, когда мы приезжали на новое место, он сходил с людьми, которые втягивали его в нехорошие дела. Так, по его словам, какие-то мальчишки в Оклахоме заставили его бросать камни в окна школы, а мальчишки в Орегоне заставили его проколоть покрышку чужого автомобиля, в Техасе опять мальчишки заставили его курить травку, в Калифорнии снова мальчишки заставили его поджечь чей-то сарай, а мальчишки в Нью-Мексико заставили его угнать машину.

И всякий раз, когда мы прибывали на новое место, папа говорил Крику: «Теперь ты сможешь начать все заново».

И после каждого нового переезда Стелла становилась все более молчаливой и замкнутой. Стоило нам поселиться на новом месте, как уже через неделю в нашу дверь и днем и ночью стучали парни, которые хотели ее видеть. Много разных парней — были и крутые, и спокойные, и скучные, и веселые.

В Калифорнии Стелла, которой тогда исполнилось шестнадцать, как-то воскресным вечером вернулась домой после уикенда, проведенного, как считалось, у подружки, и объявила, что вышла замуж.

— Ты шутишь! — сказал папа.

— Ладно, шучу, — согласилась Стелла и пошла спать.

Мне она рассказала, что вышла замуж за морского пехотинца, и показала свидетельство о браке. Морской пехотинец должен был проходить службу за границей.

Стелла стала много есть; она ела, ела и ела. Ее живот рос и становился круглым. Мы к тому времени жили в маленьком городке, затерянном среди холмов Нью-Мексико. Стелла разбудила меня как-то ночью и сказала:

— Позови маму, быстрее!

Стелла рожала. Папа где-то скитался, Крик был в тюрьме, а Стелла рожала.

Так наступила последняя неделя моей первой жизни.

2. Точка

Сны Доменики Сантолины Дун

Мама упаковала меня в серую картонную коробку, заклеила ее со всех сторон липкой лентой и отдала чужим людям. Меня долго трясло в дороге, а затем я очутилась в грузовом отсеке самолета рядом с другой коробкой, которая лаяла. На дне своей коробки я нашла завалившийся кусок сухого корма для собак и, проголодавшись, съела его.

Моя вторая жизнь началась, когда меня похитили два совершенно чужих человека. Похитителям помогла моя мать. Она сказала, что я не права, чужие люди не были совершенно чужими. Я видела их раньше два раза. Это были мамина сестра и ее муж, тетя Сэнди и дядя Макс. Они неожиданно появились в нашем маленьком городке, затерянном среди холмов Нью-Мексико, и всю ночь не спали, разговаривая с мамой. Утром мы все вместе поехали навестить Стеллу и ее новорожденного, а потом мои тетя и дядя силой запихнули меня в свою машину. Ну, не то чтобы силой, однако никто не спросил, хочу ли я, чтобы меня похищали. Со мной была коробка

с моими пожитками. Мы поехали в аэропорт города Альбукерке.

Я находилась в «состоянии пузыря». Мне казалось, что меня со всех сторон окружает круглая оболочка, достаточно прозрачная, чтобы через нее все видеть, и в то же время достаточно прочная, чтобы я пряталась внутри. Что-то вроде мяча из пластиковой пленки, который обычно берут с собой на пляж, только очень большого. Через воображаемые поры в этой оболочке я могла получать снаружи разные вещи, рассматривать их и возвращать обратно, если они приходились мне не по вкусу. По дороге в Альбукерке все поры оставались накрепко закупоренными. И все же по приезде в аэропорт некоторые поры раскрылись сами по себе вопреки моей воле. Самые непослушные поры.

Я никогда в жизни не летала на самолете. Дядя Макс отдал коробку с моими вещами женщине в форменной одежде. Тетя Сэнди купила мне пакетик «M&M's» и сказки с картинками. Я уже слишком большая, чтобы читать сказки, и сказала ей об этом, но она ответила:

— Хочешь, открою тебе один секрет? Я уже старуха, но до сих пор люблю читать сказки.

Сначала мы сидели в зале, потом встали в очередь и пошли по коридору, затем сели в узкие кресла, и это был самолет. Когда самолет стал разгоняться по взлетной полосе, я сильно-сильно стиснула оболочку моего пузыря и приготовилась к катастрофе. Я точно знала, что нам не удастся подняться в воздух, притянула колени к груди, обхватила их руками и склонилась над ними в защитной позе, как показано в инструкции на маленькой карточке, которую я нашла в кармане сиденья напротив. Тетя Сэнди стала успокаивающе похлопывать меня по спине.

— Сейчас мы умрем! — сказала я ей.

В салоне стоял невыносимый шум, оглушительные вой, свист и рев раздавались одновременно, а тетя Сэнди все похлопывала меня по спине, будто ей совершенно все равно, разобьемся мы или нет. Потом передняя часть самолета оторвалась от земли, и все вокруг — люди и все остальное, взмыли в воздух, и мы полетели.

Мы летели! Мой нос прилип к стеклу иллюминатора на все время, пока мы находились в полете. Я парила в небесах, мы пронизывали облака, иногда пушистые белые одеяла простирались внизу, под нами, иногда облака полностью исчезали, и тогда можно было видеть горы, реки, озера и дороги. Целые города в одно мгновение возникали перед глазами, а затем — вжик! — и их уже нет, на их месте появилась пустыня, снова горы, холмы, равнины. Поверхность земли меняла свой цвет от зеленого до коричневого. Это было как чудо.

Когда едешь на машине, все воспринимается совершенно иначе. Из машины можно увидеть немножко того, немножко другого, дом, дерево, бензозаправку, еще дома, еще деревья, поля. Все это разом бежит перед глазами, сливается в одно целое, и ты теряешь ощущение пространства. Другое дело, когда смотришь из самолета: под тобой как на ладони расстилается рельефная географическая карта, бескрайняя живая фотография, а ты вишишь над ней и точно знаешь, где находишься. Ты всего лишь точка, подвешенная на расстоянии многих и многих километров над штатом Оклахома, где ты когда-то жил на маленьком островке земли. Ты — точка над штатом Арканзас, где тоже когда-то жил, но уже даже не помнишь об этом, и точка над Теннесси и Виргинией. Ты — маленькая точка.

Вернее, эта точка — я. Точка Динни.

Самолет приземлился, не разбившись, и мы приехали в дом тети Сэнди и дяди Макса в Вашингтоне, в котором имелись две ванннe комнаты, причем в обеих все работало, полы повсюду были застелены чистыми коврами, а на белых стенах висели картины в рамах. Позвонил отец, который отсутствовал во время моего похищения, так как уехал, чтобы воспользоваться новым шансом. Он плакал в телефонную трубку и говорил, чтобы я не упускала свой шанс.

Мне не хотелось, чтобы он плакал в телефонную трубку, и не нужно было никакого шанса. Однако тетя Сэнди и дядя Макс явно были настроены очень решительно, и я инстинктивно почувствовала, что мне следует подчиняться им, пока не придумаю, как убежать. Мне казалось, что все это происходит не со мной, а с другой девочкой, которую зовут Доменика Сантолина Дун. Ведь сама я, Динни, пряталась в своем пузыре и лишь наблюдала со стороны, планируя побег Доменики.

На следующий день девочка по имени Доменика Сантолина Дун сфотографировалась и подала документы для получения паспорта, а двумя неделями позже мы снова очутились в аэропорту. На этот раз самолет взлетел уже в темноте, и, когда мы висели в непроглядной черной мгле над океаном, вдруг показалось солнце, и в одно мгновение наступило утро — прежде, чем закончилась ночь. Нам принесли на завтрак настоящую еду, а не корм для собак. Самолет пронесся над покрытыми снегом острыми вершинами гор и приземлился, не разбившись, в чужой стране, в швейцарском городе Цюрихе.

Мы направлялись в город Лугано на юге Швейцарии, где дяде Максy предстояло стать новым директором школы, тете Сэнди — преподавать в этой школе, а Доменика Сантолина Дун должна была жить вместе с ними и учить-

ся в той же самой школе. Доменика Сантолина Дун — в Швейцарии. Это был отличный шанс.

3. Шанс

На железнодорожной станции в Цюрихе люди метались то в одну, то в другую сторону, словно стадо испуганных животных. Поезда выстраивались друг подле друга, как вереницы фургонов для перевозки скота, в их двери входили и выходили пассажиры. Мы остановились под табло с расписанием.

— Четвертая платформа, — сказала тетя Сэнди. Она очень похожа на мою маму, но, в отличие от нее, хорошо и со вкусом одета. И голос ее звучал так же, как мамин, только слова выговаривались быстрее. — Вон туда, в конец, бежим!

— Ты уверена? — спросил дядя Макс.

Он очень высокий, с черными кудрявыми волосами, и совсем не похож на моего отца. Даже после долгого перелета он выглядел свежим и непомятым, как на рекламном ролике. На моей рубашке виднелись следы съеденного обеда.

— Этот? — спросил дядя Макс. — Этот останавливается в Лугано?

Тетя Сэнди махнула рукой в сторону табло с указанием остановок:

— Вот, видишь? Цуг — Альтдорф — Беллинцона — Лугано...

Дядя Макс поспешил вдоль платформы серого цвета, толкая перед собой тележку с чемоданами и моей коробкой.

— Динни! — окликнул он через плечо. — Не отставай!

Я была одета во все новое, купленное для меня тетей Сэнди и дядей Максом. Новые черные ботинки натерли мне ноги, но я не подавала виду, потому что за ботинки уплачено много денег. Ботинки попались очень непослушные. Они то и дело цеплялись друг за друга, я спотыкалась, и мне все время приходилось смотреть на них и следить, чтобы они не поворачивались в стороны. Ботинки были похожи на двух маленьких мальчишек, которые постоянно ссорились и их надо было разнимать.

Вокруг нас сновали люди, выкрикивая какие-то слова на разных языках — немецком, французском и итальянском. Мне слышалось что-то вроде: *ахтеншпит-фликеншпит*, или: *неспá-сиспá*, или: *мамбл-мамбалино, джиантино-мамбалино*. Вдруг я поняла, что узнаю некоторые итальянские слова: *чао! арриведерчи! андиамо!* Их произносила иногда моя мама. Мне захотелось остановиться и послушать, что говорят вокруг. Мне казалось, что слова закодированы и надо разобраться и расшифровать, о чем говорят люди. А вдруг они кричат: «Пожар, пожар! Бегите, спасайтесь!»

— Динни! — позвала тетя Сэнди. — Скорее!

Я могла не идти за ними, а раствориться в толпе, пробраться вместе со всеми в подземный переход, а затем в город. Я могла бы катиться своей дорогой в своем надутом пузыре.

Для меня было привычным делом переезжать, собирать и упаковывать вещи, следовать за кем-то, как робот, но я устала от этого. Мне хотелось остановиться и не двигаться с места, мне хотелось домой.

Я слышала, как в Нью-Мексико моя мама говорила тете Сэнди: «Динни не доставит хлопот, с ней все будет в порядке. Она очень хорошо адаптируется».

Теперь, стоя на многолюдной станции в Цюрихе, я сожалела, что так хорошо адаптировалась, и дала себе слово перестать хорошо адаптироваться.

Непросто, однако, вот так сразу изменить свой характер.

— Динни! Динни! — опять позвала тетя Сэнди.

Маленькая коричневая птичка металась под куполом крыши. В самом конце станции, рядом с высоким потолком, было открыто окно. «Туда! — мысленно уговаривала я птичку. — Вон туда!»

— Динни!

Дядя Макс поднял и поставил чемоданы на высокую площадку вагона, а тетя Сэнди приняла их наверху и затащила внутрь, в коридор. Я, маленький робот Динни, который умеет хорошо адаптироваться, послушно поднялась по ступенькам за дядей Максом, и проводник закрыл за нами дверь. Просвистел сигнал отправления.

Пробили часы на перроне, и поезд медленно пополз прочь со станции. Я пристроилась на сиденье напротив моих тети и дяди.

— О-о, Динни! — воскликнула тетя Сэнди. — Слава богу, успели! — Она прижалась лицом к оконному стеклу. — Вы только посмотрите! О-о, Швейцария!

Клац-клац, пыш-ш! Поезд, набирая скорость, затормозил вон из города, обогнул озеро по самой кромке воды, побежал по зеленой долине, а затем все выше и выше в горы. Через черные непроглядные туннели. Все выше и выше, за горный перевал, а затем вниз, вниз. Увш-ш-ш-ш!

— О-о, я этого не перенесу, — восхищалась тетя Сэнди. — Вы только посмотрите!

Дядя Макс сжал ее руку в своей. Крутые каменные утесы и зеленые горные пастбища проносились мимо по

мере того, как поезд зигзагами катился по ущельям. Перед взором возникли низвергающиеся водопады и исчезли. Чистая речная вода бежала наперегонки с поездом, петляя и извиваясь вдоль рельсов. Маленькие домики примостились на горных склонах, словно их там посеяли и они проросли прямо из земли. Тетя Сэнди называла эти домики *шале*. Мне понравилось это слово — *шале*, оно такое гладкое. Мысленно я повторяла его снова и снова: «Шале, шале, шале...» И заснула...

Сны Доменики Сантолины Дун

Я сидела в коробке, раскачиваясь из стороны в сторону. На коробке было написано «РОБОТ», и она катилась на колесиках по рельсам, которые оказались проложены по спине динозавра, а потом превратились в реку.

Все дальше и дальше катился поезд по Альпам, как будто добросовестно выполнял важную и неотложную миссию. Возможно, меня действительно везут в тюрьму, где закуют в цепи и будут кормить одним только заплесневелым хлебом и поить ржавой водой.

Я стала думать, смогу ли питаться одним только заплесневелым хлебом. Я даже представила, как откусываю от него кусочки, поскольку необходимо поддерживать в себе жизненные силы. Кусочек хлеба, глоток ржавой воды. Я могла бы привыкнуть. Но потом решила, что нет. Я не буду привыкать! Я не буду адаптироваться! Никогда и ни за что! Я не подчинюсь!

Меж тем поезд проехал мимо мужчины с двумя детьми, которые удили рыбу с берега горной речки. На меня нахлынуло острое чувство тоски по дому. Я часто ходила с отцом на рыбалку, и мы так же располагались на

берегу реки, забрасывали удочки и замирали в ожидании, не произнося ни слова. Отец очень любил бывать на природе. Это было видно по выражению его лица, по широкой улыбке, которая возникала, едва мы отправлялись за город, и становилась еще шире, стоило нам оказаться на речке. Сидя на берегу, отец глядел на воду и счастливо, в голос вздыхал.

Потом, дома, мама всегда спрашивала: «Поймали что-нибудь?» Иногда мы действительно приносили с собой несколько рыбешек, но чаще нам ничего не попадалось, и тогда отец отвечал: «Поймали солнце! Поймали день!»

Матери это нравилось. Ей это безумно нравилось. Она целовала отца в щеку и говорила: «Ты — принц среди мужчин».

Поезд катился по Швейцарии, а я то просыпалась, то снова погружалась в сон, и так до тех пор, пока, тремя часами позже, мы не выехали на более равнинную местность и не остановились у платформы, расположенной на склоне холма.

— Лу-га-но! — объявил проводник. — Лу-га-но!

Мы находились в глубокой долине у подножия Альпийских гор и, по словам дяди Макса, на южной окраине Швейцарии. Ступив на платформу, мы увидели город Лугано, полосой опоясывающий озеро. Над ним, как великаны-часовые, возвышались две горы, их тени лежали на поверхности воды. Горы казались очень темными на фоне голубого неба. Никаких признаков тюрьмы пока не наблюдалось.

Мы сели в такси, и машина закружилась по серпантину горной дороги из Лугано вверх, на Коллина-д'Оро, что означает «холм из золота», как объяснил дядя Макс,

но золота не было. Холм был зеленого и коричневого цвета, а дорога серой. Такси некоторое время выписывало пируэты на крутых поворотах, пока дядя Макс наконец не воскликнул:

— Вот! Вот она!

Возле дороги стоял указатель, а слева, в окружении деревьев, расположилась старая вилла под красной крышей. Снаружи здание выглядело величественным, мощным, огромным и пугающим. Стены из тускло-светлого камня, металлические балконы, высокие окна с черными рамами. Все это походило на картинку из книги, которую подарили мне тетя Сэнди и дядя Макс. В одной из сказок в башне такой же вот виллы заточили принцессу.

Внутри были темные деревянные полы и сумрачные узкие коридоры. Двери и ставни скрипели и стонали. Покрытые пылью старины портреты рядами висели на стенах. Одеты в черное мужчины с серьезными лицами строго смотрели на меня в упор, а некоторые — в сторону, вовсе не замечая моего присутствия. В обеденном зале стены были увешаны древними доспехами и оружием; повсюду виднелись темные пугающие контуры щитов, копий и шлемов. Я прислушивалась, ожидая услышать голоса плененных принцесс.

Это и есть то место, которое миссис Стирлинг выбрала, чтобы основать американскую школу для детей с разных концов мира. Это и есть то место, где я буду учиться. Дядя Макс сказал, что я не одинока, в отличие от других школьников, которые будут жить здесь на полном пансионе, вдали от своих родителей. Мне предстоит жить вместе с ним и тетей Сэнди.

Я по-прежнему думала, что меня заманивают в ловушку, в тюрьму, мне все так же было непонятно,

зачем я здесь, почему я не могла остаться с моими мамой и папой, с Криком, Стеллой и ее малюткой. Я думала, что в чем-то провинилась и теперь меня наказывают за это. Или им надо было освободить место в доме для ребенка Стеллы, и одному из нас — мне — пришлось уйти.

Мы прошли через двор и стали взбираться на холм.

— Вещи потом заберем, — сказал дядя Макс. — Надо было доехать на такси до вершины холма.

Мы поднимались по узким ступенькам крутой каменной лестницы, извивающейся среди деревьев — на одних висели незнакомые оранжевые плоды, другие были покрыты желтыми цветами со сладким, как у джема, запахом. Добравшись до Виа-Попорино, узкой, мощеной улицы, мы прошли мимо желтого дома, потом серого, розового и остановились у дома с белыми стенами и красной крышей. Дом-шале.

— О, Макс! — воскликнула тетя Сэнди. — Я в раю!

Дядя Макс достал из кармана ключи. В узкой прихожей было прохладно и темно. На полу — красная кафельная плитка. Стены покрыты белой штукатуркой.

— Мы попали на небеса! — снова воскликнула тетя Сэнди. — Посмотрите на это!

Мы последовали за ней через широкий проем в комнату с высоким потолком на толстых стропилах. Всю противоположную стену занимали окна и стеклянные двери, через которые мы вышли на балкон.

— Вы когда-нибудь за всю свою жизнь?.. — начала и не смогла закончить тетя Сэнди. — Вы когда-нибудь видели?..

Через всю долину раскинулось озеро. В тот вечер тусклые огоньки светились по всему склону холма и, словно рождественская гирлянда, опутывали располо-

женную напротив гору. На самом верху одиноко мигал красный фонарь.

— Долина, — как завороженная, произнесла тетя Сэнди, — озеро, горы...

— А ты что думаешь, Динни? — спросил дядя Макс. — Разве здесь не здорово? Ведь правда здорово?

Мне вспомнилась деревня на вершине холма в Нью-Мексико, и я представила себе, как ребенка Стеллы впервые привезли домой. Все для него будет таким новым... Я стала смотреть перед собой на гору — огромную, черную, необъятную.

— Конечно, — ответила я. — Это здорово.

Но на самом деле я так не думала. Позже я смогу увидеть всю эту красоту другими глазами и оценить ее по достоинству и буду потрясена ею до глубины души. Но в тот первый день я видела только то, чего там не было, — мою семью, мой дом.

4. Два пленника

Сны Доменики Сантолины Дун

Я стояла на балконе с ребенком Стеллы на руках. Ребенок все плакал и плакал. С горы напротив на нас в бинокль смотрел мой отец. Я махала рукой и звала его, но он не видел и не слышал меня.

Я забралась по склону Коллина-д'Оро до деревни Монтаньола, расположенной на самом верху, и теперь возвращалась другой дорогой, по тропинке с противоположной стороны холма, которая сбегала вниз мимо дома директора школы. Теперь это был дом тети Сэнди и дяди Макса, и они называли его *наша каза*.

— Почему не шале? — спросила я.

— Вообще-то это шале, дом в стиле шале, — стала объяснять тетя Сэнди. — Но по-итальянски слово «дом» звучит как «каза», так что это — наша каза. — Они все время старались обучать меня итальянским словам, поскольку на этом языке разговаривало местное население.

— *Ваша* шале-каза? — переспросила я.

— Наша! — поправила меня тетя. — Наша шале-каза!

В голове у меня образовалась путаница по поводу того, где мы находились. Дядя Макс сказал, что эта местность называется Тичино и люди здесь говорят по-итальянски. В других частях Швейцарии, по его словам, население говорит на немецком, французском языках и на ретороманском диалекте.

— А я думала, что мы в Лугано, — сказала я.

— Лугано — там, внизу, — пояснил дядя Макс, показывая на город. — А деревня Монтаньола расположена выше.

— А где же мы? — недоумевала я.

Он пожал плечами.

— Мы — в казе на Виа-Попорино, между Лугано и Монтаньолой, в Тичино, в Швейцарии, в Европе, на планете Земля.

— А-а, — сказала я.

Я прикрепила на окно в своей спальне лист бумаги, на котором написала:

«МЕНЯ ПОХИТИЛИ! МЕНЯ НЕ ПУСКАЮТ ДОМОЙ!»

Но тетя Сэнди сказала:

— Вряд ли здесь кто-нибудь умеет читать по-английски. — И подарила мне англо-итальянский словарь.

Спускаясь по тропинке из Монтаньолы, я вспоминала историю о двух пленниках, которую накануне рассказал мне мальчик по имени Гутри. Оба пленника, точнее заключенных, сидели в одной тюремной камере. Оба смотрели на волю через одно маленькое окошко. Первый пленник сказал: «Ты только посмотри, как много грязи там, снаружи!» А другой сказал: «Ты только посмотри, как много неба там, снаружи!»

— И это все? — спросила я Гутри, когда он закончил. — И это вся история?

— Подумай об этом хорошенько, — посоветовал Гутри.

Вот я и думала об этом все время. Мои ноги ступали по тропинке, усеянной мелкими камешками и остатками опавших плодов хурмы. Над ними вились осы. Оранжевая мякоть прилипала к подошвам моих новых ботинок. Вдоль старой каменной стены стремительно пробежала ящерица. Что она видела? Может быть, ящерица видела только тропинку, гниющую хурму и ос?

Потом я посмотрела вверх, как, наверное, это делал второй пленник. Впереди возвышались кроны пальм, растущих вдоль тропы, голубое небо с клубами белых облаков и холмы, волнами опускающиеся к голубому озеру. На одном берегу расположилась Швейцария, а на другом — Италия.

Горы занимали большую часть местности вокруг озера, из них две самые высокие находились на противоположных сторонах. На вершине горы Сан-Сальваторе мигал красный огонек, а остроконечный пик горы Бре со всех сторон окружала горная гряда, и поэтому казалось, что он стоял на дне чаши с низкими краями. По

словам Гутри, верхушка Бре будет покрыта снегом уже к октябрю.

Разве не странно, что я, стоя в Швейцарии, могла видеть Италию, и разве не странно, что пальмы могли расти там, где есть снег? И разве не странно, что среди этих пальм стояла я?

Если я закрою глаза, то, может быть, почувствую, что снова нахожусь в Нью-Мексико. Здесь пахло не так, как в Нью-Мексико, воздух был совсем другой. И все же если я закрою глаза и не буду открывать долго-долго, то, может быть, все вокруг меня превратится в Нью-Мексико. Тогда я смогла бы смотреть из окна нашего дома и видеть своих маму и папу, Стеллу и ее малыша. Хотя, если бы они увидели меня, то, возможно, рассердились бы из-за того, что я вернулась.

Когда мне на голову упала хурма, прервав мои размышления, я прикрикнула на нее, и на крону дерева надо мной, и на осу, с жужжанием усевшуюся мне на волосы. «Эй!» Ящерица с целеустремленным видом карабкалась вверх по стене. У нее была своя миссия. Могла она видеть небо? А у меня была миссия? Если бы я сидела в тюрьме и выглянула в окно, что бы я увидела — грязь или небо?

Я не находила ответа на этот вопрос и не понимала, что именно должна была видеть. Мне казалось, что в истории о пленниках, которую рассказал Гутри, не хватает какого-то существенного эпизода.

До начала занятий в школе была еще целая неделя. Гутри сказал, что его багаж вот-вот привезут, и после этого он сразу поедет к друзьям в Милан на все оставшееся время. Гутри будет учиться в этой школе уже второй год. Я думала, что он старше меня, но, как оказалось, ему тоже тринадцать.

— Ты поедешь в Милан один? — спросила я.

— Это совсем близко! Да его, наверно, видно с вершины Сан-Сальваторе. Милано! — воскликнул он, поцеловав кончики своих пальцев и воздев руку к небу.

Этот жест выглядел странно и непонятно, а сам Гутри показался мне каким-то очень взрослым. Я сделала то же самое, и он улыбнулся.

— А как туда добираться? — спросила я.

— Просто садишься на поезд и едешь — *presto!*¹ Оглянуться не успеешь, как уже в Милане. Сама попробуй. Хочешь — поехали вместе.

Гутри с таким же успехом мог предложить мне собрать вещи и поехать в Африку. Чтобы заблудиться, мне было достаточно и этого маленького кусочка Швейцарии, на который меня забросила судьба.

За неделю, прошедшую со дня нашего прибытия, я изучила местность, прилегающую к дому дяди Макса и тети Сэнди, разбив ее на отдельные участки. В первый же день я исследовала весь школьный кампус. На второй день прошла туда и обратно по улице Виа-Попоринно, а сегодня взобралась на холм Коллина-д'Оро до деревни Монтаньола и теперь возвращалась домой окольным путем, по тропинке. Завтра я намеревалась спуститься вниз по склону до церкви Святого Аббондио. Я, как кошка, инстинктивно устанавливала границы зоны своего обитания. Так я поступала всегда и всюду, куда привозили меня родители.

Гутри спросил, где я собираюсь провести время до начала занятий.

— Нигде, — ответила я. — Я вынуждена жить здесь с новым... с моим дядей. — Мне не хотелось говорить, что я живу в доме директора школы.

¹ Быстро (*итал.*).

— Вынуждена жить здесь? — повторил за мной Гутри. — Да я бы правую руку отдал, чтобы жить здесь все время, круглый год.

— А я бы не отдала, — сказала я.

Тогда-то он и рассказал мне историю о двух пленниках.

Когда в тот день я вернулась домой, тетя Сэнди показала мне комнатное растение, подаренное ей соседкой, которое называлось клеома. У него были тонкие бледно-зеленые и белые листья, тянущиеся вверх, и множество ростков — деток, как назвала их тетя Сэнди. С деток свисали маленькие корни, они болтались в воздухе, словно пытались дотянуться до земли. Вот и я такая же, подумалось мне, маленькое растение с корнями, болтающимися в воздухе.

Вечером я стала искать слово «похищенный» в моем новом словаре. Нашлось несколько вариантов, и я выбрала *portare via a forza*, а потом написала новое объявление.

Тетя Сэнди сказала:

— Мне кажется, то, что ты написала, означает «взять силой», и больше похоже на команду, словно ты просишь кого-то прийти к нам в дом и похитить тебя. Ты именно это хотела сказать?

Нет, не это. Но мы обе не имели понятия, как переделывать «взять силой» во «взята силой».

Затем я стала искать слово «помогите!». Но в словаре предлагалось так много вариантов перевода, что в итоге я просто прицелилась карандашом и ткнула в первый попавшийся. «*Servitevi!*» — написала я на плакате.

Когда пришел дядя Макс пожелать мне спокойной ночи, он посмотрел на мою работу и сказал:

— Думаю, что это означает «угощайтесь!». Звучит так, словно ты приглашаешь воров в дом, чтобы забрать все наши вещи. Ты это имела в виду?

5. Почтовые открытки

У моего отца есть две сестры, Грейс и Тилли. Они по-прежнему живут в Байбэнксе, штат Кентукки, в городке, где родились и отец, и я. Грейс и Тилли всегда любили посылать нам почтовые открытки и письма, в которых рассказывали о всех своих новостях, и все же получить от тети Грейс открытку всего лишь через несколько недель после приезда в Швейцарию было для меня сюрпризом.

*«Милая Динни,
надеюсь, вы добрались до Швейцарии без всяких приключений и ваш самолет никто не пытался угнать. Если бы я заранее знала, что ты уезжаешь, я бы помолилась за тебя.*

Как там, в Швейцарии? На каком языке там говорят, на швейцарском? Ты уже была на рыбалке? А что там едят? А я сегодня приготовила тушеное мясо, любимое блюдо Лонни.

С минуты на минуту придет Тилли и принесет свое ужасное творожное желе. Опять придется притворяться, что оно мне нравится.

Шлю тебе целую бочку объятий.

*С любовью,
твоя тетя Грейс».*

На следующий день пришла открытка от Тилли, сестры тети Грейс:

«Милая Динни,
мне позвонил твой папа и сказал, что ты уехала
в далекую Швейцарию. Он очень переживает, но счи-
тает, что это твой шанс и что ты проведешь там
незабываемое время.

Интересно, носишь ли ты там кожаные шорты и носки до колен, или эта одежда только для мальчиков? Ходишь ли ты, как прежде, на рыбалку?

Сегодня мне надо идти на ужин к Грейс. Я буду угощать ее своим творожным желе. Знаешь ли ты, что я получила за него премию на конкурсе? Грейс приготовила тушеное мясо, которое у нее обычно не слишком хорошо получается, однако она очень старается.

Шлю тебе тысячу поцелуев:

x x x x x x x x x x x x x x x x x x
 x x x x x x x x x x x x x x x x x x
 x x x x x x x x x x x x x x x x x x
 x x x x x x x x x x x x x x x x x x

С любовью,
твоя тетя Тилли».

От родителей не было никакой весточки. Они забыли обо мне.

Я бы не удивилась, если бы они на самом деле совершенно обо мне забыли. Однажды, когда мы ехали из Оклахомы в Орегон (а может быть, из Орегона в Техас), мы ненадолго остановились на стоянке для отдыха, а когда я вышла из туалета, нашей машины не было.

Я увидела на стоянке фургон, в который карабкались трое ребятишек, и подумала, не попроситься ли и мне туда. Если мои родители не отыщутся, то, может быть, эти люди позволят мне жить с ними.

Но я не отважилась подойти к ним и уселась на столе для пикников. На стоянку то и дело заезжали машины с фургонами-прицепами, а я все сидела и сидела, пока от усталости не начала клевать носом. И тут вдруг раздался голос Крика, который звал: «Динни! Динни!», — и я увидела, как все наши выскочили из машины, окружили меня, стали ерошить мне волосы, а мама плакала, а папа смеялся, а Стелла сказала: «Динни! Никогда не делай так больше! Ты перепугала нас до смерти!»

Больше я из машины не выходила до самого окончания поездки, даже в туалет или чтобы перекусить.

6. Девочка

Я бежала вниз по склону Коллина-д'Оро, а вокруг меня колыхался густой и горячий воздух, каким он бывал иногда в Техасе или Оклахоме, и облака нависали низко над долиной. Обогнув школьный кампус, тропинка резко повернула налево, нырнула вниз мимо группы древних каменных строений, а затем ушла вправо. Отсюда была видна церковь, а за ней склон холма спускался к самому озеру. Прямо напротив церкви через озеро возвышалась Сан-Сальваторе.

Было удивительно, что, откуда ни посмотришь на эту гору, все время кажется, до нее рукой подать. Глядя из окна своей спальни, я думала, что Сан-Сальваторе расположена прямо передо мной, перед домом. Теперь же

я видела ее с другой точки, и вот она снова, гора, но уже перед церковью.

Бум! Бум-бум-бум! Утром я стояла на балконе комнаты дяди Макса и тогда впервые услышала этот звук. Бум! Он был похож на громкий, глухой раскат грома, эхом отозвавшийся по всей долине.

Я убежала в комнату.

— Нас бомбят! Мы погибнем!

Дядя Макс вышел за мной на балкон. Вскоре вновь раздалось: «Бум! Бум-бум-бум!»

— Мы погибнем!

— Динни, — дядя Макс положил руку мне на плечо, — это не бомбы. Это военные учения. Здесь каждую неделю проводятся военные учения. У меня была примерно такая же реакция, когда год назад я приехал сюда впервые.

— Правда? — не поверила я.

— Я, конечно, не думал, что погибну, но звук действительно был не из приятных.

— Но почему они проводят военные учения? Швейцария — нейтральная страна.

— Нейтральная не означает, что ей не надо быть готовой защитить себя, — сказал дядя Макс.

Бум! Я стояла на дороге возле церкви и прислушивалась к непрекращающейся канонаде в долине. К церкви вела длинная, узкая дорожка с двумя рядами кипарисов по краям. Деревья были высокие и тонкие, словно темные незажженные свечи, тянущиеся к небу. Тропа упиралась в церковь, прямоугольную, построенную из желтого камня, с возвышающейся посередине башней с часами.

По тропинке, на полпути к церкви, шла девочка в шортах и белой рубашке. Она медленно передвигала ноги, как будто ее тянули за невидимую веревку. К тому времени, как я поравнялась с тропинкой, девочка вошла в церковь. Стояла полная тишина, если не считать далекого шума машин на автостраде на другом краю долины. Ни пения птиц, ни людских голосов, только этот шум. Часы показывали без пяти десять.

Дверь церкви была открыта. Внутри оказалось прохладно и темно, только золотистый лучик света проникал через круглое окошко, расположенное высоко в дальней стене. Здесь стояла еще более глубокая тишина, поэтому я ожидала услышать ту девочку, но думала при этом о Стелле и ее ребенке, о Крике, о родителях, и мне хотелось слышать и их тоже.

Я остановилась у входа, пока глаза не привыкли к темноте. Постепенно стали видны ряды темных скамеек, проход посередине, а потом, в дальнем конце, я увидела девочку. Она сидела, положив на колени руки со сплетенными пальцами, голова поднята кверху, к окошку с золотистым лучиком. Я представила, что это Стелла сидит там и что мы совсем не в Швейцарии, а в Америке.

Я вышла из церкви и прислонилась к холодной стене. На башне стали звонить колокола, когда девочка только показалась в дверях. От неожиданности она вздрогнула и воскликнула:

— Ой! — Потом увидела меня и посмотрела вверх, туда, где раскачивались колокола. — Ты только послушай! Это звучит так... так...

— Жутко? — спросила я.

— Нет, не жутко, — сказала она. — Удивительно! Невероятно! И... — Она сделала шаг мне навстречу. — Ты американка? Я — американка!

— Я тоже.

Мне не хотелось, чтобы она спросила, из какого я города. Этот вопрос всегда ставил меня в тупик. То ли называть город, в котором я родилась, то ли в котором жила в последнее время или перед этим?

— Я учусь в местной американской школе. А ты? — спросила девочка.

— Думаю, что тоже.

Она посмотрела на меня искоса.

— Ты *думаешь*? Ты что, не знаешь?

По моим расчетам, я либо совершу побег до начала занятий в школе, либо мои родители приедут и заберут меня, но вместо этого я сказала:

— Мой дядя — директор школы, так что — да, я буду в ней учиться.

— Вот здорово! — воскликнула девочка. — Я здесь начну заново!

Мне было не совсем понятно, что она хотела этим сказать, но разъяснения не последовало, как я ожидала. Вместо этого девочка продолжала оживленно рассказывать о том, что она вместе с родителями остановилась в гостинице в Монтаньоле, и что они собираются в поездку по стране на несколько дней, и что она возвратится к открытию школы, а родители опять уедут в Саудовскую Аравию, где работает ее отец.

— Меня зовут Лайла, — представилась она. — А тебя?

Мне понравилось, как звучит ее имя — Лай-ла.

— Меня? — переспросила я. — Меня зовут Динни.

— Какое смешное имя! — рассмеялась она, но прежде чем я успела обидеться, девочка схватила меня за руку. — Пойдем! — сказала она. — Пойдем в Лугано пешком!

Из деревни, которая оказалась практически сразу за церковью, Лайла позвонила родителям. Я слышала ее голос: «Говорит, что она дочь директора. Я уверена, что с ней безопасно, мама!»

По дороге в Лугано девочка сказала:

— Ты, выходит, будешь жить здесь весь год? Представляю, каково жить здесь целый год. Это как... как... не знаю... как в раю!

— Иногда здесь идет дождик, — пробормотала я.

Она рассмеялась. Смех каким-то мягким бульканьем зарождался у нее где-то глубоко в горле, потом выкатывался и выплескивался изо рта в воздух, обволакивая деревья и кусты. Я бы с удовольствием рассмеялась тоже, но уверена, что издавала бы гораздо менее приятные звуки по сравнению с ней.

Я спросила Лайлу, познакомилась ли она уже с кем-либо из школьников.

— Только с одним, — ответила она. — Недавно, с мальчиком. Гутри, вот как его зовут. Представляешь, что он мне сказал? Он пригласил меня поехать с ним в Милан. В Милан! Сумасшедший какой-то! Как будто родители позволят мне ехать в такую даль, как Милан, с совершенно чужим человеком! И все же он довольно милый, ты знаешь...

Значит, Гутри пригласил с собой в Милан и Лайлу! Я только что познакомилась с этим мальчиком, практически ничего не знала о нем, и все-таки мне было досадно, что он пригласил не только меня. Мне хотелось сказать об этом Лайле, но я на собственном горьком опыте убедилась, что не следует чрезмерно доверять людям, которых недостаточно хорошо знаешь. Когда мы переехали в Калифорнию, я на второй день пребывания в новой школе сказала девочке из моего класса, что мне

нравится один из мальчишек. К наступлению большой перемены уже вся школа-была осведомлена об этом. По дороге домой меня остановили две девочки и заявили с угрозой в голосе: «Думаешь, раз ты новенькая, то лучше других? Так вот, запомни. Этот парень уже занят. А ты ничем не лучше остальных!»

Поэтому, хоть мне было и досадно, что Гутри пригласил с собой в Милан и Лайлу, я не сказала ей об этом.

На широкой площади в центре Лугано мы сели за один из столиков, стоявших на открытом воздухе перед входом в кафе, потом вместе с официантом долго тыкали пальцами в меню и наконец заказали пиццу. Мне принесли пиццу, в начинке которой были какие-то странные коричневые штучки. Лайла сказала, что это анчоусы.

— Это — что?

— Ты не знаешь, что такое анчоусы? — переспросила Лайла. — Это такие крошечные рыбки. Очень соленые.

Я стала их разглядывать. Рыбки были похожи на раздавленных сороконожек. Я вытаскивала их из пиццы и прятала за поджаренной с краю корочкой.

— Ты только подумай! — воскликнула Лайла. — Здесь никто не знает английского. Мы можем говорить, что хотим, и ни один человек не догадается.

— А дядя Макс сказал, что большинство людей здесь понимают по-английски. Это мы не понимаем их.

— Правда? — удивилась Лайла. — Хорошо, что ты мне сказала, а то бы я ляпнула что-нибудь, а потом сама же жалела.

Мне даже в голову не могло прийти что-то, о чем Лайла сказала бы и потом пожалела, и даже если бы такое случилось, я бы не возражала. Мне просто нравилось сидеть с этой девочкой за столиком на открытом возду-

хе и казалось, что я обрела друга среди стольких чужих людей вокруг.

Посреди площади стоял жонглер и подбрасывал красные мячики. На тротуаре сустились и клевали крошки голуби. По всем четырем сторонам площади стояли высокие здания. Оттуда, где мы сидели, я не могла видеть гору. Я знала, что она была там, за домами, за деревьями, но не видела ее и чувствовала себя здесь в безопасности.

Мне всегда казалось, что гора, такая темная и огромная, неотступно следит за мной, нависая над окрестностями, загораживая собой все, что находится за ней. И еще она невольно заставляла меня постоянно помнить о моих родных, с которыми я жила когда-то среди таких же гор.

Иногда я задумывалась о чем-то своем — слушая, например, звон колоколов церкви Святого Аббондио или разглядывая узкие, извилистые швейцарские улочки, — и тогда мой взгляд вдруг падал на гору, и я снова вспоминала о нашей семье и чувствовала себя виноватой за то, что думаю не о них и что мне на самом деле многое нравится здесь, на новом месте.

Что будет, если я совершенно адаптируюсь, если забуду о них, а они — обо мне?

Я проводила Лайлу до гостиницы в Монтаньоле. Ее отец сидел на террасе, повернув лицо к солнцу. Лайла представила меня.

— Американка? — произнес он. — Твой дядя — директор? Надеюсь, он знает свое дело. — Отец Лайлы засмеялся, но смех его был не добрым, как у дочери, а холодным и ироничным. В небе над его головой появился небольшой реактивный самолет «кроссэйр», похожий на тонкую, красно-белую летучую рыбу, и на низкой высоте пронесся над долиной.

Когда я уходила, то обернулась и посмотрела на них обоих. Лайла стояла лицом к отцу, а он как будто внушал ей что-то, уставив на нее указательный палец. Она успокаивающе похлопала его по плечу и засмеялась. Этот смех стоял у меня в ушах, когда я шла вниз по склону холма. Я слышала его еще долгое время на всем пути по Коллина-д'Оро, дольше, чем можно было бы фактически слышать его, если бы Лайла продолжала смеяться.

Сны Доменики Сантолины Дун

Я была анчоусом и плавала в облаке, а мимо летела птица. Она все время смеялась, смеялась, смеялась. Птица могла врезаться в гору. Мне хотелось предупредить ее: «Осторожно! Осторожно!», но я была анчоусом, который не умел разговаривать. А потом я провалилась в дырку в облаке и стала падать вниз, вниз, вниз. Но так и не долетела до земли, потому что проснулась.

7. Королева

Миссис Стирлинг, основательница и владелица школы, объявилась в городе за день до начала занятий. Глядя, как суетились учителя и персонал, готовясь к ее приезду, можно было подумать, что ожидался визит самой английской королевы. Впрочем, у всех, кто встречался с этой дамой, создавалось впечатление, что перед ними действительно настоящая королева.

Я не знаю, сколько ей лет на самом деле. По некоторым предположениям, от шестидесяти пяти до семидесяти, а сама она в шутку как-то сказала, что ей исполнилось сто пять. Ничего не могу добавить по этому поводу,

только если судить по тому, как она держится, ей не дашь и шестидесяти.

Ее черные с проседью волосы уложены в пышную прическу. Одета, как правило, в черное платье с глубоким вырезом, на шее — длинное жемчужное ожерелье, в ушах — огромные сверкающие серьги, а на ногах — черные туфли на высоких каблуках-шпильках. Такой наряд служил для нее своего рода форменной одеждой, в которую лишь иногда вносились небольшие изменения, например, красные туфли на шпильках вместо черных. Она всегда выглядела очень элегантно, и все невольно поворачивали головы в ее сторону, стоило ей войти в помещение. Миссис Стирлинг знала всех по имени и свободно говорила на английском, французском и итальянском языках, причем переключалась с одного на другой, не моргнув глазом.

Ее дом, «Каза Стирлинг» — бесформенное четырех-вековое строение с высокой башней-звонницей, стоял на краю кампуса. Еще у нее были дома на территориях других принадлежавших ей школ во Франции, Испании и Англии, а также вилла в Италии. Всю жизнь миссис Стирлинг переезжала из одной школы в другую (или из одного дома в другой), задерживаясь на одном месте обычно не более недели.

Она сама управляла своим голубым «Вольво» и славилась тем, что увлекалась быстрой ездой на поворотах и превышала любые ограничения скорости. Она также могла сорваться с места без всякой подготовки, сказав: «Я уехала в Англию!» — и проделать на машине весь путь без отдыха, днем и ночью, через Швейцарию и Францию, затем на пароме в Англию, а там без остановки до самой школы. Если же дело было срочным, она пользовалась самолетом.

Впервые я встретила миссис Стирлинг в день сбора учащихся на открытии учебного года. Во дворе своего дома она устроила грандиозное чаепитие, люди постоянно подходили и уходили. Дядя Макс велел мне идти вместе с ним и тетей Сэнди, добавив, что миссис Стирлинг ждет не дождется познакомиться со мной. Мне было непонятно, зачем ей это надо, и представилось, что, как только она меня увидит, сразу прикажет: «Отрубить ей голову!» От такой мысли мне стало не по себе.

Но ничего подобного не произошло. Она взяла обе мои руки в свои и сказала, что у меня очаровательное лицо и очаровательное имя, и ей необыкновенно приятно, что я буду учиться в ее школе, и ей необыкновенно приятно, что дядя Макс и тетя Сэнди тоже будут в этой школе.

Я тогда подумала, что, возможно, миссис Стирлинг была чем-то вроде свадебного генерала, как королева в Англии, что она, возможно, на самом деле ничего не делала и не решала, но я ошиблась. Дядя Макс объяснил:

— Она в курсе всего, что происходит, и, если ей это не по нраву, велит изменить или улучшить, причем сразу, без промедления! — Произнося эту фразу, дядя Макс выглядел немного обеспокоенным.

— А я думала, вы здесь начальник, — сказала я.

— Нет, — возразил дядя. — Начальник — миссис Стирлинг, и я рад этому.

— Почему?

— Потому что она хорошо знает свое дело. Я, конечно, могу не во всем с ней соглашаться, время покажет, кто прав, однако вижу, что она обладает прекрасным чутьем. Только посмотри, как она здесь все организовала! — Дядя Макс сделал жест рукой в сторону кампуса, указывая на виллу, террасы газонов, крытый бассейн и спальные корпуса, на учащихся и их родителей раз-

ных национальностей, бродивших по территории. — А начинала она с нуля, с двух учеников, ее собственных детей. Зато теперь — смотри...

Миссис Стирлинг легкой походкой направлялась в нашу сторону, по пути выискивая что-то в складках платья. Наконец она достала губную помаду, на ходу открыла ее и подкрасила губы, не глядя в зеркало (это произвело на меня большое впечатление), а затем засунула помаду обратно.

— Макс, дорогой, — сказала она дяде. — Поищи, пожалуйста, эту очаровательную семью, которая приехала из самой Осаки сегодня утром. Похоже, у них возникла проблема с оплатой. Ты не мог бы уладить это дело с бухгалтерией? — Она посмотрела на меня и улыбнулась. — Доменика — какое чудесное имя!

— У вас действительно есть дом в Италии? — поинтересовалась я.

— Да! Он находится в самом замечательном месте на всем свете, и мы с тобой обязательно съездим туда вместе очень скоро. И Макс и Сэнди тоже.

— А как называется это место в Италии? — снова спросила я.

Она не успела ответить, потому что увидела Гутри.

— Питер, дорогой! — позвала миссис Стирлинг.

Питер? Я что, неправильно расслышала его имя?

Питер, он же Гутри, покраснел и подошел к ней.

Миссис Стирлинг постучала пальцем по бейджику у него на груди, на котором было написано: «Гутри».

— Милый, у тебя замечательное имя. Почему тебе обязательно нужно, чтобы тебя звали по фамилии? — Она похлопала меня по плечу. — Доменика, дорогая, ты уже познакомилась с Питером? Питер Ломбарди Гутри Третий.

— Гутри, — пробормотал он в мою сторону.

— Питер — самый очаровательный молодой человек, — сказала миссис Стирлинг. — Принц!

Гутри не проявил никакого восторга по поводу того, что его называют принцем, однако улыбнулся миссис Стирлинг.

— Гутри! — послышался чей-то призывный голос. Из-за его спины появилась Лайла. — А-а, привет, незнакомка, — сказала она мне.

Незнакомка? Это слово неприятно кольнуло меня. С какой стати я — незнакомка? Я такая же незнакомка, как и она. Это напомнило мне, как каждый раз, когда я оказывалась в чужом городе, в чужой школе, в чужом классе, кто-нибудь обязательно говорил: «А это что за чужая девочка?» И я чувствовала себя именно так — чужой. И в ответ смотрела на всех как на чужаков и спрашивала себя: кто они такие?

— Меня зовут Динни, — напомнила я Лайле.

— Я знаю, — сказала она.

На ней было белое хлопчатобумажное платье и сандалии, и она вся была какая-то очень чистенькая. На моем рукаве размазалось пятно от съеденного вишневого пирога.

— А ты кто, милая? — спросила миссис Стирлинг, беря Лайлу за подбородок.

«Незнакомка, — хотелось выкрикнуть мне. — Она такая же незнакомая и чужая, как и я».

Лайла протянула вверх руку и дотронулась до маленькой жемчужной сережки миссис Стирлинг.

— Я Лайла, — как ни в чем не бывало сказала она. — Я американка.

— Да, очевидно, — произнесла миссис Стирлинг.

— А вы — собственница этой недвижимости? — задала вопрос Лайла.

— Недвижимости? — обиженно переспросила миссис Стирлинг. — Ты хочешь сказать — школы? Я ее основала.

— И владеете ею, ведь так? — настаивала Лайла.

Миссис Стирлинг повернулась к дяде Макс:

— О, эти американцы, иногда они бывают такими прямолинейными!

— Могу я поговорить с вами насчет моей комнаты? — не отставала Лайла.

Миссис Стирлинг помахала кому-то на другом краю двора.

— Макс, — обратилась она к дяде, — не могли бы вы обсудить с этой юной леди жилищные вопросы? — Она улыбнулась каждому из нас и отошла к другой группе гостей.

К тому времени, как дядя Макс, вырвался, наконец, в тот вечер домой, в руках он держал список из двадцати трех пунктов, по которым, в соответствии с просьбами миссис Стирлинг, нужно было что-то уладить или исправить.

— Она не упустит ни единой мелочи! — воскликнула тетя Сэнди.

— Да, с ней не соскучишься, — согласился дядя Макс, но в его голосе не было разочарования, наоборот, он выглядел настроенным на деловой лад, готовым к действию, словно хотел скорее взяться за работу и добиться успеха, доказать миссис Стирлинг, что она в нем не ошиблась.

В эту минуту дядя Макс напоминал мне маму, которая становилась такой же возбужденной и деятельной

каждый раз, когда мы приезжали в новый город. «Пора за работу! — говорила она всем нам. — У нас много дел!»

Я спросила тетю Сэнди, знает ли она, где в Италии находится дом миссис Стирлинг.

Тетя Сэнди в этот момент пыталась прочитать инструкцию на упаковке со смесью для выпечки пирога.

— Точно не знаю, но где-то недалеко от Флоренции, — сказала она. — Никак не могу понять, что пишут в этой инструкции. Надо добавить либо два яйца, либо чего-то еще. Подай мне, пожалуйста, словарь.

Поскольку у миссис Стирлинг был дом в Италии, я невольно вспомнила о бабушке Фиорелли. Ведь вполне возможно, что они были когда-то знакомы. А вдруг мне удастся увидеть места, в которых выросла моя бабушка? Хотя бабушка Фиорелли знала меня не больше, чем тетя Сэнди или дядя Макс, мне все же хотелось посетить ее родину, ее дом. Если бы я очутилась там, то кто-нибудь, возможно, увидел бы меня и сказал: «А я тебя знаю! Ты — внучка госпожи Фиорелли!»

А я бы прошла по улицам, где ходила бабушка, зашла в дом, где она жила, и тоже почувствовала бы себя как дома.

Сидя на кухне с тетей Сэнди, я спросила:

— Вы знаете, где в Италии жила бабушка Фиорелли? Вы знаете, откуда она родом?

Тетя Сэнди вылавливала из миски попавшую туда яичную скорлупу.

— Мама? Откуда она родом? Хороший вопрос. Название начинается с «Кампо-», а дальше не помню.

— Вы слышали, что миссис Стирлинг пригласила нас в гости в свой дом в Италии?

— Слышала. Думаю, что мне для начала надо поучиться хорошим манерам. И еще я хочу убедиться, что

мы все еще будем здесь через неделю. Я не уверена, что справлюсь с этой работой. — Она посмотрела на дядю Макса, который сидел за столом со своим списком неотложных дел. — Надеюсь, что он справится! — сказала тетя. — Нести круглосуточную ответственность за несколько сотен подростков — я бы не смогла! — Тетю Сэнди передернуло от этой мысли. — Я не способна даже кошку вовремя покормить!

— У вас нет кошки, — сказала я.

— Вот видишь! Я даже не помню, что у меня нет кошки!

8. Язык итальянки

Гутри был весь как живой сгусток назлектризованной энергии. Все приводило его в восторг — учеба, спорт, походы на природу, еда, люди. Но более всего он восхищался Швейцарией. «*Svizzerà!*» — произносил он драматическим голосом. — *Bella, bella Svizzera!*¹ В такие минуты мне вспоминался отец, который тоже мог скакать и дурачиться от избытка восторга и энтузиазма.

Я спросила у Гутри, как по-итальянски «меня похитили», и, вернувшись домой, переписала свое воззвание. Но тетя Сэнди, увидев его, сказала:

— Мне кажется, то, что ты написала, означает «меня постригли». В итоге у нас здесь может образоваться очередь из желающих привести в порядок свои волосы.

Я попыталась по-другому написать то, что услышала от Гутри. Тетя Сэнди полистала мой словарь и сказала:

— Это значит «репа». И еще «тупоголовый».

¹ Швейцария! Прекрасная, прекрасная Швейцария! (*Итал.*)

По национальности Гутри — американец. Он учился в этой школе уже второй год и знал кучу итальянских слов. Однако, по выражению дяди Макса, Гутри разговаривал на своей собственной версии итальянского языка. «Иногда он безжалостно коверкает слова, но делает это с таким *gusto*¹, что это не вызывает неприятных ощущений, — сказал дядя Макс.

Меня завораживали люди, общавшиеся на итальянском. Я не могла оторвать глаз от ребятишек, прогуливающих вдоль озера со своими родителями и болтающих между собой по-итальянски. Они казались мне такими умными! Я понимала, что это был их родной язык, другого они просто не знали, и все же дети представлялись мне невероятно способными и талантливыми. А когда какой-нибудь мальчик подавал своей собаке команду «сидеть» — *siediti!* — и собака ее выполняла, я поражалась: «Ого, здесь даже собаки понимают по-итальянски!»

Что касается меня, то я могла изредка блеснуть знанием некоторых слов, например, *ciao!* (*чао!* — что означает одновременно «привет!» и «пока!») или *andiamo!* (*пойдем!*). Если нужно было задать вопрос, я могла начать фразу: «Dov'è?..» («Где находится?..»), однако не знала, как ее завершить, поэтому в итоге у меня получалось что-то вроде: «Dov'è автобусная остановка?» — и люди с недоумением смотрели на меня. И даже если мне удавалось полностью сформулировать вопрос на итальянском, в ответ я слышала только нечто невразумительное типа *мамбл-мамбалино...*

В школе большинство из нас посещали уроки итальянского. Три раза в неделю мы изучали грамматику. Это

¹ Здесь: обаяние (*итал.*).

была пытка... Я совершенно ничего не понимала. Мой мозг отказывался воспринимать то, что в итальянском языке слово, соответствующее, например, английскому *red*¹, может меняться в зависимости от другого слова, которое оно определяет. Иногда *red* означает *rossa*, иногда — *rosso*². А крошечный английский неопределенный артикль *a* в итальянском языке превращается когда в *una*, когда в *uno*, а когда в *un*.

В итальянском языке, в отличие от английского, одни слова имеют женский род (например, *una macchina* — машина), другие — мужской (*un battello* — корабль). Соответственно «красная машина» звучит как *una macchina rossa*, а «красный корабль» — *un battello rosso*. Разве можно определить, какие слова мужского, а какие — женского рода? Как получилось, что машина стала женского рода, а корабль — мужского? Ну почему не назвать все вещи существительными среднего рода, как в английском? Уму непостижимо, как все это могут выучить бедные маленькие итальянские дети!

— Надо запоминать, — сказала наша учительница итальянского. — Запоминать!

Я стала представлять себе машину с губной помадой и корабль с усами, чтобы запомнить, какое из этих двух слов женского рода, а какое — мужского.

Два раза в неделю у нас были уроки разговорного итальянского языка. Мы выучивали диалоги и воспроизводили их в классе. Если думать о содержании диалога, то становилось неловко, потому что нормальный человек не может сидеть все утро и твердить: «У меня есть красная ручка и голубая ручка. У меня две ручки. Сколь-

¹ Красный, красная и т. д. (англ.). В английском языке имена прилагательные и существительные не изменяются по родам.

² Красная, красный (итал.).

ко у тебя ручек?» Если действительно задуматься над тем, что говоришь, то можно почувствовать себя полным идиотом. Но если сосредоточиться на произношении и ритме, то все уже не кажется таким нелепым.

На уроках у меня получались всякие несуразности, и учительнице приходилось то и дело поправлять меня. Так, я заявила ей однажды, что ложусь спать в *семьсот часов* и что мне *триста тридцать лет*. В одном из диалогов я задала вопрос: «Сколько стоит времени?» А в другом случае сказала: «Я хочу шестьсот картошек, нет, спасибо».

Неужели бабушка Фиорелли действительно умела разговаривать на этом языке, и неужели она на самом деле не знала ни слова по-английски, когда приехала в Америку, и насколько трудно ей было выучить английский? Время от времени я задумывалась об этих вещах.

И еще я думала обо всех иностранных учениках нашей американской школы — японцах, испанцах, французах, норвежцах, индийцах, саудовцах, иранцах, немцах, голландцах, китайцах, — как им удавалось изучать на совершенно чужом для них английском языке такие предметы, как история, алгебра, естественные науки?

Мне казалось, что, когда иностранцы на ломаном английском задавали мне вопросы вроде: «Как достичь на спортзал?» или «Ты населяешь Америку?» — они выражались гораздо понятнее, чем я по-итальянски.

Иногда, засиживаясь допоздна за учебником итальянского, я приходила в такое отчаяние из-за своей неспособности запомнить какие-то слова или фразы, что швыряла книгу через всю комнату. Если тетя Сэнди слышала шум, она входила, постучав в дверь, и сочувственно спрашивала: «Учишь итальянский?» Она с понимани-

ем относилась к моим срывам, потому что как-то пришла домой с испорченной прической, не сумев правильно объяснить в парикмахерской, чего хотела.

Лишь однажды я заслужила одобрительные слова в свой адрес от учительницы итальянского, хотя в ту минуту не восприняла их в качестве комплимента. Она сказала, что у меня язык итальянки (то есть устроен, как у настоящей итальянки). Тогда это прозвучало как оскорбление, но Гутри объяснил, что речь шла о моем хорошем произношении. И я подумала, что, наверное, мне запомнились итальянские слова, которые говорила моя мама, и то, как она их произносила.

Сны Доменики Сантолины Дун

Я получила целый мешок писем от родителей, Стеллы и Крика. Все письма были на итальянском языке, и я не могла прочитать их. Я показывала письма всем подряд, но ни один человек тоже не мог понять, что в них написано. «Это не настоящий итальянский», — говорили все. В некоторых конвертах лежали фотографии, но я не могла разобрать, что на них изображено. Все они были очень, очень черными. «Наверное, фотографии тоже на итальянском», — подумала я.

9. Больные пальцы и новые зубы

Я получила еще две открытки — одну от тети Грейс и одну от тети Тилли.

*«Милая Динни,
спасибо за открытку. До этого у меня никогда в жизни не было швейцарской марки! Не понимаю, зачем*

тебе говорить по-итальянски, если ты не в Италии. Надеюсь, тебе скоро удастся выбраться на рыбалку.

Лонни сделали операцию на пальце ноги, и не совсем удачно, но он проконсультировался у специалиста, и оказалось, что ампутировать не надо, чему он очень рад, будь уверена.

Сейчас пойду к Тилли. Отнесу ей немного тушеного мяса, потому что сама она его готовить не умеет.

Шлю тебе две бочки объятий.

*С любовью,
твоя тетя Грейс».*

Содержание открытки тети Тилли было следующим:

*«Милая Динни,
вот увидишь, с твоим папой все будет в порядке. Непросто растить детей, а потом наблюдать, как они улетают из гнезда, но так и должно быть.*

У меня есть фотография ребенка Стеллы, он просто чудо.

Наверно, тебе стоит самой пойти на рыбалку.

Скоро мне вставят новые зубы, и я буду выглядеть, как Мэрилин Монро!

Сейчас возьмусь за желе. Жду в гости Грейс, опять принесет свое ужасное тушеное мясо. Не говори ей, что я тебе это сказала.

Помножь эти два поцелуя на миллиард, и получишь как раз столько, сколько я их тебе посылаю: X X.

С любовью от твоей тети Тилли, чемпионки по приготовлению творожного желе».

10. Жалобы

Лайла уже не считала, что все вокруг было «чудесно» и «невероятно». Теперь все для нее стало «ужасным». Иногда мне казалось, что она нарочно старалась вызвать к себе антипатию со стороны окружающих. Началось это на второй день занятий, когда Лайла потребовала, чтобы ей заменили девочку, с которой она жила в одной комнате. Девочку звали Белен, она училась в школе уже второй год.

— Я не могу понять ни слова из того, что она говорит, — жаловалась Лайла.

— Скоро привыкнешь и начнешь понимать, — уговаривала ее администратор спального корпуса.

Лайла позвонила своим родителям в Саудовскую Аравию и пожаловалась им. Потом она постучала в дверь кабинета дяди Макса.

— Мои родители не для того платят вам кучу денег, чтобы я находилась в комнате с кем-то, кто даже не говорит по-английски! — возмущалась она. — Если бы я знала, что мне придется жить вместе с иностранкой из Испании, я бы сюда даже не сунулась, можете быть уверены. Я хочу жить с американской девочкой!

Почти обо всех выходах Лайлы я узнавала в основном дома. Дядя Макс заранее предупредил меня, что, возможно, мне придется слышать вещи, которые необходимо держать в секрете. Я должна вести себя так, словно ничего не знаю о том, что услышала дома.

— Иногда, — сказал как-то дядя Макс, — мне, наверно, придется делиться с Сэнди разными неприятными новостями, и ты невольно можешь стать свидетельницей таких разговоров. Если ты будешь чувствовать себя неловко, сразу же дай мне знать.

Когда до моих ушей донеслось то, что касалось конфликта между Лайлой и Белен, я спросила дядю:

— Почему нельзя поселить ее с американской девочкой?

Дядя Макс объяснил, что основная задача школы как раз и состоит в том, чтобы объединить совершенно разных учеников.

— В итоге Лайла научится хоть немного говорить по-испански, лучше узнает Белен. А Белен научится английскому и познакомится с американской девочкой. Ничего, Лайла постепенно привыкнет и успокоится, вот увидишь.

Но Лайла и не думала успокаиваться. Целую неделю она ежедневно появлялась в кабинете дяди Макса и требовала переселить ее в другую комнату.

— Как ты можешь терпеть все это? — спросила его тетя Сэнди. — Честное слово, я бы так не смогла. Я бы прыгала до потолка от злости и кричала на детей, чтобы они замолчали. Окажись я на твоей должности, меня бы уволили на следующий день.

Через неделю я опять спросила дядю Макса:

— Почему бы вам просто не поселить Лайлу в другую комнату?

— Белен — очень хорошая девочка. Вот увидишь, в конце концов они с Лайлой станут лучшими подругами.

В понедельник после очередного визита к директору разъяренная Лайла выскочила из его кабинета и ушла с занятий. Она звонила по телефону родителям, поздно вечером звонила домой дяде Макс, она выбросила из комнаты вещи Белен, она не давала покоя администратору спального корпуса.

Теперь уже разозлилась Белен и тоже потребовала, чтобы ее переселили в другую комнату. Однако Лайла

после трех дней возмущений и ругани вдруг резко пере-
менила направление своих претензий. На этот раз ее не
устраивало питание, которое, как она заявила, было от-
вратительным. Лайла даже собрала несколько подписей
других учеников под требованием включить в меню сто-
ловой настоящие американские гамбургеры и настоя-
щую американскую кашу. В столовой она ругалась с по-
варами:

— Как вы можете готовить эти помои?

И с учениками:

— Как вы можете есть эти помои?

Когда Лайле предложили четыре часа в неделю за-
ниматься обязательными для всех общественными ра-
ботами — дежурить по столовой и библиотеке, помо-
гать делать уроки отстающим, навещать больных, она
отказалась. Преподавателю, ответственному за прове-
дение общественных работ, она заявила:

— Это рабский труд. Мои родители не для того пла-
тят кучу денег, чтобы я работала на вас!

Лайлу оставили после уроков за отказ от обществен-
ных работ, но она сбежала и позвонила родителям, ко-
торые, в свою очередь, позвонили дяде Максу. Тот
разъяснил им идею воспитания школьников в духе вза-
имной помощи и велел оставить Лайлу после уроков еще
два раза.

Другая проблема возникла по поводу отношения
Лайлы к спортивной подготовке. Она записалась на тен-
нис, но расписание занятий оказалось уже заполнено,
и ее включили в группу по плаванию.

— Возьмите на работу еще одного инструктора по
теннису, — заявила она руководителю спортивной под-
готовки. — Мои родители не для того платят кучу денег,
чтобы я занималась спортом, который мне не нравится.

— Увидишь, ты просто влюбишься в плавание, — пытался убедить ее руководитель спортивной подготовки.

Среди учеников за Лайлой закрепилось прозвище папенькиной дочки, все старались держаться от нее подальше. Когда ее имя упоминалось у нас в доме, дядя Макс начинал озабоченно тереть лоб, а тетя Сэнди невольно восклицала:

— Что еще взбрело в голову этой девочке?

Иногда я заступалась за Лайлу. В разговорах с ней я терпеливо выслушивала ее жалобы. При этом ее не смущало, что, понося школу, Лайла тем самым оскорбляла моего дядю. Например, она могла сказать:

— Честное слово, они сами не знают, что делают! — Или: — Им на все наплевать! — Или: — Они и слушать меня не хотят!

«Они» относилось, как правило, к учителям, но во всех случаях подразумевало также и директора, дядю Макса. Часто Лайла говорила:

— Почему же он-то ничего не предпринимает?!

Меня иногда спрашивали, как мне удавалось сохранять терпение в присутствии Лайлы и почему я дружила с ней. Я не знала, что ответить. С одной стороны, мне запомнилось первое впечатление от встречи с веселой, дружелюбной девочкой. Теперь же, когда я все время была рядом с Лайлой, мне казалось, что так и должно быть. Мне даже в голову никогда не приходило повернуться и уйти или велеть ей замолчать. Находясь возле Лайлы, я словно смотрела кино. Иногда она делала или говорила, казалось бы, невероятные, непростительные вещи, однако хотелось остаться и увидеть, что же будет дальше.

Слушая Лайлу, я часто ловила себя на том, что согласно киваю головой и сочувствую ей по поводу всех

несправедливостей, которые, по ее словам, с ней приключались. А дома меня словно подменяли. Когда дядя Макс сетовал на поведение Лайлы, мне становилось стыдно за нее и жалко дядю Макса — она причиняла ему столько неприятностей.

Однажды в разговоре с ней я попыталась встать на сторону дяди Макса и рассмотреть ситуацию с его точки зрения. В ответ Лайла возмутилась:

— Честное слово, Динни, не понимаю, почему ты его защищаешь! Честное слово, иногда мне кажется, что я тебе совсем не нравлюсь!

Она мне не нравилась? По правде сказать, я никогда не задумывалась, нравилась мне Лайла или нет. Для меня она была просто Лайла.

— Хорошо тебе! — произнесла вдруг она.

— Хорошо? Мне?

— Ты дома живешь, — сказала и расплакалась.

Не могла же я объяснять ей, что мой настоящий дом находился за тысячи километров отсюда, на вершине холма в Нью-Мексико... Впрочем, там ли он все еще находился? Может быть, мои родители опять переехали, а мне не сообщили об этом?

Я не могла объяснять Лайле, что мои настоящие родители отгрузили меня, как ненужный багаж, и, похоже, даже не замечали, что меня с ними больше нет. Я не могла рассказывать ей, что мысли о них не покидали меня ни днем ни ночью, ни ночью ни днем, что без них я чувствовала себя беззащитной, ненужной, позабытой и брошенной. И еще я не могла понять, почему Лайла весь последний месяц нападала на дядю Макса, а теперь говорила, как мне хорошо, что живу в его доме.

— Тебе не приходится все время быть одной, — всхлипывала она.

— А-а, — догадалась я, — ты чувствуешь себя одинокой?

Лайла стукнула меня.

— Разве я тебе только что не сказала?

— Не совсем...

— Ну, это уж слишком! Теперь она со мной спорит! Именно сейчас, когда мне плохо и одиноко!

Тогда я пригласила ее на ужин. Наверное, Лайла скучала по дому. Может быть, домашняя обстановка улучшит ее настроение. Я обрадовалась, что так хорошо придумала.

Но остальным моя идея показалась не такой уж удачной. Когда я в тот же вечер сказала тете Сэнди, что пригласила на ужин Лайлу, она расстроилась:

— Но, Динни... Мне нужно проверять сочинения и составлять отчеты. И у Макса много работы. Я намеревалась просто собрать что-нибудь быстренько на ужин...

— Ничего, Лайле все равно, — сказала я.

— Ты шутишь? — возразила тетя Сэнди. — Это же та самая девочка, которая собирала подписи под протестом против школьных помоев!

11. Как это грубо!

Около шести вечера дядя Макс вырвался наконец с работы домой, где его ожидало известие о предстоящем с минуты на минуту визите Лайлы. Узнав об этом, он поморщился, бросил печальный взгляд на свой портфель с рабочими бумагами и произнес:

— Что ж, пожалуй, надо сначала ополоснуться.

Стоило Лайле переступить порог, она сразу принялась болтать и уже не останавливалась ни на минуту. Я было приняла это за хороший знак, решив, что она со-

знательно старается вести себя дружелюбно. Дядя Макс и тетя Сэнди тоже явно вздохнули с облегчением, поняв, что Лайла не намерена говорить о своих претензиях и жалобах.

Однако, когда мы сели ужинать, она все испортила.

— Эти японцы мне на нервы действуют, — безапелляционно заявила Лайла, не оставив ни единому ученику из Японии в нашей школе надежды заслужить ее расположение.

— Абсолютно все японцы? — спросила тетя Сэнди.

— Все как один! — отрезала Лайла. — Они никогда тебе в глаза не смотрят, даже если с ними разговариваешь. Как это грубо с их стороны!

— Но, может быть, — попробовала возразить тетя Сэнди, — у них в стране не принято...

— Они же не у себя в стране, правда? — не дала ей закончить Лайла. — Я хочу сказать, если в своей Японии они не хотят смотреть на людей, с которыми общаются, — что ж, это их дело, кто их может там заставить? Но они же здесь! Они живут среди американцев!

— Хочешь еще картошки? — предложила я.

— Их невозможно отличить друг от друга! — сказала Лайла.

Сначала я подумала, что она имела в виду картофелины, но по расстроенному выражению лица дяди Макса поняла, что речь по-прежнему шла о школьниках из Японии.

— Может быть, им так же трудно различать американских детей, — сказал дядя Макс.

— Нет, это невозможно, — заявила Лайла. — Мы все такие разные!

Тетя Сэнди спросила ее, какой иностранный язык она изучает в школе. В дополнение к обязательному италья-

янскому нам, по желанию, можно было выбрать еще какой-нибудь язык.

— Во-первых, я должна учить этот итальянский бред, — ответила Лайла, — и еще я взяла испанский, но со следующего семестра откажусь от него. Испанский — противный. Раньше он мне нравился, но теперь, когда приходится общаться со столькими испанскими мальчиками и девочками, я слышать его не могу. Вы представляете, как они себя ведут? Все время непрерывно говорят по-испански! Как это грубо с их стороны!

Немецкие школьники, по мнению Лайлы, были слишком бесцеремонными и, очевидно, слишком умными.

— Вы представляете, что они творят на уроке истории? — возмущалась она. — Они все рассказывают сами, готовы ответить на любой вопрос! Другим даже подумать некогда! Как это грубо с их стороны!

Потом она принялась за шведских школьников, за французских, иранских... За вечер Лайла успела раскритиковать практически все национальности, какие присутствовали в школе. Наконец дядя Макс не выдержал:

— Но, по крайней мере, американцами ты довольна? Хорошо, что у нас есть и американцы, правда?

Некоторое время Лайла в задумчивости жевала. Потом медленно начала:

— Может быть, мне не следует это говорить, поскольку вы — директор и все такое... Поначалу я думала, что это — американская школа...

— Она и есть американская, — вставил дядя Макс.

— А вот и нет! Здесь полно людей, которые не американцы.

— Большинство учеников являются гражданами США, — сказал дядя Макс. — Кроме того, эта школа

американская по программе обучения, по своей философии, по...

— Это вы так считаете, — возразила Лайла. — И потом, американцы здесь — вовсе и не американцы.

— Как это — не американцы? — вмешалась в разговор тетя Сэнди. В ее голосе звучало раздражение. Она вцепилась руками в свой стул с таким видом, словно могла наброситься на Лайлу и задушить ее.

Мысленно я уже давно замотала рот Лайлы ее собственной косынкой, чтобы не позволить ей произнести больше ни слова.

— Как это — не американцы? — повторила тетя Сэнди.

— Да, не американцы, — поучительным тоном произнесла Лайла. — Большинство из них уже много лет не живут в Штатах. Они живут где угодно, только не в Штатах. Им уже все равно, американец человек или нет.

— Ты считаешь, что окружающих должен волновать тот факт, что ты — американка, не так ли? — спросил дядя Макс. — Они должны обращать внимание...

— Да! — ответила Лайла. — Да, должны. Потому что, если это американская школа, то американцы здесь должны быть — ну, вы понимаете... — Она не поднимала глаз от своей тарелки. — Прежде всего, остальные не должны обращаться с американцами так грубо.

Я все ждала, когда мне можно будет вмешаться в разговор, и наконец решила, что наступил подходящий момент.

— Лайла, наверное, чувствует себя здесь чужой. Это ужасно — чувствовать себя чужой.

Я посмотрела на нее, ожидая увидеть признательную улыбку на ее лице или взгляд, преисполненный благо-

дарного удивления по поводу глубины моего понимания и сочувствия. Лайла не улыбалась. Зато она произнесла ледяным тоном:

— Я не чувствую себя чужой, Динни. Нелепость какая!

Мысленно я опрокинула тарелку с картошкой ей на колени.

После ужина я проводила Лайлу до спального корпуса. Перед тем как пойти к себе, она спросила:

— Как ты думаешь, я понравилась твоим тете и дяде?

— Конечно, — соврала я. — Конечно, понравилась.

12. Кукушки и кочевники

Сны Доменики Сантолины Дун

Я сидела в своем пузыре, а он становился все больше и больше, потому что его переполняли слова, проникавшие внутрь через поры.

Итальянские слова плавали и наталкивались на японские и испанские слова. Оболочка пузыря растягивалась и становилась все тоньше, и я боялась, что она лопнет. Но пузырь не лопнул. Я проснулась.

Большинство учеников школы старались держаться подальше от Лайлы. Но не Гутри. Ему она совершенно не мешала.

— Это Пистолет! — говорил он. — Настоящий Пистолет! — И сам смеялся тому, как метко назвал ее.

Если Лайла приближалась к группе школьников, кто-нибудь обязательно говорил вполголоса:

— Вон ведьма идет!

А Гутри нарочно скажет громко, так, чтобы слышала Лайла:

— Будьте осторожны! Приближается Пистолет! Может выстрелить, лучше пригнитесь! — И с улыбкой загораживал Лайле проход. — Пистолет заряжен? Пощади меня, Лайла, пощади!

— Очень смешно, Гутри! — говорила она в ответ. — Да, забавно, ничего не скажешь! — Но я видела, что ей нравилось внимание Гутри. Движением головы она отбрасывала назад волосы и улыбалась ему.

Лайла и Гутри вместе занимались по двум предметам. У меня с ней не было общих занятий, а с Гутри — только в одной группе. Я часто видела, как они вдвоем возвращаются после уроков, причем Гутри обычно что-то оживленно рассказывал, а Лайла больше слушала. Это меня удивляло. Когда я была с Лайлой, то всегда говорила она (или, точнее, жаловалась на что-нибудь), а я молча выслушивала.

В такие минуты я иногда вспоминала мою сестру Стеллу. Она вела дневник, в котором делала заметки обо всех местах, где мы жили, и еще о том, какие особенности имелись в том или ином городе, а потом объясняла их мне. Например, когда мы поселились в штате Огайо, Стелла исписала целую страницу о том, как там пользоваться автобусом. А в Индиане появилась короткая запись: «Молчи и слушай».

— Почему? — спросила я. — А говорить нельзя?

— Нельзя, потому что все будут смеяться над тобой из-за акцента. Сначала слушай и учись разговаривать, как они.

В Оклахоме Стелла написала в дневнике: «Готовься к худшему».

— Почему? — спросила я. — Зачем готовиться к худшему?

— Потому, — ответила Стелла, — что, если ты будешь готова, тебя не застанут врасплох.

Я всегда следовала советам Стеллы, поскольку она была моей старшей сестрой, а значит, лучше меня знала, что к чему. Поэтому я, как правило, ожидала, что со мной случится что-нибудь плохое.

В Орегоне она записала: «В первый день всегда одевайся неброско».

— Почему? — спросила я.

— Потому что если ты в Орегоне будешь щеголять в ковбойских сапогах, люди станут смеяться над тобой. Сначала приглядишься, в чем ходят другие, потом одевайся точно так же.

Мама как-то услышала, о чем говорила мне Стелла. Она сказала:

— Стелла! Так жить просто скучно! Неужели тебе не хочется отличаться от остальных?

— Нет, не хочется, — ответила Стелла. — Я хочу быть такой же, как все.

Иногда я тоже хотела быть такой же, как все, потому что в этом случае с тобой дружили, тебя не воспринимали как чужака. Но глубоко, очень глубоко в своем пузыре, я также чувствовала желание быть другой. Мне хотелось быть особенной, интересной, однако я не знала, как быть интересной.

Гутри и Лайла были другими, и они были интересными. Оба нравились мне потому, что Гутри был Гутри вдоль и поперек, а Лайла была Лайлой вдоль и поперек.

Гутри не был похож ни на кого из людей, которых я знала. Он мог просто идти по склону холма и вдруг закричать: «*Sono libero!*» («Я свободен!») Он произносил итальянское слово *libero* с сильным английским акцентом, и это тоже делало его непохожим. *Libero, libero,*

libero-o-o-o-o! Нырнув в бассейн, он выплывал и кричал: «*Fantastico!*»

Люди тянулись к Гутри, потому что рядом с ним каждый чувствовал себя довольным, и счастливым, и способным многое совершить в своей жизни.

Лайла тоже была особенной, но по-своему. У большинства окружающих она вызывала антипатию и даже ненависть. И все же я считала ее интересной, потому что при любых обстоятельствах она оставалась Лайлой, такой, какая есть. У нее на все всегда находилось собственное суждение, пусть даже неверное, иногда глупое, часто злое, но которое она никому не боялась высказывать. И при этом ей и в голову не приходило, что ее мнение может быть неверным, глупым или злым; наоборот, Лайла всегда была уверена в своей правоте, а все остальные, по ее убеждению, ошибались. И еще она вела себя так, словно ей было совершенно безразлично, есть у нее друзья или нет.

Я же всю жизнь находилась в состоянии какого-то выжидания, мне необходимо было понаблюдать, что происходит, понять — кто я, как мне себя вести при данных обстоятельствах. Но прежде чем во мне выработывалась какая-то определенная линия поведения, мои родители опять переезжали на новое место, где все начиналось с нуля. А вот для Лайлы и Гутри, как мне казалось, было уже совершенно ясно, кто они и как им жить на свете.

Лайла, например, любила говорить о себе: «Я такой человек, который...» — и после этого вступления могла продолжить по-разному, в зависимости от ситуации: «Я такой человек, который привык жить отдельно, в собственной комнате!», или «Я такой человек, которому необходимо выговориться о том, что накопило на душе», или «Я такой человек, которому нужно время

и спокойная обстановка для размышлений». И всякий раз, когда она произносила что-нибудь подобное, я спрашивала себя, как ей удалось понять, что она за человек?

Я чувствовала себя *среднестатистической гражданкой* — не низкая и не высокая, не полная и не худая. Мне часто говорили, что у меня красивые глаза, но никто не знал, какого они цвета. Карие? Зеленые? Темно-серые? Какой непонятный цвет! В школе я иногда слышала: «У тебя приятное лицо!» — но, посмотрев на себя в зеркало, я не находила ничего приятного. Преподаватели обычно сопровождали оценки результатов моей учебы комментариями вроде: «Достигнут определенный прогресс», или «Уровень знаний вполне удовлетворительный», или «Продemonстрировала большую наблюдательность», или «Следует быть активнее на уроках».

Куда бы я ни переезжала со своими родителями, повсюду меня сопровождало ощущение нестабильности и неустроенности, но особенно сильным это чувство было здесь, в Швейцарии, так не похожей ни на одно из моих прежних мест обитания. Я находилась не просто в другом городе, ходила не просто в очередную новую школу. Здесь все, а не только я, приехали издалека, и большинство из них, так же, как я, были новичками. Все говорили с акцентом, а не я одна. В самом начале я смотрела на ребят и думала: «Это японец. Она испанка». Но уже спустя две недели забыла о национальностях и видела только Кейсуки или Белен. И если бы кто-нибудь спросил меня в первые дни: «Откуда он?» или «Из какой она страны?» — я бы, скорее всего, довольно точно могла угадать, что из Японии, Испании, Китая или Индии. Однако через пару месяцев уже затруднилась бы ответить на тот же вопрос.

Взять, к примеру, японского мальчика по имени Кей-суки. Его родители живут сейчас в Осаке, но родился он в Лагосе, бывшей столице Нигерии. В то же время в школе есть дети, похожие на японцев, которые на самом деле являются гражданами США и никогда даже не бывали в Японии. А те, у кого испанская внешность и мама с папой — испанцы, могли родиться, например, в Индии, позже пожить, может быть, пару лет в Испании, а затем уехать на долгие годы в Нигерию, Швецию, Бельгию или еще куда-нибудь.

Если бы меня спросили, откуда я родом, я сразу бы ответила, что из Штатов. Мне не пришлось бы вдаваться во все подробности моей первой жизни и рассказывать, что я родилась в штате Кентукки, а потом жила в Виргинии, Северной Каролине, Теннесси и так далее, и так далее. Здесь я не единственная, кто кочевал с места на место. Здесь многие кочевали. Кочевать здесь — в порядке вещей.

В школе существовали определенные требования к одежде учеников, и все одевались практически одинаково, строго и просто, хотя формы как таковой не было. Мальчики носили пиджаки, галстуки и обычные брюки, девочки — юбки или брюки, а сверху — что-нибудь неприказательное. Не разрешалось приходить на уроки в джинсах. После школы все могли одеваться, как хотели, и никому не было дела, если кто-то носил не то, что остальные. Одежду часто одалживали друг у друга, поэтому можно было видеть совершенно невероятные сочетания: чей-то арабский платок, накинутый поверх футболки с надписью по-испански, американские джинсы и итальянские туфли.

Мне это нравилось, так как во время уроков, когда на всех надето почти одно и то же, не надо было пережи-

вать, что твои туфли или одежда недостаточно крутые. А после школы, во что бы ты ни была одета, все равно найдется кто-то, кого это приведет в восторг, поскольку не похоже на его собственную одежду. Во всех других школах, где я училась, самым трудным был первый месяц именно потому, что я лихорадочно старалась определить, какие носки были в моде, а какие — нет, и не окажусь ли я всеобщим посмешищем в своей обуви или одежде.

В этой швейцарской школе учебные группы были маленькими, не больше пятнадцати человек, а по некоторым предметам вообще только десять. Преподаватели уже на следующий день знали всех школьников по именам, и на уроках было бесполезно пытаться спрятаться за спинами товарищей — если не выполнил домашнее задание, это сразу становилось очевидным. Поэтому к урокам приходилось готовиться добросовестно, проводить за домашней работой много времени, если не хотел, чтобы тебя посчитали недоумком.

В других школах учителя рано или поздно обнаруживали огромные прорехи в моих познаниях. Так получилось, что из-за всех наших переездов я не научилась умножать и делить; знала, что такое имя существительное и местоимение, однако имела весьма смутное представление о наречии; и хотя могла рассказать о десятках разных городов по всей Америке, не назвала бы столицу ни одного штата.

Но в этой школе в Швейцарии, куда каждый год со всех концов света съезжались новые ученики, получившие свои знания там и сям, не существовало какого-то определенного общего уровня образования. Некоторые мои ровесники уже были знакомы с высшей математикой, а другие, как я, все еще осваивали умножение

и деление. Были такие, кто бегло разговаривал на трех или четырех языках, но встречались и те, кто, подобно мне, пытались понять, что́ есть наречие на их собственном языке — единственном, которым они владели. Я, по крайней мере, умела говорить и писать по-английски, поэтому чувствовала существенное преимущество по большинству предметов перед теми, чей родной язык не был английским.

Если у кого-то по ходу учебы возникали проблемы, можно было назначить дополнительные занятия с преподавателем в свободное время, чтобы он мог лучше объяснить непонятные вещи. Иногда в таких случаях даже прибегали к помощи учеников старших классов, которые по-настоящему хорошо знали данный предмет.

Когда у меня начались трудности с геометрией (уже на второй день занятий), преподавательница познакомила меня с девочкой по имени Сонал, ученицей второго года обучения. Каждый день после уроков мы вместе садились в читальном зале школы, и передо мной открывались чудеса этой науки. Поначалу мне было трудно понимать, что она говорила со своим невероятным акцентом, однако для объяснений это в конечном итоге не имело значения, так как Сонал рисовала, чертила, вырезала из бумаги геометрические фигуры, перекладывала их на столе так и этак, и в результате все становилось ясно.

И еще эта школа отличалась тем, что здесь было здорово учиться, было здорово попробовать свои силы, записавшись в театральный кружок, в команду по футболу или плаванию. Здорово изучать искусство фотографии, даже если у тебя нет художественного вкуса, здорово по выходным ходить в походы или ездить вместе со всеми в горы кататься на лыжах. А еще можно поехать во

Флоренцию на тематическую экскурсию по истории искусства, глазеть по сторонам и слушать лекцию о живописи и архитектуре. А можно поехать в Милан и послушать оперу.

На уроке литературы мы прочитали стихотворение Германа Гессе, а потом всем классом поднялись к деревне Монтаньола, чтобы посмотреть на дом, где жил и работал писатель, а затем все вместе спустились вниз, к церкви Святого Аббондио, и постояли возле его могилы.

И эти занятия никому здесь не казались скучными или заумными. В других школах было больше принято ходить гулять по бульвару или в кино, на вечеринки. Считалось крутым прийти на контрольную не подготовившись, а также выпивать, курить, ругаться. Но здесь, в этой школе в Швейцарии, подобные вещи уж точно не считались крутыми.

Здесь тех, кто попадался пьяный или с сигаретой, отстраняли от занятий, и в дальнейшем это наказание оборачивалось для провинившихся еще более неприятными последствиями. Ведь их родителям приходилось оплачивать проезд своего ребенка до дома (например, авиабилет до Японии, подумать только!), а ему — ожидать там окончания срока наказания, а потом возвращаться обратно. Я уверена, что никому из родителей такое не придется по душе. А если у тебя находили даже не наркотик, а лишь какую-нибудь вещь, предназначенную для приема наркотиков, то сразу, без всяких разбирательств, исключали из школы.

Сначала эти меры казались мне слишком суровыми и даже жестокими. За первые четыре месяца учебы четыре человека были отстранены от занятий и один исключен из школы. Однако на этом все прекратилось. Очевидно, для остальных проще было побороть искуше-

ние, чем подвергаться опасности вызвать гнев своих родителей. Школьники, наверно, думали так: «Ну нет, спасибо, предки убьют меня, если меня отстранят или исключат!»

Дядя Макс прочитал для всех лекцию о несовместимости наркотиков и алкоголя с образованием. Мы здесь для того, чтобы учиться, сказал он. Если кому-то нравится экспериментировать со своим здоровьем или мозгами, то пусть делает это в другом месте. Возможно, если бы кто-то другой сказал эти слова, они прозвучали бы несколько банально, но дядя Макс говорил очень убедительно и искренне. Всем сразу стало понятно, насколько он действительно обеспокоен тем, что с нами будет, и как он на самом деле хочет, чтобы мы стали здоровыми, порядочными людьми.

Я вовсе не пытаюсь представить нашу школу как само совершенство, потому что это не так. Не все ребята готовы дружить с тобой, и не все учителя относились к нам доброжелательно. Как-то на второй неделе занятий один мрачный мальчишка, стоявший за мной в очереди на раздачу в столовой, пробурчал мне в затылок:

— Не вздумай взять тот последний тако. Возьмешь — я тебе руку отрублю!

В другой раз, в спортзале, девочка спросила, есть ли у меня расческа, и, когда я протянула ей свою, она немедленно сунула ее к себе в сумку и удалилась прочь.

Моего преподавателя естественных наук звали мистер Ку (дома тетя Сэнди называла его мистер Кукушка). На первом уроке он все сорок пять минут непрерывно внушал нам:

— Я не желаю слышать от вас, плакс, никаких жалоб, стонов и стенаний, и не вздумайте бегать со слезами к директору или родителям, чтобы рассказывать им,

какой я нехороший и злой. За то долгое время, что я здесь работаю, директора приходили и уходили, и поверьте, если речь пойдет о выборе между мной и директором, я снова одержу победу. И не смейте играть с горелками Бунзена, если не хотите, чтобы я подвесил вас вверх ногами, а если что-нибудь разобьете, будете платить, а если...

И так далее, и так далее.

Так что не все были доброжелательными и не все вели себя дружелюбно, но большинство все же составляли хорошие люди. Но еще сильнее поражало то, что очень многие искренне хотели научить тебя разным вещам — не таким, как поджечь сарай, покурить травку или укорастить велосипед, — а таким, как плавать, проявлять фотопленку, взбираться на гору.

Большую часть времени мой рот не закрывался от удивления.

13. Вал-Верцаска

Как-то в выходные я, Гутри, Белен и Кейсуки поехали в курортное местечко под названием Вал-Верцаска. Из взрослых нас сопровождала синьора Палермо, наша учительница итальянского языка, очень молодая женщина. На ней были джинсы и футболка с надписью *Viva Italia!*¹ Мне нравилось, как она произносила слово *Viva*: «Ви-и-ва!» и при этом дважды потрясала кулаком в воздухе: «Ви-и-ва!» — и кулаком: раз, два. «Ви-и-ва!» — и кулаком: раз, два.

Был уже октябрь, но погода стояла неожиданно жаркая. Мы забирались на выгнутый аркой, построенный

¹ Да здравствует Италия! (*Итал.*)

в романском стиле мост и прыгали с него в чистую, прохладную, зеленую воду. Гутри кричал:

— *Viva Verzaska! Sono libero, libero, libero-o-o-o...*

Кейсуки сначала не хотел прыгать.

— Это ту-по! — заявил он. Наверное, он хотел сказать «глупо». Но все же прыгнул, заливаясь смехом, пока летел в воду. Однако, вынырнув в пузырях воздуха на поверхность, притворился, что ему не понравилось. — Это было ту-по.

Потом мы лазили по огромным наслоениям гладкого и прохладного гранита, образовавшим целые каменные поля с лужами воды в углублениях между скалами. Мы бродили по заросшему травой горному перевалу, а вокруг нас возвышались покрытые легкой дымкой острые вершины, цвет которых менялся от бежевого до фиолетового. На обратном пути в школьном микроавтобусе мы все время говорили по-итальянски, и, если кто-то делал ошибку, синьора Палермо смеялась:

— То, что ты сказал, ту-по!

Домой мы добирались целую вечность, потому что Гутри то и дело замечал интересные места, которые нам обязательно надо было получше рассмотреть.

— *Signora!* — обращался он к учительнице. — *Ferma la macchina, per favore!* (Остановите машину, пожалуйста!) — И показывал на виноградник, расположившийся террасами по всему склону холма — ряд за рядом виноградные кусты, насколько хватал глаз. — *Fantastico!* — восклицал Гутри. — *Puramente fantastico!* (Просто фантастика!)

Гутри попросил синьору Палермо свернуть на узкую дорогу, а затем остановиться на скалистом холме, возвышавшемся над чистой речкой. Потом вытащил нас всех из микроавтобуса на свежий воздух.

— Я — прозрачное око! — закричал он, и нам стало очень смешно в тот момент. — Это из Эмерсона, — пояснил Гутри.

Он очень серьезно занимался изучением природы и, когда приходил в лес, чувствовал себя так, словно становился совершенно прозрачным, невидимым, сливался с природой, но сам видел все, как один большой прозрачный глаз, — правда, здорово?

Потом Гутри уговорил синьору Палермо остановиться возле старинного замка в Беллинцоне и настоял, чтобы мы все прижали ладони к его древним каменным стенам. Следующая остановка по его просьбе была в Локарно, где мы съели по порции *gelato*, вкусного мягкого мороженого, приятно освежавшего горло. Мы ехали дальше, и Гутри кричал:

— *Guardate!* Смотри! — И показывал на узкую струю воды, стекавшую по скалистому утесу, или на пастуха со стадом коров, бредущих по холмам, или на высокую звонницу, или на деревню, примостившуюся на горном склоне.

Всю дорогу мое зрение словно раздваивалось. Я смотрела туда, куда показывал Гутри, и видела поверх пейзажа за окном микроавтобуса что-то еще, будто глядела через прозрачную фотографию. Швейцарские виноградники на склонах холмов сливались с похожими виноградниками, которые я помнила по Огайо, где ехала по такому же шоссе, извивающемуся вдоль берега озера. Вместо древнего замка маячила каменная башня, виденная мной в Виргинии. Даже *gelato* утонуло в вафельном рожке, который я ела в Висконсине, прогуливаясь по Стейт-стрит со Стеллой и Криком.

Получалось так, что я не расставалась со всеми местами, где жила раньше, и все, что я видела вокруг, не

было тем, что есть, а всеми этими местами разом, вперемешку. К тому времени, как я добралась до дома, мой пузырь уже чуть не лопался от всего, что его переполняло.

14. Прыщ

В середине октября я наконец получила письмо от матери, в котором говорилось, между прочим, что она не слишком умеет и любит писать письма, но зато каждый день «излучает» в мой адрес хорошие мысли. В конверте лежала также нарисованная ею крошечная картина, на которой изображена девочка с удочкой на берегу реки. Этой девочкой была я.

Еще она сообщала, что моему отцу сейчас «предоставился новый шанс», но не сказала, о чем именно шла речь. Стелла на собственном опыте начинала понимать, «как трудно быть матерью», но ее малыш на самом деле «очень-очень-очень милый».

Я носила мамино письмо с собой в кармане несколько недель, пока оно вместе с джинсами не очутилось в стиральной машине. Но даже после этого, хотя большая часть текста смылась, я высушила и разгладила письмо утюгом и положила в верхний ящик моего письменного стола, откуда могла доставать его каждый день.

В тот же самый день, когда пришло письмо от мамы, я получила почтовую открытку от Крика и еще по одной от тети Грейс и тети Тилли. В открытке Крика говорилось следующее:

«Привет, Динни, Маленький Прыщ!

Скучаю по тебе. Надеюсь, твои дела лучше, чем мои.

Сколько стоит послать открытку в Швейцарию? Скоро узнаю, наверное.

*С любовью от Крика, твоего брата,
Крутого Парня».*

Дальше — открытка от тети Грейс:

*«Милая Динни,
судя по твоему последнему письму, ты уже не чувствуешь себя пленницей, не так ли? На рыбалке уже побывала?»*

Палец Лонни в порядке, спасибо, что спросила, только немного фиолетовый. Моя коленка совсем никудышная.

Сегодня вечером жду в гости Тилли. Хочу угостить ее курицей, фаршированной абрикосами. Очень вкусно! Три бочки объятий!

*С любовью,
твоя тетя Грейс».*

А вот открытка от тети Тилли:

«Милая Динни!

Твой папа беспокоится, потому что это твой папа. Он старается не подавать виду, но я-то знаю, когда он беспокоится.

Ты уже была на речке?

Мои зубы получились не такими, как у Мэрилин Монро, но все-таки довольно симпатичными. Береги свои зубки, хорошая моя!

Сейчас встану на свой самокат (ха-ха, у меня нет никакого самоката!) и поеду в гости к Грейс. Она со-

общила, что готовит нечто с абрикосами. Господи помилуй!

Шлю тебе семь миллиардов поцелуев.

*С любовью от твоей тети Тилли,
чемпионки по приготовлению творожного желе».*

15. Percorso¹

В субботу к нам пришел Гутри и сказал:

— Надевай кроссовки! Мы отправляемся в экспедицию!

Я последовала за ним по тропинке через Монтаньо-лу, потом вниз по узкой дороге, и примерно через пять километров мы дошли до указателя, на котором было написано: «PERCORSO». Отсюда в лес вела дорожка.

Гутри побежал по дорожке, бросив мне через плечо:

— Бежим! Здесь надо бежать! Не бойся, по дороге будут остановки.

Я побежала за ним в лес, где стояли золотистые деревья, и дорожка тоже была вся в золоте от опавших листьев. Примерно через полкилометра Гутри остановился возле высокой, похожей на лестницу конструкции, сооруженной из толстых ветвей. Возле нее стоял указатель.

— Вот, смотри, — сказал он. — Здесь написано, что делать. Надо преодолеть препятствие: новичкам — три раза, тренированным — шесть раз, опытным спортсменам — десять раз. Смотри! — Он взобрался по конструкции до другой лестницы, установленной горизонтально, повис на ней, потом, перебирая руками, добрался до конца и спрыгнул на землю. — Теперь твоя очередь!

¹ Кросс (итал.).

Я перелезла через сооружение три раза, Гутри — десять раз. Мы побежали дальше. Через равные интервалы на дорожке были установлены различные препятствия. В одном месте надо было взбираться по трем пням, каждый выше предыдущего, в другом — идти по узкому бревну, установленному на высоте шестидесяти сантиметров над землей, в третьем — пересечь овраг по раскачивающемуся под ногами мосту.

Я в жизни не видела ничего подобного. Это было похоже на игровую площадку для взрослых, расположенную по всему лесу. Время от времени нам попадались другие любители *percorso*. То и дело слышался чей-то смех, визги, и, выбежав из-за поворота, мы могли наблюдать, как какая-нибудь супружеская пара или целое семейство цеплялись за ветки или на цыпочках ступали по бревну.

Мы бежали вверх и вниз по холмам, по дорожке, петлявшей между деревьев, вырывавшейся из леса на скалистые утесы и вновь прятавшейся в чаще. В одном месте мы обогнули большой валун, и прямо возле наших ног заплескалась речка, вода в которой была такой прозрачной, какой я не видела никогда в жизни. Она журчала и пенилась, перекатываясь через гладкие камни, и дно речки было видно как на ладони.

— Интересно, здесь рыба ловится? — спросила я.

— Наверняка ловится! — ответил Гутри.

Мы побежали дальше и, сделав полный круг, вернулись к тому месту, откуда начали.

— Ну разве не молодцы швейцарцы! — воскликнул Гутри. — Столько удовольствия, и вдобавок — бесплатно!

Среди пожитков, хранившихся в коробке, которую я перетаскивала за собой с места на место, имелась

складная удочка — подарок папы на день рождения, когда мне исполнилось восемь лет. На следующее утро после пробежки с Гутри по *percorso* я с удочкой в руках в одиночку пошла на ту самую речку.

Сама не знаю, почему мне так нравилось ловить рыбу. На самом деле я получала удовольствие не оттого, что кто-то попадался на крючок, так как после этого мне приходилось вытаскивать его изо рта рыбы, извиняться перед ней и отпускать ее обратно в воду. Иногда я даже не брала с собой наживку. Настоящее наслаждение я испытывала, когда забрасывала удочку, а потом сидела и смотрела на воду.

Сначала я видела только воду, берега, дно реки, если она была такая же прозрачная, как эта, потом снова оглядывала деревья по берегам, и вдруг происходило нечто. Моему взгляду открывались вещи, которые были не снаружи, а внутри меня. В тот день, сидя на берегу швейцарской речки, я увидела отца, маму, Стеллу, ее маленького, Крика и даже тетю Тилли и тетю Грейс. Я увидела их всех, друг за другом. Конечно, они оставались у меня в сознании, не больше, но все же здесь, на реке, казались почти реальными, словно выплывая из воды прямо передо мной.

И в то время как они стояли у меня перед глазами, я испытывала два противоречивых чувства. С одной стороны, я была совершенно счастлива, будто снова находилась там, где мне хорошо и спокойно, с людьми, которых знаю и которые знают меня. Другим чувством была беспредельная, невыносимая тоска по дому. Оба эти ощущения возникали по очереди, словно боролись друг с другом, и я не знала, какое окажется в конце концов сильнее.

В итоге ни одно не победило. Оба остались со мной, спрятанные под оболочкой моего пузыря, и с ними я пошла домой.

16. Восхожий

Первые две недели я не могла произнести правильно имя Кейсуки. У меня получалось что-то вроде «Кисук», пока он не объяснил мне, как его имя должно звучать на самом деле. Мы с Кейсуки занимались вместе по большинству предметов. Он постоянно всех удивлял. Это был худой и очень спокойный мальчик, в отличие от подвижного, разговорчивого и атлетически сложенного Гутри. Тем не менее оба подружились и как бы дополняли друг друга.

Когда Гутри придумывал что-нибудь, например, пойти в поход в лес, искупаться в быстрой речке, попробовать какую-нибудь новую еду, Кейсуки, как правило, делал вид, что ему не по душе эта затея. Но в итоге он всегда присоединялся к другу в походе или купании и пробовал вместе с ним новую еду, хоть и приговаривал, что это *ту-по* или *от-вла-чительно*. Однако улыбался так широко и радостно, что становилось понятно — ему понравилось.

Когда учительница в классе задавала Кейсуки вопрос, он, пожевав губами, говорил:

— Это вопрос хороший. Я думать о нем.

Сначала мне казалось, этой фразой он хочет скрыть, что не знает ответа или просто не желает разговаривать. Однако по прошествии десяти минут Кейсуки всегда поднимал руку и выдавал что-нибудь необычное и суперинтересное.

Как-то на уроке по истории искусства его спросили о Пикассо. Он сказал:

— Это вопрос хороший. Я думать о нем. — Через десять минут поднял руку и, показывая на репродукцию в учебнике, заявил: — Это как геометрия. — И стал делать пояснения по поводу пропорций и перспектив. Закончив, Кейсуки обратился к учителю: — Как вы думать?

И тот ответил:

— Я не смог бы объяснить лучше.

Кейсуки коверкал многие слова, но в итоге иногда придумывал выражения даже лучше, чем взаправдашные. Например, его изобретение *пuffling* казалось более точным по сравнению со словом *пухлый*, а *восхожий* звучало гораздо интереснее, чем *возможный*. Как-то он сказал: «Бегут в моих ушах колокола», — и мы все поняли, что он имел в виду, ведь именно так звон колоколов церкви Святого Аббондио эхом отдавался в голове даже после того, как они переставали раскачиваться.

Кейсуки и Белен никогда не разлучались. Открытая и легкоранимая, Белен была еще, по выражению Кейсуки, *сотрясающе* прекрасной. Когда она впервые пришла на танцы в школе — смуглая, с водопадом длинных черных волос, одетая в простое черное платье и с красной помадой на губах, — все мальчишки просто рты разинули. Ее никто не назвал бы тринадцатилетней девочкой, потому что выглядела она на все восемнадцать. Кейсуки сказал тогда: «Она ослепляет мои глаза!»

Белен не стеснялась говорить, что думает, или, по словам Кейсуки, «она нет уметь держать салиями за зубами!» Если Белен считала, что ей несправедливо поставили низкую оценку, она шла напрямик к учителю и требовала: «Пожалуйста, объясните, почему у меня только тройка!» И если получала аргументированный

ответ, никогда не спорила, как Лайла, а лишь обещала: «Ладно. Увидите, в следующий раз — лучше!»

Белен сказала, что родители запретили ей проводить время с Кейсуки. На мой вопрос почему она пожалала плечами и ответила:

— Потому что он мне слишком нравится. — Должно быть, у меня был озадаченный вид, поэтому Белен добавила: — Они считают, я еще маленькая, ему нельзя нравиться мне так сильно, но он все равно будет мне нравиться. Ведь мои родители не могут видеть меня здесь, да?

Вот нашелся человек, который радовался, что родители не могут видеть его, и выглядел вполне довольным, что может поступать по-своему! А я только и мечтала о том, чтобы мои родители *могли* видеть меня! По ночам я излучала в их сторону свои образы и послания: *«Вот я где! Вот, что я делаю, и вот, что я думаю! Вы меня видите?»*

И я впервые задумалась о том, что, может быть, так и надо, может быть, им совсем не обязательно видеть меня, физически находиться рядом со мной. И еще я подумала о том, как удивительно, что однажды, не так уж давно, все были для меня чужими — и Гутри, и Лайла, и Белен, и Кейсуки, а я — чужая для них. Но вот уже мне хорошо и комфортно с ними, и они становились для меня такой же частью реальности, как моя семья. Это и есть — адаптироваться? И хорошо ли это?

Мне не хотелось начинать забывать моих родителей, мою семью, не хотелось, чтобы новые друзья фактически заменили мне родных людей. Потому что, если кто-то мог заменить мне родителей, значит, кто-то мог заменить им меня.

Вечером я написала домой длинное-предлинное письмо, в котором подробно рассказывала о том, что

меня окружало, о людях, которые жили здесь рядом со мной. И еще я долго-долго перечисляла все, что помнила о них, моих родных. Когда письмо было закончено, мне стало так грустно и жалко себя, что я добавила постскрипtum: «Не забывайте меня!»

Перед тем, как пойти спать, я прикрепила к окошку лист бумаги с надписью: «DOVE ДИННИ?» (Где Динни?)

Когда в мою комнату зашел дядя Макс, чтобы пожелать спокойной ночи, он некоторое время внимательно изучал надпись, потом немного подумал, склонив голову набок, снова прочитал, посмотрел на меня, затем опять на надпись и сказал:

— Динни — в казе на Виа-Попорино, между Лугано и Монтаньолой, в Тичино, в Швейцарии, в Европе, на планете Земля. — Потом поцеловал меня в лоб, укутал мне ноги одеялом и погасил свет.

17. Борец

Однажды в ноябре, сидя на уроке английского, я что-то бездумно рисовала на полях тетради. На бумаге сначала выросла гора с прилепившимся к ее вершине домиком. Я уже собиралась пририсовать к пейзажу каких-нибудь людей, когда услышала, как мистер Боннер говорит, что один из персонажей рассказа является борцом и именно это делает его интересным. Потом мистер Боннер задал всем вопрос, согласны ли мы с его мнением и знаем ли, почему тот персонаж был борцом.

— Динни? — обратился он ко мне. — Ты как думаешь?

Рассказ был о мальчике, который очень хотел бегать быстрее всех, поэтому он все время тренировался, а по-

том на соревнованиях побежал быстрее ветра, быстрее, чем бегал когда-либо раньше, и все же не смог победить.

— Динни! — снова назвал мое имя мистер Боннер. — Ты не спишь? Ты можешь сказать нам, почему этот персонаж является борцом?

— Потому что он хочет чего-то и не может это получить, — ответила я.

— Ты хочешь сказать, он борется с тем, что хочет? В разговор вступил Кейсуки:

— Он борется со своими ногами. Ноги слишком медленные!

Настала очередь Гутри.

— Может быть, он борется с самим собой? Ему хочется бежать быстрее, а не получается, правильно?

Все стали высказывать свое мнение. Я поймала себя на том, что внимательно слушаю. У меня возникло чувство, что я вот-вот, сию минуту, может быть, от следующего выступающего, услышу нечто очень важное для себя. Но это важное так и не прозвучало, оно все время словно ускользало из разговора.

В конце урока мистер Боннер в качестве домашнего задания попросил класс написать о том, за что каждому из нас приходилось бороться в жизни. И еще он предупредил, что не обязательно сдавать работу, если вещи, о которых пойдет речь, будут слишком личными, но показать ее должны обязательно.

Вечером у меня ушло три часа на то, чтобы написать все о моей борьбе. Когда я начинала, мне и в голову не могло прийти, что я за что-то борюсь. Никакой я не борец! Вот, оказывается, почему я совершенно не интересная.

Но потом я вспомнила, как боролась против того, чтобы меня увозили, мучилась, пытаюсь понять, что со мной происходит, почему мои собственные родители услали

меня от себя. Я написала о своей борьбе с ужасной тоской по дому, по близости родных людей, о попытках преодолеть чувство одиночества и собственной никчемности. Я писала и не могла остановиться. Я была Борцом с большой буквы! И мне вдруг стало легко и радостно: если я и в самом деле борец, значит, я — интересный человек!

Сны Доменики Сантолины Дун

Я была вся опутана веревками и прикована цепями к стене, и я ляглась и боролась, пытаюсь освободиться. Я не собиралась сдаваться! Я стремилась к свободе, во что бы то ни стало!

Мимо темницы, в которую меня заточили, проследовала, как на экскурсии, группа школьников. Они показывали на меня пальцами и говорили: «Смотрите, какая интересная!»

Это заставило меня бороться еще сильнее. Я была чемпионом среди борцов.

Когда я проснулась, одеяло и простыня были все скомканы, а подушка валялась на полу у противоположной стены.

18. Известие

Зимние каникулы должны были начаться в середине декабря. Чем ближе было окончание занятий, тем больше ученики нашей школы мечтали о домашней еде и встрече со своими родителями. А еще всем хотелось поскорее поехать в Санкт-Мориц кататься на лыжах. Эта поездка была намечена на первые дни после каникул, когда все вернутся в школу.

В январе учащиеся вновь соберутся в кампусе, заполнят автобусы, отправляющиеся в Санкт-Мориц, и уедут на целых две недели. Там, на горнолыжном курорте, они будут целыми днями учиться кататься на лыжах, а академические занятия займут лишь несколько часов. Гутри и другие школьники, которые после каникул возвращались в Швейцарию, сразу называли это событие главным в предстоящем году.

— *Fantastico!* — радовался Гутри. — *Meraviglioso!*¹
Динамит!

Меня же ничего не радовало. Я не могла поехать домой на Рождество, потому что билеты стоили слишком дорого. К этому времени от мамы пришло всего лишь шесть писем, и ни одного — от Стеллы, Крика или отца. В один из конвертов были вложены фотографии Стеллы и ее ребенка. Мою сестру на них совершенно не узнать: волосы коротко острижены, лицо осунулось. Я поймала себя на том, что разговариваю со Стеллой на фотографии, как с живой: «Это ты, Стелла? — и пальцами касаюсь лица ребенка. — Как ты себя чувствуешь, малыш?» У малыша есть имя, Майкл, но такую крошку просто странно называть взрослым именем, поэтому я говорю ему «малыш», просто «малыш».

Однажды вечером, в начале декабря, когда мы с Лайлой возвращались из библиотеки, она сказала:

— Думаю, тебе следует знать, что я сюда не вернусь.

Налетевший на нас внезапный порыв ветра толкнул меня прямо в лицо, словно хотел опрокинуть и унести вниз по склону холма.

— Не вернешься? — переспросила я.

¹ Чудесно! (Итал.)

— После Рождества. Не вернусь. — Лайла натянула на лицо свой шарф, ветер подхватил его концы и хлестнул ими меня по затылку.

— Но... Но... — Я ухватила за рукав ее пальто. — Подожди...

— Я просто подумала, что тебе следует знать, — сказала Лайла.

Над нашими головами со стуком раскачивались голые ветки.

— Этого не может быть. Ты вернешься!

— Я все здесь ненавижу, — сказала Лайла.

— Это неправда!

На тропинке валялась чья-то тетрадь, и ветер трепал ее страницы.

— Правда! Никогда не говори вместо меня о том, что я чувствую, — сказала Лайла. — Это ужасное место. Я такой человек, которому весьма не безразлично, в каком месте он живет.

Дома я нашла дядю Макса у него в кабинете, склонившимся над очередным приказом по школе.

— Лайла не вернется, — выпалила я прямо с порога. — Она здесь все ненавидит.

— Она забрала документы? — спросил дядя Макс.

— Нет еще, только собирается. Вы что-нибудь предпримете?

— У меня нет никакой информации от ее родителей на этот счет.

— Может быть, они еще не знают, — предположила я. — Но Лайла их обязательно уговорит. Вы должны...

— Динни, знаешь, как много ребят заявляют то же самое к концу первого семестра! Такое происходило неоднократно.

— Но она здесь все ненавидит...

— А когда придет домой, — возразил дядя Макс, — то поймет, что все эти месяцы она идеализировала и место, и людей, которых не видела столько времени, и что на самом деле все не так, как она себе воображала. Все вокруг будут считать и ожидать от нее, что она по-прежнему такая же, как раньше, но ведь и Лайла тоже изменилась. И в итоге она начнет вспоминать школу и поймет, что не все здесь так уж плохо, а наоборот, было много приятного для нее. И она...

В дверях возникла тетя Сэнди.

— Эту девочку нужно просто встряхнуть как следует, и я могла бы сделать ей такое одолжение!

Конечно, было бы большой смелостью предположить, что Лайла изменит свое решение. И когда я еще раз попыталась поговорить с ней об этом, она была категорична:

— Все решено! — отрезала она. — И разговоров быть не может.

Тогда я попросила Гутри повлиять на нее.

— Я? — удивился Гутри. — Каким образом?

— Не знаю. Она тебя слушает. Скажи ей, чтобы возвращалась обратно.

— Почему это так важно для тебя? — спросил Гутри.

— Потому что... Потому что... — Хороший вопрос. Лайла действительно могла иногда действовать на нервы, но она — моя подруга, и мысль о разлуке с ней была для меня невыносимой. Мне вспомнилось, как ужасно я чувствовала себя каждый раз, когда приходилось покидать место, к которому только что привыкла. — Потому что, потому, Гутри. Просто скажи ей, что она должна вернуться.

Гутри рассмеялся:

— Это не совсем в моем стиле, Динни. Я не очень-то умею указывать людям, что им делать.

— Поговори с ней, о'кей?

— *Ессо!* — опять рассмеялся он. — Я поговорю с Пистолетом!

После этого мне пришлось еще несколько дней добиваться от Гутри результата.

— Ты уже говорил с ней? Да или нет?

— С кем? — делал он невинное лицо.

— Сам знаешь с кем — с Лайлой.

— Ах, да, с Пистолетом! Да, я говорил с ней.

— Ты сказал ей, что она должна вернуться? — продолжала я.

— Нет.

— Почему?

Гутри только улыбался.

— Мы обычно разговариваем о других вещах. Я еще не дошел до того, чтобы приказывать ей, как в армии.

Вечером накануне последнего дня занятий я встретила Лайлу возле спального корпуса и спросила, разговаривала ли она с Гутри.

— Конечно, разговаривала! — ответила она. — А что?

— Я имею в виду — о твоём возвращении. Вы говорили об этом?

— Да.

Воздух был холодный, колючий и совершенно неподвижный. Мне казалось, словно само время замерзает и замедляет свой бег. Я находилась в состоянии пузыря, в позиции «точки Динни».

— И?..

Лайла посмотрела в сторону, в направлении подножия холма, а затем на гору напротив. Потом заговори-

ла, и речь ее звучала монотонно и невыразительно, как будто она считывала текст, написанный на склоне горы.

— Гутри сказал, что согласен со мной. Он сказал, мне не следует возвращаться, если я не хочу этого делать. По меньшей мере, он понимает, что я чувствую. Он сказал, что здесь место не для каждого, что это непростое место, есть люди, которые не смогли бы здесь приспособиться. Я сказала ему, что дело не в том, можно здесь приспособиться или нет. Я просто не хочу приспособливаться, вот и все.

— Он рассказал тебе о поездке в горы после каникул? Он говорил тебе о Санкт-Морице?

Лайла глубоко и выразительно вздохнула со скукой и усталостью на лице.

— Да, говорил, но он также сказал, что мне не следует возвращаться только из-за возможности покататься на лыжах. Он сказал, что мне, может быть, вообще не понравится кататься на лыжах.

Нет, время не замерзало. Оно мчалось, мчалось во весь дух, и его бег невозможно остановить. Время исчезало, улетучивалось.

— Не понравится? — пробормотала я. — Всем нравится кататься на лыжах! Все хотят поехать в Санкт-Мориц! Это просто *fantastico*! Все так говорят. Все!

— Гутри сказал, что мне может не понравиться. Он сказал, что это просто толпа народа, скатывающаяся с гор, и если эти люди, вместе с которыми я буду вынуждена пробыть взаперти две недели, мне не понравятся, то не понравится и весь Санкт-Мориц. Я такой человек, который не любит сидеть взаперти.

— Сидеть взаперти? В Санкт-Морице ты не будешь сидеть взаперти. Ты будешь целыми днями на воздухе. Все так говорят. Это просто *fantastico*! Это... Ты...

Лайла зевнула:

— Гутри сказал, что Санкт-Мориц понравится только тем, кто любит приключения. А я сказала, дело не в том, что я не люблю приключения. Я — такой человек, который очень любит приключения. Мне просто не нравится такое приключение.

Колокола церкви Святого Аббондио ударили раз, другой, третий...

— Я пойду, — сказала Лайла. — Не смотри на меня такими жалостными глазами. Я тебе напишу.

19. *Buon Natale*¹

Сны Доменики Сантолины Дун

По узкой тропинке длинной цепочкой двигались люди. С их спин свисали и падали мешки и баулы и оставались лежать там, где упали, а шедшие позади спотыкались о них. С плеч матери соскользнул маленький ребенок и покатился к краю тропы, а потом по склону холма вниз, вниз, вниз...

Перед Рождеством дядя Макс, тетя Сэнди и я отправились по заснеженной Коллина-д'Оро в церковь Святого Аббондио. Внутри она была украшена красными пойнсеттиями, золотистыми лентами и сотнями горящих свечей. Люди собрались здесь целыми семьями, включая прапрабабушек и прапрадедушек, взрослых, подростков и краснощеких грудных детей.

¹ Счастливого Рождества! (Итал.)

— *Buon Natale*, — говорили нам люди, а мы им отвечали:

— *Buon Natale!*

Перед самым началом службы в дверях появилась миссис Стирлинг. На ней была длинная черная пелерина поверх ее черного платья, голову покрывала черная кружевная мантилья. Прихожане оборачивались, чтобы посмотреть на нее. Она царственно проплывала по проходу между скамьями, останавливаясь, чтобы пожать руку знакомым людям. Поравнявшись с нашим рядом, проскользнула в него, села рядом со мной и прошептала:

— Разве это не прекрасно?

После того как хор мальчиков и девочек исполнил рождественскую песню, миссис Стирлинг наклонилась ко мне и, держа перед собой программку, постучала по ней пальцем:

— Ты только взгляни на это, Доменика, дорогая. *Voci bianche* — вот, что мы только что слышали. Это означает «белые голоса». Звучит прекрасно, не правда ли?

Она произнесла это так: «Вó-чи би-áн-ке». Белые голоса... Я стала думать: а какими могут быть голубые голоса, или красные, или фиолетовые? В конце программы мы снова послушали белые голоса, снова *voci bianche*, чистые и прозрачные, возносившиеся вверх к подпертому стропилами потолку, и мне захотелось уметь петь так же, как они.

В одной из школ, где я училась, меня записали в хор, но после недели занятий руководитель предложил мне просто раскрывать рот и шевелить губами в соответствии с текстом, не подавая голоса. «Ты будешь петь как бы понарошку», — сказал он.

Сидя в церкви Святого Аббондио и слушая *voci bianche*, я подумала, что, может быть, мне следовало бы

брать уроки пения? Это стало бы для меня хорошей борьбой. Я бы старалась изо всех сил, а учитель затыкал бы себе уши, заламывал руки и возносил молитвы к небу, но, по крайней мере, моя борьба могла бы сделать меня более интересной. Люди сказали бы: «Посмотрите на эту Динни, как она борется, как старается научиться петь! Ну разве она не храбрая девочка!»

Но потом я подумала, что, наверно, учиться петь — это не самая важная борьба в жизни. Если только, конечно, я не стремилась бы стать солисткой в опере, или самой лучшей певицей в целом мире, или...

— Доменика! — услышала я голос миссис Стирлинг. — Доменика, мы уходим!

Мы пошли обратно вверх по склону холма вместе с миссис Стирлинг, которая пригласила нас к себе в гости «на чашку чая» перед сном. Все разместились возле камина, кроме миссис Стирлинг, которая все не могла угомониться. Она суетилась, ставя перед нами серебряные блюда с орехами и конфетами, вскакивала и убегала в соседнюю комнату, чтобы ответить на телефонный звонок, раздававшийся каждые пять минут. Она говорила в трубку: «*Pronto?*»¹ — на итальянский манер, а затем, в зависимости от того, кто отвечал, переходила на английский, французский или продолжала беседу на итальянском.

Тетя Сэнди только головой качала.

— Не понимаю, как ей это удается! — шептала она. — Я в два раза моложе ее, но от усталости уже ничего не соображаю!

Мы вышли из дома, сопровождаемые обильными *buon Natale* со стороны миссис Стирлинг, а потом тетя Сэнди

¹ Слушаю! (Итал.)

и я еще несколько минут стояли на улице поодаль, ожидая, когда владелица школы закончит давать дяде Максусу последние инструкции. До нас донеслись слова «отремонтировать» и «заменить», и наконец дядя направился в нашу сторону, на ходу шаря в карманах в поисках, куда бы записать указания миссис Стирлинг.

По дороге к дому тетя Сэнди сказала:

— Наверняка родители послали тебе рождественское поздравление, Динни, я просто уверена в этом, только оно, видимо, застряло где-то. Эта почта такая ненадежная!

Месяцем раньше я послала домой бандероль с фотокарточками, которые я сама напечатала на уроках фотографии в школе. Когда настал момент выбрать, кому какой снимок предназначался, я вдруг поняла, что сделала это заранее, еще когда фотографировала.

Снимок мужчины с удочкой был для отца. Женщина с мольбертом у озера Лугано — для мамы. Другая женщина, молодая, толкающая перед собой детскую коляску — для Стеллы. Жонглер, развлекающий собравшихся вокруг ребят — для малыша. А молодой человек в черной кожаной куртке — для Крика.

Преподаватель фотографии сказал мне:

— Специализируешься на портретах? Ты выбрала интересные объекты для съемки!

И только когда настала очередь упаковать карточки для пересылки, я осознала, что сфотографировала родных мне людей, вернее, их двойников.

Через неделю после того, как я послала бандероль, пришла открытка от мамы, в которой говорилось, что они уезжают дальше на север Нью-Мексико, в Таос. Как только будет известен точный адрес, мне его сообщат. Я представила свою бандероль, одиноко пылящуюся на

почте или падающую с кузова грузовика на дорогу, а потом скатывающуюся вниз по длинному склону холма.

— Мы позвоним им по телефону в Рождество, — сказала тетя Сэнди.

— Мы не знаем, какой у них номер, — ответила я.

— Не беспокойся, узнаем в справочной службе, — сказала тетя Сэнди.

Их старый номер был отключен, а новый в справочнике Таоса еще не числился.

— Я уверена, именно в эту минуту они пытаются дозвониться до нас! — сказала тетя Сэнди.

Мы прождали весь день, даже не выходили из дома, чтобы прогуляться по свежевыпавшему снегу, но звонка не было.

Под елкой в доме тети Сэнди и дяди Макса лежали три маленьких свертка и конверт. Все это предназначалось для меня. В свертках находились лыжные перчатки, лыжные очки и один из «деток» клеомы, бледно-зеленого растения, пересаженный в собственный горшок. В конверте лежал листок бумаги, на котором было написано: «Санта-Клаус оставил что-то для тебя на балконе. Иди и посмотри!»

Я бросилась к балкону и распахнула дверь. Там, прислонившись к перилам, стояли сияющие новенькие лыжи, а на полу под ними — лыжные ботинки.

— Ну что же ты, — подзадорила меня тетя Сэнди. — Неси их сюда и примерь!

— Это мне? — не могла поверить я.

— Конечно, это тебе, — сказал дядя Макс.

— Динни! — сказала тетя Сэнди. — Не надо плакать...

— Я не плачу, — сказала я, но на самом деле плакала.

Я даже не осмеливалась прикоснуться к этим лыжам. Они были великолепные и нравились мне бесконечно. Ничего подобного никто раньше мне не дарил. Я не за-

служила такого подарка, и мне было стыдно принимать его, но я уже не могла жить без них. Я надеялась, что мои родители не узнают о том, какую дорогую вещь подарили мне тетя Сэнди и дядя Макс, а если узнают, то я надеялась, что им не будет неприятно.

Тетя Сэнди и дядя Макс все же настояли, чтобы я занесла лыжи внутрь и надела ботинки, а затем и сами лыжи, прямо там, в гостиной. А позже я отнесла подарки в свою комнату, снова нацепила лыжи, взяла в руки палки и сделала вид, что качусь по снегу. Потом я снова сняла лыжи, вытерла с них кое-какие пятнышки и убрала в стенной шкаф, оставив дверь открытой, чтобы можно было любоваться ими, лежа в постели.

На следующий день мы поехали на поезде в Гриндельвальд, где в горах лежал глубокий и ослепительно белый снег. Мы посмотрели парад участников в национальных швейцарских костюмах, шедших вместе с коровами, на шеях которых раскачивались огромные колокольчики, целые колокола, и все вокруг говорили на немецком языке, который по-прежнему звучал для меня как *ахтеншпит* и *фликеншпит*. Потом мы проехали через всю деревню на санях, которые тянула запряженная в них лошадка, и я снова была «точкой Динни» в своем наглухо затянутом пузыре, только теперь я все время думала о моих новых лыжах и о том, как было бы здорово привезти их сюда и опробовать!

Вечером дома я поливала мое новое растение по имени клеома и думала, как оно себя чувствует? Хорошо ли ощущать под корнями собственную землю, или же ему было одиноко, отрезанному от матери?

В эту ночь я спала очень беспокойно, то и дело просыпалась. Что-то постоянно тревожило меня, но я не

могла понять, что именно. Потом на глаза мне попались лыжи. Что-то не так было с этими лыжами, но что?

К четырем часам утра я пришла к умозаключению, что мне не пришлось бороться за эти лыжи. Я получила их за так от добрых людей, без борьбы и усилий, я их просто не заработала.

Я подумала, что, может быть, мне следовало вернуть лыжи и сказать тете Сэнди и дяде Максу, что я сначала заработаю деньги на эти лыжи. Я могла бы мыть полы и окна, колоть дрова, стирать и готовить. Вот это борьба!

Однако в конечном итоге я решила, что поскольку сейчас Рождество, а людям нравится быть добрыми и щедрыми на Рождество, то, может быть, мне следует просто принять этот подарок без всякой борьбы. Возможно, сделать это будет непросто... Постой-ка! Это же и есть борьба! Я борюсь, чтобы принять подарок. Вот именно!

Я прикрепила к своему окну лист бумаги с надписью: «GRAZIE»¹.

20. Елки и коровы

Через неделю после Рождества я получила два письма: одно — от Крика, а другое — от тети Тилли. Оба были посланы задолго до праздника.

Крик писал:

«Привет, Прыщик Динни!

Угадай, какая новость! Я уже не в тюрьме, и у меня может появиться отличный шанс. Какой — скажу, когда будет точно известно.

¹ Спасибо (итал.).

Сегодня привез домой рождественскую елку. Она такая большая, что не помещалась в машину, а дома падала каждые десять минут, потому что подставка мала. Я привязал ее к шторам, так она упала вместе со шторами. Сейчас вот на полу валяется. Вокруг большая свалка. Сейчас начну все убирать.

Жалко, что тебя нет.

*Твой брат — Большой Мачо,
Крик».*

В конверте тети Тилли лежала копия ее рождественского письма. В нем она отчитывалась о своей жизни на ферме по месяцам. Содержание письма было следующим:

«Январь:

Приготовила творожное желе с клубникой и подоила коров.

Февраль:

Приготовила творожное желе с персиками и подоила коров.

Март:

Приготовила творожное желе с яблоками и подоила коров.

Апрель:

Приготовила творожное желе с черникой и подоила коров...»

И так далее, до декабря. В конце была сделана такая приписка:

«Здравствуй, милая Динни!

Грейс дала мне копию своего рождественского письма, чтобы послать тебе, так как ей лень самой идти на почту и покупать там марки, но я тебе его не pošлю, потому что она круглый год ничего не делает, кроме своего тушеного мяса, и хоть она очень старается, Бог видит, что старается, все равно ее тушеное мясо даже не слишком хорошее.

Надеюсь, люди в Швейцарии празднуют Рождество, и ты тоже как следует повеселишься, хоть и не приедешь домой, что очень плохо.

Посылаю тебе сорок две бочки поцелуев от себя, твоей самой лучшей тети Тилли».

21. Libero

Автобус из Лугано пересек перевал Жюльер, а оттуда направился в Санкт-Мориц. Солнце, отражавшееся от вздымающихся по сторонам мчащегося автобуса трехметровых снежных вихрей, было таким ярким и пронзительным, что глазам больно. Так хотелось неотрывно смотреть на эти белые-белые горы и долины, но на глаза невольно наворачивались слезы и приходилось опускать взгляд на темный пол автобуса, чтобы зрение восстановилось.

Отель «Лаудинелла» располагался в низком месте долины Санкт-Мориц, между трассами для новичков и лыжников среднего уровня, к которым вела канатная дорога *Signalbahn*, и высокими склонами гор Корвилья и Пиц-Наир с установленным на них фуникулером. Низкие домики Санкт-Морица окружали замерзшее озеро, а за ними кольцом возвышались укутанные снегом горы.

Я с дядей Максом, тетей Сэнди и другими преподавателями приехала из Лугано на день раньше учеников. Мне давали разные поручения, и я помогала размещать школьный офис на первом этаже отеля «Лаудинелла», проверять комнаты, чтобы убедиться в их готовности к приему двухсот подростков, которые как снег на голову вот-вот свалятся на гостиницу.

Дядя Макс и тетя Сэнди поднимались на трассы, чтобы встретиться со швейцарскими инструкторами и еще раз обсудить содержание горнолыжных уроков, которые начнутся на следующий день. На первом уроке учащиеся и преподаватели будут распределены в зависимости от навыков и способностей в смешанные (и ученики, и учителя) группы.

Вернувшись в отель, тетя Сэнди немедленно направилась в импровизированный школьный офис. На ней был красный лыжный костюм, лицо разругалось от холода и ветра.

— Динни! — воскликнула она. — Ты должна пойти туда со мной! Ты не поверишь! Оттуда все видно на многие километры вокруг. Там ты — на вершине мира! Здесь так замечательно!

Дядя Макс не разделял ее восторга. Он только что узнал от школьной медсестры, что во время прошлогоднего лыжного сезона двенадцать учеников получили травмы.

— Двенадцать? — переспросил дядя Макс. — Двенадцать?!

— Травмы не слишком серьезные, — поспешила успокоить его медсестра. — Некоторые ребята только большие пальцы сломали, знаете ли. Рано или поздно все падают на большие пальцы.

— А остальные? — осведомился дядя Макс.

— О, ничего особенного. Ноги, знаете ли. Пара рук. И только два действительно серьезных случая: множественные переломы — и ног, и рук. У них здесь есть хорошая больница. Они здесь уже привыкли к переломам.

— Ты сможешь расслабиться в такой обстановке, как думаешь? — спросила тетя Сэнди дядю Макса.

Тот тяжело опустился на стул.

— Не знаю. Переместить целую школу в гостиницу? И потом, только представь себе двести детей, несущихся вниз с горы! С подобным я еще никогда не сталкивался...

Я не отходила от факсимильного аппарата. Из него непрерывно выползала и скручивалась в рулон полоса бумаги. Авиарейс из Токио задерживался на день. Нильс и Ханс застряли в аэропорту Амстердама. Фади заболел и приедет только через неделю. Потерявшиеся в пути чемоданы Педро нашлись и скоро будут доставлены.

— Есть что-нибудь от Лайлы? — спросила я школьную секретаршу.

— От Лайлы-Пистолета? — переспросила она. — Нет, от Лайлы-Пистолета ничего нет.

Наконец, первый автобус со школьниками подъехал к отелю «Лаудинелла». Едва открылись его двери, послышался топот ног и громкие голоса ребят.

— Приготовься, — сказала тетя Сэнди дяде Макс, — они идут...

Сумки и лыжи выгрузили из автобуса в одну кучу. Ребята, толкая друг друга, разбирали свои вещи и с грохотом проходили внутрь, чтобы затем разойтись по отведенным для них комнатам.

— Привет, Динни! — выкрикнул Кейсуки.

За ним следовала Белен.

— Динни! Мы приехали!

В беспорядочной суете слышались возгласы:

— Густав! Сюда! Мы вместе с Марко и Файсалом!

— Сонал! Сонал! Ты со мной!

— Где Пауло? Ты не видел Пауло?

— Герардо! Иди сюда! Мы с Ёйчи и Тимом!

— Надя! Келли! Давайте с нами!

А вот и Гутри со своей широкой улыбкой на лице.

— Привет, Динни! — позвал он. — Ты не сможешь мне дотащить? Слушай, как здесь здорово-то! Как тебе здесь нравится? Я жду не дождусь попасть на гору! Вот будет классно! Увидишь, это будет такое самое лучшее время за всю жизнь! Привет, Кейсуки! Иди сюда! Ты со мной...

— Лайлу видел? — спросила я Гутри.

— Кого? Лайлу? Нет, не видел. Может быть, она на другом автобусе. Ого! Мы должны забраться на ту гору. Где твои лыжи?

— Я не умею кататься, — сказала я.

— Что? Ты никогда с горки не каталась? Не бойся, научись! Мы с тобой поднимемся на самую верхушку, а потом — вж-жик! — вниз. Все равно, поехали с нами, побудешь, пока мы пару раз скатимся.

— Но...

— Знаешь, там, на полпути, есть кафешка, можешь посидеть в ней и понаблюдать.

— Может, мне лучше здесь побыть и подождать Лайлу?

Вмешался Кейсуки:

— Ну нет, ты идти на гору. Ты идти с нами.

Гутри сунул мне свою куртку.

— У тебя очки есть какие-нибудь? Солнце там очень яркое.

На улице стоял пронзительный холод, но все вокруг заливало ослепительное солнечное сияние, отражавшееся от ослепительно белого снега, и если постоянно двигаться и держаться лицом к солнцу, а еще натянуть вязаную шапочку на уши, а поднятый воротник плотно прижать к шее, то можно заставить себя почувствовать более или менее в тепле под всеми слоями одежды, в которую я была упакована. Гутри и Кейсуки шли впереди мимо домиков к подножию холма, где было видно, как *Signalbahn* возносил лыжников высоко в воздух либо плавно опускал вниз к посадочной платформе.

Было страшно даже подумать о том, что мне придется подниматься на гору на *Signalbahn*. Мне хотелось заставить свое воображение оцепенеть, загородиться от всего, чтобы не видеть мысленно себя, висящую высоко над заснеженными склонами в медленно ползущем все выше и выше вагончике канатной дороги.

Вместе с толпой лыжников Гутри, Кейсуки и я протиснулись внутрь вагончика, его двери закрылись, вагончик дернуло, что-то прошипело — *ф-фш-ш-ш*, и платформа ушла в сторону, а мы повисли в воздухе. Я отодвинулась подальше от окна, зарывшись в середину толпы, и не отрывала глаз от чужих ботинок внизу и лужиц растаявшего снега.

Я вдруг почувствовала тошноту и слабость и опустилась на одно колено, притворившись, что привожу в порядок застежки на ботинке. Я была в полной уверенности, что мы вот-вот погибнем. Канат лопнет, и мы будем падать, падать, падать...

Вагончик вдруг сильно накренился, потом дернулся — вот оно! Канат порвался! Кое-кто в вагончике взвизгнул. Затем движение возобновилось.

Оказалось, это был лишь какой-то промежуточный пункт, мы вовсе не падали.

— Так каждый раз происходит, — услышала я, как Гутри говорил кому-то. — *Fantastico!*

Наконец вагончик плавно остановился, я выпрямилась, и меня вынесло вместе с толпой на платформу. Я огляделась вокруг и тут же схватилась за перила, потому что вот он был передо мной — длинный-предлинный спуск с горы. Отсюда можно видеть весь Санкт-Мориц, который казался маленьким пятном посреди долины. И еще отсюда открывался вид на другие горы, стоявшие дальше, и еще дальше, и все вокруг было белым-белым-белым... За нами и над нами громоздились еще горы, поднимаясь все выше и выше, а небо над головой простиралось такое голубое, а на небе горело солнце — совершенно ровный, круглый, сияющий, желтый шар.

Гутри схватил меня за плечо.

— Разве это не великолепно?! Разве это не самое лучшее?!

Возле платформы находилось кафе с выставленными наружу столиками.

— Садись здесь, — сказал мне Гутри. — Отсюда хорошо видно. Мы пойдем к тому подъемнику, вон там, видишь? А потом поднимемся вон туда. — Он махнул рукой в перчатке в направлении части склона, расположенной еще выше. — А потом увидишь, как мы скатимся прямо туда. О, какая свобода! Я свободен! *Libero!*

Гутри и Кейсуки пели и кричали на протяжении всего спуска, начиная от вершины и скатываясь все ближе и ближе к кафе.

— *Sono libero!* — доносился счастливый голос Гутри. — *Libero, libero, libero!*

Они подъезжали прямо к тому месту, где сидела я, возбужденные и смеющиеся, сразу разворачивались и направлялись обратно к подъемнику, чтобы снова окатиться на старте.

— Посмотри вокруг! — сказал мне Гутри в промежутке между двумя спусками. — Только посмотри на это! Это — страна Господа! Наша страна! Она будет принадлежать нам целых две недели! — Он согнул в локтях поднятые руки и напряг мышцы. — Я чувствую мощь! *Sono potente!*

Я тоже хотела чувствовать себя *potente*, как Гутри, и в какой-то момент, наблюдая за ним, ощутила, что моя маленькая точечная личность вроде бы растет. Гутри и Кейсуки снова направились к подъемнику, а я смеялась и смеялась, и люди оборачивались на меня, на увеличивающуюся точку, смеющуюся наедине с собой на склонах горы.

Кейсуки и Гутри неслись, и катились, и летели вниз. К ним присоединилась Белен, которая тоже кричала и хохотала:

— *Viva* Санкт-Мориц!

Потом мы все вместе сидели в кафе и перекусывали.

— Попробуй-ка вот это, называется *raclette*, — предложил мне Гутри. — *Viva raclette!*

Я посмотрела на *raclette*: в луже из расплавленного сыра плавали дольки картофеля и маринованных огурцов.

— Кому только в голову могло прийти такое сочетание! — сказала я.

— Самому Господу Богу! — воскликнул Гутри. — Это — самое лучшее! Такое самое лучшее! — Этими словами он уже охарактеризовал подъемники, снег, пейзаж вокруг и саму лыжную трассу. — Динни, — сказал он, — я хочу, чтобы ты похоронила меня на этой горе.

Это — мое последнее желание. Кейсуки и Белен, будьте свидетелями: когда я умру, Динни должна затащить мое тело сюда и похоронить его на этой горе.

— Ту-по, — сказал Кейсуки. — Сначала сжигать, тащить более легче.

— Ладно, хорошо, — согласился Гутри. — Если не хочешь волочить сюда мое тело, Динни, принеси мой пепел. Рассыпь его, когда будешь катиться на лыжах с горы. Вот так! — И он широко махнул рукой над столом. — Чуть-чуть меня здесь, чуть-чуть меня там...

— *Demente*¹, — вставила Белен. — Ты имеешь сумасшедший мозг.

— Знаешь, что я чувствую, когда я там, наверху? — спросил Гутри. — Я чувствую, словно... Словно вокруг меня летают ангелы!

— Абсолютно *demente*, — повторила Белен. — *Loco*².

— Ту-по, — добавил Кейсуки.

22. Санкт-Мориц

Вернувшись в отель «Лаудинелла», я тут же направилась в школьный офис. Дядя Макс встретил меня в дверях.

— Мне очень жаль, но от Лайлы пока нет никаких известий, — сказал он с порога.

— Ни факса, ни звонка? — спросила я.

— Пока ничего.

Меня разместили в комнате вместе с Белен и еще одной девочкой, Мари. Имя Лайлы также значилось

¹ Сумасшедший (*исп.*).

² Безумный (*исп.*).

в списке проживающих в нашей комнате, но никто на самом деле не верил, что она появится.

— Не повезло, — сказала Мари. — Мне будет не хватать ее жалоб и претензий.

Белен, к моему удивлению, вступилась за Лайлу:

— Она не такая уж плохая, эта Лайла. Просто не надо попадаться ей под горячую руку.

Жить вместе с учащимися было для меня внове. Дома, в Лугано, где у меня имелась собственная комната в казе дяди Макса и тети Сэнди, я часто ловила себя на том, что, возвратившись из школы, радуюсь возможности побыть в спокойной обстановке. С другой стороны, когда порой я слышала в школе, как другие обсуждали происшествия, случившиеся накануне в спальном корпусе, или вели себя так, словно у них есть общие секреты, о которых они шепчутся по ночам, мне казалось, будто меня не приняли в какое-то тайное общество.

Здесь, в отеле «Лаудинелла», я наблюдала и прислушивалась, стараясь приобщиться к этому новому для меня окружению. В десять часов вечера синьора Палермо, дежурная по нашему этажу, постучала к нам в дверь и зашла проверить, все ли мы на месте.

— Нет Лайлы? — спросила она. — Семь тысяч непристойностей! Я — шутить, да?

В половине одиннадцатого я почистила зубы и легла в постель.

— Ты уже спать? — спросила Мари.

— Так ведь в десять тридцать надо свет гасить!

Они с Белен рассмеялись.

— Смотри! — сказала Мари. Она подошла к двери и закрыла щель внизу полотенцем. — *Presto!* Свет погашен!

Белен стала показывать нам фотографии, которые привез ей Кейсуки. На них были изображены его родители, сестра, их дом неподалеку от Осаки. Вот Кейсуки дома, вот Кейсуки в метро, вот Кейсуки японскими палочками ест какое-то японское блюдо.

Мари спросила, удалось ли Белен пообщаться с Кейсуки во время каникул.

— Что ты, т ума сошла? — воскликнула Белен. — Мои родители застрелили бы меня, если бы узнали о Кейсуки!

— Почему? — спросила я.

— Потому что он японец, вот почему! Они хотят для меня хороший испанский мальчик.

Мари хихикнула:

— Как Герардо. Или Пабло. Или Мануэль...

Белен состроила гримасу.

— Мануэль — нет, пожалуйста, Мануэль — нет. Он ест как поросенок.

Мари сказала:

— Мои родители — точно такие же. Они хотят, чтобы я разговаривать только об итальянских мальчиках. Стоит мне только упомянуть Фади...

— О-о-о, Фади! — поддразнила ее Белен.

— Стоит мне упомянуть Фади, они тут же скажут: «Это девочка или мальчик? Лучше бы не мальчик, о чем ты говорить!»

— А ты, Динни? — обратилась ко мне Белен. Она сидела на полу, опершись на мою кровать. — Кто тебе нравится?

— Никто в особенности, — ответила я.

— Гутри — нет? — спросила Белен.

— Гутри? — вмешалась Мари. — Гутри? Я думала, Лайла его уже застолбила...

— Лайла? — переспросила я. — С Гутри?

Не понимаю, почему мне раньше не пришло это в голову. Вот как... Значит, все думали, что Лайла и Гутри были вместе?

В дверь постучали.

— Нам попадет? — спросила я.

Белен бросила в меня подушку и открыла дверь. Это была тетя Сэнди. Она не выглядела удивленной или раздраженной из-за того, что у нас горел свет.

— Как вы здесь, в порядке? — поинтересовалась она.

— Что-то стало известно? — спросила я ее. — О Лайле?

— Пока нет. Вам что-нибудь нужно, девочки?

— Конечно! — сказала Белен. — Мне нужен мой Кейсуки!

— Может быть, бутылку вина, синьора? — пошутила Мари.

— Очень смешно! — сказала тетя Сэнди.

Мне было странно, что они осмеливались так шутить с ней, а она вела себя с ними совершенно непринужденно. Тетя Сэнди и раньше часто проводила ночные проверки в школе, но я почему-то никогда не задумывалась, как она это делала.

— А тебе, Динни? — спросила меня тетя Сэнди. — Тебе что-нибудь надо?

— Гутри! — в один голос сказали Белен и Мари. — Приведите ей Гутри!

— Это самая большая нелепость, какую я когда-либо слышала! — сказала я.

— Ту-по? — засмеялась Белен. — Это ту-по?

После того как тетя Сэнди ушла, Мари и Белен продолжали разговаривать. Они говорили о подарках, ко-

торые получили на Рождество, о друзьях, оставшихся дома, о своих нарядах и косметике.

— Знаете, как по-итальянски макияж? — спросила Мари. — *Trucco*! Это в переводе означает — трюк! Правда, смешно?

Девочки сказали мне, что им нравится дядя Макс, что он — «хороший парень». Белен вспомнила фразу, которую он произнес однажды на общем собрании.

— Помните, когда Борка исключили из школы, твой дядя выступил перед нами на общем собрании? Помнишь? Он тогда задал всем вопрос: «Как бы вы поступали, если бы были уверены, что вас не поймают?» Вот это вопрос! Разве это не означает, что о человеке можно судить по тому, как бы он себя вел, даже зная, что все равно не будет пойман? Я с тех пор все время об этом думаю.

Тут Белен и Мари стали рассуждать о том, на какой проступок они были бы способны, если бы знали, что их не поймают. Могли бы они украсть чужой бумажник? А телевизор? Могли бы без разрешения покинуть спальняный корпус? А убить человека?

Сны Доменики Сантолины Дун

Я бежала по снегу, держа в руках коробку со своими пожитками, и все время оглядывалась назад, чтобы видеть, не гонится ли кто-нибудь за мной. Коробка была хорошо заклеена липкой лентой, а сбоку на ней черным маркером написано слово: «ГУТРИ». Я украла Гутри.

За ночь выпало тридцать сантиметров снега. Я проснулась от глухого отдаленного грохота: *Бумм! Бум-бум-буммм!*

— Военные учения? В Санкт-Морице? — удивилась я.

— Это не военные учения, — сказала Мари. — Это антилавинные взрывы. Детонация.

— И мы туда пойдем? Они хотят гору взорвать? Хотят вызвать лавину? Чтобы убить нас?

— О, Динни! Это чтобы предотвратить лавину! Они взрывают наверху динамит или что-то в этом роде, снег сотрясается и обрушивается прежде, чем успевает скопиться в большую опасную горю. Так примерно это делается. К тому времени, как мы поднимемся туда, все уже будет закончено.

К десяти часам утра небо совершенно расчистилось. Мы собрались наверху, чтобы разбиться на группы для уроков катания на лыжах. Отраженное солнце пылало на снегу, а я глотала воздух большими глотками. Воздух здесь был совершенно иной. Он был чистый и очень разреженный, и у меня немного кружилась голова. Надо мной простиралась абсолютная голубизна, а внизу все было белым-белым — вплоть до первых коричневых точек шале на окраине города. Вдалеке, повсюду, куда ни кинешь взгляд, рядами возвышались горы.

Когда мы внизу сели в вагончик *Signalbahn*, в нем загорелся красный мигающий сигнал сначала на немецком, потом на французском, итальянском и, наконец, на английском языках: «ЛАВИННОЕ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ». Дядя Макс подошел к горнолыжным инструкторам. «Нет, нет, — заверили они. — Нет причин для беспокойства. Это в стороне. Мы скажем детям не выезжать за разметку трассы. Все будет хорошо».

От ужаса я ничего не соображала. Я не хотела подниматься на эту горю, не хотела съезжать с нее на лыжах.

Гутри и Кейсуки попали в группу самых опытных лыжников. Я оказалась среди начинающих. Некоторые из них уже надели лыжи и теперь скользили, падали и наезжали друг на друга. В нашей группе было десять школьников и два учителя. Нашего инструктора звали Симоне. Поодаль я увидела тетю Сэнди в другой группе для начинающих. Она смеялась и отряхивала снег со своих рукавов.

Симоне сказал, что для начала мы проделаем несколько упражнений, научимся самостоятельно надевать и снимать собственные лыжи, а также падать. Разве можно научиться падать? Надеюсь, я не упаду в обморок прямо здесь, на горе, еще до того, как начнется урок. Может быть даже, я доживу до конца занятий.

Вдалеке группа Гутри направлялась к подъемнику. Потом они проносились по снегу с характерным — *с-сф-фш-ш-ш*, — прямо как в кино. Казалось, у них так легко все получается! Сразу за Гутри скользила девочка в ярко-розовой лыжной куртке. Лайла? Это была Лайла? Я позвала:

— Лай-ла!

Она обернулась на мой крик, но не увидела, как я размахиваю палками.

— Эй, Гутри! Лайла! — снова закричала я, но звук моего голоса эхом вернулся ко мне и полетел дальше под гору.

23. «Низпадения»

Лайла вернулась и была не такой, как прежде. Она улыбалась и смеялась, она обнимала всех, кого встречала, она была готова заводить дружбу со всеми, кто

еще не был ей знаком. В общем, вела себя так, словно стала победительницей конкурса «Мисс Прекрасный Характер».

По ее словам, все вокруг было «чудесно» и «великолепно». Все люди — «потрясающие». Швейцария была «fantastico».

Сначала все удивлялись: «Что произошло с Пистолетом?» или «Ей что, сделали трансплантацию мозга?» Но удивление длилось недолго. Если бы вы собирались начать новую жизнь, то вам не найти для этого места лучше, чем Санкт-Мориц. Здесь девственно белый снег каждое утро превращал мир в чистый холст, а ваше тело к концу дня становилось слишком уставшим и переполненным свежим воздухом, чтобы вы могли относиться к окружающим с цинизмом.

Так ощущало себя, по крайней мере, мое тело. Все оно состояло из жалкой массы не перестававших болеть мышц. Болело все: бедра, ступни, плечи, кисти рук, шея и спина. Даже глаза, и те болели.

Я научилась правильно падать и делала это очень часто. Я падала, когда надевала лыжи и когда их снимала. Я кувыркалась, пытаюсь усесться на стартовую перекладину или, наоборот, сползти с нее. Застыв в позиции снежного плуга, я соскальзывала на пять метров по склону со скоростью около трех сантиметров в минуту и тут же растягивалась на снегу, запутавшись в собственных лыжах и палках.

Я стала настоящим мастером падений, чемпионом по падениям. Я умела падать на спину, на правый бок или на левый. Могла шлепнуться вниз лицом или ухом. Приходилось также нырять вперед, приземляясь на живот. Короче, я падала в любой доступной воображению позе.

Когда Гутри, Кейсуки, Белен, Лайла и я встречались в кафе во время ланча, мой внешний вид, как правило, являл собой довольно жалкое зрелище. Снег мокрыми пятнами таял в каждой складке моей одежды, снег был в моих волосах и даже ушах, а на лыжном костюме зияла очередная дыра или прореха. Иногда я несла потери в виде очков или одной из перчаток. Мои лыжные палки деформировались в немыслимые изгибы, а лыжи выглядели так, словно я специально каталась на них по скалам.

— Ты довольно много низпадаешь, — прокомментировал мою внешность Кейсуки.

Зато они все выглядели прекрасно. Щеки покрыты загаром, одежда сухая и опрятная, лыжи, палки и ботинки — как новые. Я говорила, стуча зубами от холода:

— Кажется, я умираю. Я просто уверена, что умираю.

А они, потягивая горячий шоколад, оживленно обсуждали, как здорово они только что прокатились и какой чудесный, *fantastico* день был сегодня!

— Правда же, в это место можно просто влюбиться? — спросила меня как-то Лайла. — Правда же, оно такое... самое лучшее? Правда же, оно *fantastico*?

Мне вдруг захотелось поколотить ее.

— Здесь просто ту-по! — сказала я. — Абсолютно ту-по!

Но здесь не было *ту-по*, даже нисколько. Мне нравились сокращенные академические уроки по утрам и свежий воздух весь оставшийся день. Мне нравилось возвращаться в отель и погружаться в горячую ванну, потом спешить на вечерние занятия, после них ужинать, лениво листать страницы учебников в импровизированном читальном зале и, наконец, без сил валиться в по-

стель. А к концу второй недели я уже съезжала по всему склону для начинающих без единого *низпадения* и делала это, даже не ставя лыжи в позицию снежного плуга! Я, Доменика Сантолина Дун, стала горнолыжницей!

Сны Доменики Сантолины Дун

Я прыгнула со скамейки подъемника на свежевыпавший снег и покатилась на лыжах с горы, а потом даже вверх в гору и снова вниз. Я перелетела через широкую, очень широкую расщелину и заскользила к подножию. Лихо объехав зрительскую трибуну для важных персон, я финишировала, и все мне аплодировали. Я выиграла. Не знаю, что именно я выиграла, потому что проснулась.

24. Бедствия

Две недели на горнолыжном курорте пролетели очень быстро, и мы снова возвратились в Лугано, и тогда мы узнали все о бедствиях.

Мы, конечно, и раньше слышали о разных бедствиях на уроках в школах и сталкивались с информацией о них в наших прежних жизнях. Ведь мы всегда имели доступ к телевизионным новостям и газетным статьям. Но возвращение в Лугано ознаменовало начало месячника глобальных бедствий: на уроках по каждому из предметов мы говорили о бедствиях — искусственных, то есть созданных или спровоцированных человеком, и естественных, природных. Мы говорили об озоновых дырах, об исчезновении видов животных и растений, о сокращении лесных массивов, о войне, нищете и СПИДе. Мы говорили о беженцах, геноциде и голоде.

Поскольку мы находились на уровне неполного среднего образования, то получали, по словам дяди Макса, «разбавленную» версию того, что преподавалось старшеклассникам. К нам на урок истории приходил старшеклассник из Ирака и рассказывал, каково им там было, когда американцы бомбили его страну. Кейсуки говорил об ответственности, которую он чувствовал перед всеми из-за участия Японии в развязывании Второй мировой войны, и о том же говорил мальчик из Германии.

Между нами разгорелась дискуссия по поводу пренебрежительного отношения к девочкам в некоторых странах и ужасающих случаев жестокого обращения с детьми по всему миру. Во время месячника мы ничего не ели один день в неделю, чтобы лучше понять страдания голодающих людей. Мы собирали деньги, консервы и одежду и передавали все это в благотворительные организации.

На одном из уроков нам показали документальный фильм о гибели людей в Руанде. Когда после его окончания мальчик из Руанды рассказал, как у него на глазах убили его мать, Мари вырвало. Многим из нас по ночам снились кошмары.

Дома тетя Сэнди упрашивала дядю Макса:

— Это слишком! Нельзя же собрать все мировые проблемы и вывалить их разом на головы несчастных детей!

И дядя Макс согласился. Он сам был ошеломлен происходящим, но не хотел менять программу, поскольку она была утверждена еще до того, как его назначили директором. Мы, учащиеся, были уже сыты по горло такими уроками, но в то же время продолжали жадно поглощать все новую информацию. Мы чувствовали себя такими защищенными в нашем привилегированном мире

и одновременно — виноватыми, и эти уроки были нашим наказанием за то, что наша жизнь лишена бедствий, ставших повседневными для других людей.

Гутри совсем сник. Даже его походка изменилась — он передвигался, волоча ноги и бормоча что-то себе под нос.

— Что нам делать, Динни? — обратился он как-то ко мне. — Что мы можем сделать? Должны же мы что-то делать!

Гутри говорил, что бросит школу и отправится в разрываемую войной Руанду, чтобы оказывать помощь людям.

— Ты еще маленький, — возразил ему кто-то. — Тебя через границу не пропустят.

Он послал письма президенту США и швейцарскому послу. Он вступил в организации «Гринпис» и «Международная амнистия». Он организовал дискуссионный клуб, назвав его «Объединяйтесь за мир!». Спустя неделю своей деятельности Гутри воскликнул:

— Это ужасно! Все это одни только разговоры. Разговоры ни к чему не приведут. Люди умирают, Динни, и умирают не где-нибудь, а вокруг нас, повсюду. Людей одолевают голод и болезни, их убивают и мучают!

Я знала. Я сама думала об этом день и ночь. Однажды мне всю ночь снился кошмар про беженцев. Я пошла, разбудила дядю Макса и заявила ему:

— Что вы тут делаете? Почему вы не помогаете беженцам? Почему вы привезли меня сюда? Кто оплачивает мое пребывание здесь?

Пока я произносила эту тираду, проснулась тетя Сэнди:

— Динни!

Я вдруг вспомнила, что произошло в День благодарения, когда мы жили в Оклахоме. В школе меня проси-

ли принести консервы для нуждающихся семей. Мы делали продуктовые наборы, складывая консервы в коробки, а местные власти еще предоставляли для этой цели бесплатных индеек.

Учительница сказала, что желающие поучаствовать в доставке наборов нуждающимся семьям должны собраться в субботу на автомобильной стоянке, где нас будут ждать на своих машинах добровольцы из числа жителей городка.

Я тоже пришла и вместе с двумя одноклассниками села в машину к женщине по фамилии Берки. Это была очень веселая женщина.

— О'кей! — сказала миссис Берки. — У меня есть список с фамилиями и адресами, так что — вперед!

И в течение нескольких часов мы развозили наборы людям, жившим в домах, которые выглядели очень бедно. Одни жильцы этих домов были рады видеть нас, другие — нет, и мне было непонятно почему. Один мужчина отказался принять коробку и прогнал нас со двора.

— О'кей! — сказала миссис Берки. — Осталось заехать в два места. Дайте-ка посмотреть список. Одно находится на Колби-роуд. Сначала поедем туда!

— Мы тоже живем на Колби-роуд, — сказала я, и мне стало интересно, к кому из соседей мы заедем.

— Отлично! — воскликнула миссис Берки. — Показывай дорогу, чтобы мы не заблудились.

Мы выехали за город и вскоре без всяких проблем нашли Колби-роуд. Проезжая по улице, миссис Берки сверилась со списком и сказала:

— О'кей! Теперь нам нужен дом четыреста девяноста девять...

— Но... — начала и не закончила я.

— Это где-то близко, — сказала миссис Берки. — Вот четыреста пятьдесят пять...

— Но...

Мы подъехали к дверям нашего дома, и я почувствовала, что умираю тысячью смертей. Я просто окаменела, сидя в машине, а миссис Берки и двое моих одноклассников выпрыгнули наружу, достали коробку из багажника и направились к моему дому.

Моя мама открыла дверь, и на лице у нее появилось озадаченное выражение. Она посмотрела в сторону машины и увидела меня, окаменевшую, а потом улыбнулась миссис Берки, взяла коробку и поблагодарила ее. И тогда я вышла из машины и сказала миссис Берки:

— Я здесь живу. Мне не надо ехать дальше?

Миссис Берки покраснела и закрыла ладонью рот, а потом наклонилась ко мне и сказала:

— О, малышка, спасибо тебе за помощь, мне очень жаль, если... Я не знала... Я бы не...

— Все в порядке, — сказала я и пошла в дом.

Мама смотрела на коробку с консервами и говорила:

— Динни, нам эта еда сейчас пригодится, ты сделала доброе дело и не должна чувствовать себя из-за этого плохо.

Но я чувствовала себя из-за этого плохо, и мне не хотелось ходить в школу. К счастью для меня, как раз в это время отцу выпал новый шанс где-то в другом месте, и через месяц нас здесь уже не было.

Я вспомнила об этом, стоя в спальне тети Сэнди и дяди Макса в ту ночь, и сказала:

— Меня привезли сюда в благотворительных целях, правда? На самом деле я не должна быть здесь. Я должна быть вместе с беженцами. И вы тоже.

Дядя Макс пошел на кухню и сварил кофе, а когда вернулся, сказал:

— Динни, у детей тоже бывают проблемы. Они не всегда заметны, но они существуют. И кто-то должен помогать решать эти проблемы.

— Кто за меня платит?

— Не все, кто учится здесь, — богачи, Динни. Многим ученикам оказывается материальная помощь, многие из них находятся здесь потому, что за них платят компании, в которых работают их родители.

— Кто? — спросила я. — Назовите хотя бы нескольких.

— Я не имею права делать это, — ответил дядя Макс. — Да и какое это имеет значение?

— Просто я хочу знать.

— Динни, — вмешалась тетя Сэнди, — ты здесь потому, что дядя Макс — директор школы. Это вроде бонуса, полагающегося по должности. Ты вместе с ним. Никому не надо за тебя платить. Это — привилегия. Тебе просто повезло.

— Мне не надо, чтобы везло. Мое место среди беженцев, я должна страдать вместе с ними.

Лицо дяди Макса приняло изумленное выражение:

— Но почему, Динни, почему?! Что плохого в том, что тебе повезло? Может быть, когда-нибудь ты сделаешь так, что повезет кому-то еще!

— Тебе просто открылась возможность, Динни, это твой шанс! — добавила тетя Сэнди.

О, опять это слово, оно всюду преследовало меня, оно не выходило у меня из головы!

— Кроме того, — сказала тетя Сэнди, — только от тебя зависит, воспользуешься ты своим шансом или нет. Выбирай!

Я ворочалась в постели всю ночь напролет и чувствовала себя отвратительно. Я просто утопала в шансах и возможностях, в то время как у беженцев не было ничего. Мне хотелось отдать им все. «Вот, — сказала бы я им, — возьмите это. Возьмите Швейцарию и горы, колокольный звон, катание на горных лыжах. Возьмите все. Вы этого заслуживаете».

Но я не знала, как разыскать беженцев и как вручить им Швейцарию.

Сны Доменики Сантолины Дун

Я была в своей комнате в доме дяди Макса и тети Сэнди. Я выглянула в окно и увидела, как по склону холма взбираются моя мама, мой отец, Крик и Стелла, несущая на руках своего малыша. Они были одеты в лохмотья и совершенно босые.

Они вошли в дом, и мама примерила на себя мою лыжную куртку, а Крик погладил руками мои лыжи. Стелла спросила: «Это все твое, Динни?» — и я ответила: «Нет!» — а потом вытащила свою старую коробку с пожитками и сказала: «Видите? Только это мое».

Но когда я открыла коробку, в ней оказались всякие новые вещи: радиоприемник, лыжные ботинки, перчатки, шапки, свитеры, украшения. И тогда мои родители, и Крик, и Стелла, и малыш вылезли в окно и ушли.

Месячник глобальных бедствий продолжался. Лайла потеряла дар речи. Она больше не произносила таких слов, как «изумительно», «невероятно» и «*fantastico*». Теперь ей приходилось часто слышать в классах и спальнях корпусах, как жалуются другие. Но, в отличие от прежней Лайлы, ребята сетовали по причинам, связанным с настоящими, серьезными переживаниями. Лайла уже не

могла вновь начать свою кампанию против никудышного питания в школе, потому что ребятам просто кусок не лез в горло при мысли о недоедающем человеестве, о миллионах людей, страдающих от голода.

Через три недели месячника глобальных бедствий дядя Макс наконец пошел на решительный шаг. Он произнес речь. Он сказал, что, конечно, необходимо помнить о несчастьях, что каждый день происходят в мире, однако наша главная задача, наша обязанность состоит в том, чтобы получить образование, дабы, когда мы станем взрослыми, принимать осознанные и обоснованные решения. Он сказал, что надо быть не только осведомленными о глобальных бедствиях, но также проникнуться мировой духовностью, знать и понимать искусство, красоту, музыку, юмор, чтобы иметь силы и желание изменить мир к лучшему.

Его слова возымели действие. Не сразу и не у всех, но настроение постепенно стало меняться. После речи дяди Макса я видела, как Гутри выбежал на балкон виллы и долго стоял там, глядя на озеро. Он плакал.

Сны Доменики Сантолины Дун

Я сидела на вершине холма на стуле, окруженная оболочкой своего пузыря и глядела вниз — на длинную-длинную вереницу беженцев, бредущих по извивающейся у самого подножия тропе. Дети громко плакали. Солдаты сбегали вниз, на ходу стреляя из ружей.

Кислотные дожди поливали головы беженцев, на них падали деревья и рассыпались в облаке черной пыли.

Я скатилась с холма к беженцам и через оболочку пузыря принялась раздавать им разные вещи. Я вручала им церковные колокола и даже целую гору.

Кислотный дождь стучал по оболочке пузыря, разьедавая ее насквозь, и вот капля, едкая и жгучая, упала мне на лоб, я проснулась и увидела жужжащего надо мной комара.

25. Телефонный звонок

В конце февраля я наконец получила рождественскую посылку от родителей. Коробка выглядела так, словно по ней прошло стадо коров и по пути сжевало ее углы. Внутри находился маленький фотоальбом. Я тут же взволнованно схватила его и раскрыла, ожидая увидеть фотографии дорогих мне людей. Но никаких фотографий там не оказалось. Только на первой странице вставлен рисунок, сделанный мамой и подписанный: «Динни на рыбалке». На рисунке была изображена девочка, стоявшая на берегу реки с сетью для ловли рыбы в руках. В голубом небе над головой девочки вместо солнца зияла рваная дыра коричневого цвета, а само солнце запуталось у нее в сети.

На следующей странице была вставлена записка со словами: «Динни, здесь ты можешь хранить воспоминания о своих приключениях в Швейцарии...»

Остальные листы альбома были совершенно пустые.

Еще в коробке лежали две открытки. На одной мама и отец по очереди написали только два слова: «Мама» и «Папа». На другой открытке я узнала почерк Стеллы: «С любовью от Стеллы, Джорджа и Майкла».

Джордж? Майкл? Кто они? И тут я вспомнила, что Майкл — имя ребенка моей сестры, а Джорджем звали ее мужа, морского пехотинца.

Через неделю я получила еще одну посылку. В ней были красный шарф ручной вязки и записка от бабушки Фиорелли:

*«Доменика, carissima!
Buon Natale. Adesso non ti raffredi piu.
Nonna».*

Это означало: «Счастливого Рождества. Теперь ты никогда не замерзнешь».

На следующий день после того, как принесли посылку, по телефону позвонили мама и отец. Связь была очень хорошая, но голоса родителей звучали странно, потому что я отвыкла их слышать. Незаметно для себя я все сильнее прижимала трубку к уху, словно пыталась проскользнуть в нее, а потом по проводу переместиться туда, где находились они. И еще, из-за большого расстояния, наверное, не сразу было слышно то, что произносили на другом конце провода, поэтому мы то и дело начинали говорить одновременно, а потом останавливались, переспрашивая друг друга: «Что? Нет, ты, ты говори!» или: «Я... что? Что ты сказала? Нет, ты говори!»

Родители брали трубку по очереди. Они сказали, что поставили таймер, потому что звонок в такую даль, как Швейцария, стоил очень дорого. Каждому отводилось не больше трех минут, и отвечать на вопросы им было некогда.

Все же мне удалось узнать, что они жили в Таосе. По словам папы, у него там был очень хороший шанс. Стелла возобновила занятия в школе. За ее ребенком по утрам присматривала мама, а днем — соседка, до тех пор пока из школы не приходила Стелла.

Я все спрашивала:

— А Крик? Где Крик?

А они отвечали:

— Что? Нет, ты, ты говори! Что ты сказала?

— Крик! Где он?

Наконец они расслышали и сказали, что он служит в военной авиации. Он попал под суд, и ему дали шанс. Перед ним был выбор — пойти в тюрьму или на добровольную службу в вооруженные силы.

Папа сказал:

— Служба в ВВС пойдет ему на пользу. Это очень хороший шанс! Он имеет возможность начать все заново.

Я спросила, не знает ли он, где в Италии жила бабушка Фиорелли до того, как уехала в Америку. Мне надо было спросить об этом маму, потому что бабушка Фиорелли — ее мама, но очередь моей мамы говорить по телефону уже прошла, а я не успела спросить ее. Когда я спросила отца, где жила бабушка Фиорелли, он сказал:

— Зачем тебе понадобилось это знать?

— Что? Что она хочет знать? — услышала я голос матери.

Отец сказал:

— Ничего. Не мешай!

Я услышала — *динь!* — таймера, и папа поспешно заговорил:

— Время закончилось! Будь хорошей... — Его голос дрогнул, и он добавил: — Мы любим тебя, Динни.

Мать выхватила телефон у отца:

— Да, Динни, да, мы любим тебя, до свидания, Динни, до свидания...

Что-то щелкнуло, потом загудело, и все стихло. Я сказала в замолчавшую трубку:

— Я тоже вас люблю. Я люблю вас и очень скучаю, и я не забываю вас, и скучаю, и...

— О'кей, Динни, — сказала тетя Сэнди, мягко отобрав у меня трубку и положив ее на рычаг.

В тот вечер я проконсультировалась со своим словарем и поместила на своем окне новый лозунг: «LOTTANTE».

Пришла тетя Сэнди и спросила:

— Что это означает? «Я борюсь»? Ты это хотела сказать?

— Да! — ответила я.

Она погладила меня по голове.

— Я знаю, хорошая моя, знаю, — и поправила мою подушку. — Если захочешь поговорить со мной, скажи, ладно?

— Ладно, — сказала я.

Сны Доменики Сантолины Дун

Я стояла на вершине горы Сан-Сальваторе, и надо мной пролетал самолет, тонкий и обтекаемый, как черная пуля. Крик был летчиком. В руках я держала плакат с надписью: «НЕ БОМБИ НИКОГО!» Но когда самолет уже улетел, я поняла, что написала это на итальянском языке, а Крик не умел читать по-итальянски.

26. Тушеное мясо и персики

Еще две открытки пришли от тети Грейс и тети Тилли:

«Милая Динни!

Переслала ли тебе Тилли мое рождественское письмо? Ты об этом ничего не написала. Держу пари, она забыла сделать это. Она бы и голову свою забыла, если бы та не росла у нее из шеи.

Моя никчемная коленка по-прежнему никуда не годится, а Лонни подарил мне палку. Становлюсь совсем старухой.

Когда ты приедешь домой? Смотри, не превратись там в швейцарку, о'кей?

Сегодня вечером приготовлю тушеное мясо с персиками. Нашла рецепт в журнале.

*С любовью,
твоя тетя Грейс».*

«Милая Динни!

Получила письма от тебя и твоего папы одновременно. Правда, здорово? Он беспокоится о тебе и скучает, как всегда.

Отец пишет о Крике. Не переживай! В военной авиации никто не будет терпеть его выкрутасы, так что придется ему для разнообразия заняться делом. Ничего, не умрет! Да он хороший мальчик, я же знаю!

Я тут ходила гулять на реку, вспомнила о тебе и подумала, что и сама не прочь половить рыбку.

Угадай, что твоя тетя Грейс надумала приготовить сегодня на ужин! (Я приглашена.) Тушеное мясо с персиками! Господи помилуй! Может быть, я еще решу, что оно мне не по зубам!

Шлю тебе два самосвала поцелуев!

*С любовью от твоей тети Тилли,
чемпионки по приготовлению
творожного желе».*

Еще я получила открытку от мамы. Открытка пришла через шесть недель после того, как она ее отправила, потому что адрес был указан неправильно. Вместо Виа-Попорино она написала Виа-Попкорн, а вместо

Монтаньола — Маунт-Хоули. Содержание открытки следующее:

«Милая Динни!

Мы уже в Таосе. Это прекрасный город».

Ниже она нарисовала гору с притулившейся сбоку маленькой хижиной.

27. Итальянское нашествие

К марту я уже не могла думать ни о чем, кроме итальянского языка. В своих снах я не только вовсю разговаривала на итальянском, но даже думала на итальянском и при этом видела со стороны, как я вовсю разговариваю на итальянском. Во сне я говорила по-итальянски без запинки. Я тараторила без остановки, слова так и слетали у меня с языка.

Однако в реальной жизни, на уроках итальянского языка, я не казалась такой талантливой. Когда я что-то произносила, синьора Палермо смотрела на меня так, словно слышала арабскую речь. «Хм-м, — говорила она. — *Puoi ripetere, per favore?*»¹ Я повторяла лексику урока, и слова получались какие правильно, какие нет. «Это очень похоже на итальянский, — говорила синьора Палермо, — но, кажется, ты добавила немного японского». Я и в самом деле научилась от Кейсуки и его друзей нескольким японским словам, но произносила их с итальянским акцентом. Давал о себе знать мой язык итальянки.

¹ Ты не могла бы повторить, пожалуйста? (Итал.)

Поскольку по грамматике я еще не освоила прошедшее время, мои разговорные возможности были ограничены. У меня получалось более или менее правильно объясняться о том, что происходит сейчас или сегодня. Однако я не могла говорить о вчерашнем дне, минувшей неделе, прошлом месяце или годе. В переводе это звучало примерно так: «Вчера я ем пиццу» или: «В прошлом месяце я покупаю эту рубашку, но она мне не подходит, и я отношу ее обратно на прошлой неделе». В общем, с итальянским у меня было все равно что очутиться на острове посреди быстрой речки — и назад против течения не вернешься, и вперед плыть сил нет. Так я и застряла посередине.

Теперь все английские слова, доносившиеся до моего слуха, я мысленно автоматически переводила на итальянский. Дома мы с дядей Максом и тетей Сэнди разговаривали друг с другом на беспорядочной смеси английского и итальянского. «Передай мне *latte, per favore*»¹ или: «Вы не видели мою *giacca?*»²

Гутри полагал, что я понимаю по-итальянски больше, чем на самом деле. Он начинал быстро-быстро говорить по-итальянски, а я улавливала, может быть, четыре слова из десяти и бормотала: «*Si, si*», или, если то, что он говорил, должно было вызывать удивление, я использовала свою любимую фразу: «*Non é vero!*» (Невероятно! Неправда!) Когда я произносила «*Non é vero!*», то чувствовала себя очень крутой.

Я очень активно размахивала руками, имитируя экстравагантные жесты, которыми пользовались Гутри и все местные жители. Слова звучат гораздо более по-итальян-

¹ Молоко, пожалуйста (*итал.*).

² Куртка (*итал.*).

ски, если при этом ладонями рассекают воздух. Вообще можно помогать разговору всем телом — прицеливаться пальцами, дергать головой, закидывать ногу на ногу.

В конце марта от мамы пришла открытка, в которой была только одна строчка:

«Твои бабушка и дедушка родились в итальянском городе Кампобассо».

Тетя Сэнди, прочитав это, сказала:

— Неужели правда? А я и не знала, где родились мои собственные родители. Какой стыд!

Кампобассо, Кампобассо... Мне не удалось найти этот город на карте Италии, что висела в нашем классе. Синьора Палермо сказала, что никогда о таком не слышала, но в переводе это означает «низкая земля».

— Кампобассо должен представлять собой низкое, ровное место, — сказала она.

— Я собираюсь съездить туда, — проинформировала я синьору Палермо.

— О-о! — сказала она. — *Quando?* (Когда?)

Я пожала плечами в лучшем итальянском стиле и ответила:

— *Una zanzara.*

Я была уверена, что это означает «когда-нибудь», но синьора Палермо объяснила, что я сказала «комар». Не знаю, как ко мне залетел этот комар.

К концу марта мы совершенно привыкли и к нашему преподавателю естественных наук мистеру Ку (он же Кукушка). Если бы мне предложили на выбор учителя, который всегда поощрял бы меня словами: «Прекрасно

справилась!» или «Вот теперь гораздо лучше!», и такого, как мистер Ку, употреблявшего выражения вроде: «У тебя на плечах голова или репа, ну-ка читай эту главу еще раз!» — я бы не колеблясь предпочла первого. Но, с другой стороны, приходя на урок к мистеру Ку, мы всегда заранее испытывали легкое возбуждение. Интересно, что еще он сегодня выдаст? И, поскольку его выпады были нацелены на всех по очереди и среди учеников у него не имелось любимчиков, обиду переносить было легче, если жертвой оказывался именно ты. Зато потом одноклассники выражали тебе свое сочувствие.

И мы многому научились на этих уроках. Мы боялись не научиться.

— Ну, мистер Жизнерадостный Гутри, встаньте и объясните разницу между влажными тропическими лесами и джунглями. Вставайте, вставайте! Встаньте и стойте прямо!

Гутри улыбался. Он знал ответ.

— Ладно...

— Я не спрашиваю вас, что ладно и что неладно! — прервал его мистер Ку. — Разве я сказал, что что-то неладно?

Гутри начал снова:

— Джунгли обычно располагаются возле рек...

— Возле рек? Вы хотите сказать — на берегах рек?

— Да.

— Тогда так и говорите: «на берегах рек», не надо бормотать то, чего не хотите сказать, работайте над точностью вашего вокабуляра и поправьте галстук!

Гутри поправил свой галстук.

— Джунгли могут превратиться во влажный лес...

— Тогда что такое влажный лес? Ну же, может быть, вы думаете, у вас в распоряжении весь день? Побыстрее, у вас на плечах голова или репа?

А еще в марте наш учитель английского языка мистер Боннер отколол номер. Он заявил, что мы слишком перегружены домашними заданиями, пишем слишком много сочинений, поэтому он целый месяц не будет задавать нам на дом письменных работ. (Тетя Сэнди сказала, что он, возможно, просто устал проверять тетради.) Еще мистер Боннер сказал, что у нас не будет домашних заданий также по чтению. В классе мы станем читать «Ромео и Джульетту» (мальчишки застонали), но вне класса наша задача — «думать».

— И все? — спросила Белен. — Только думать?

— «Только»? — переспросил мистер Боннер. — Думать труднее всего!

— А как вы ставить оценки? — задал вопрос Кейсуки. — Как вы оценить то, что мы думать?

— Очень хороший вопрос. Действительно, очень хороший вопрос. Вот вам и первое задание на дом. Подумайте, как можно оценить то, что и как вы думаете.

У всех был такой вид, словно мистер Боннер велел нам решить математическое уравнение на десяти страницах. Мари наклонилась ко мне и шепнула:

— Как думаешь, он пьяный или вроде того?

Мистер Боннер раздал нам по экземпляру «Ромео и Джульетты» и сказал, что герои этой истории — юноша и девушка, которые любили друг друга, но не могли быть вместе, поскольку их родители враждовали. Белен и Кейсуки посмотрели друг на друга. Гутри прошептал:

— Это о них! Это о Кейсуки и Белен!

Кейсуки открыл свою книгу.

— Это — английский? Я ничего не понимать!

Мистер Боннер сказал:

— Давайте пока не будем переживать по поводу текста!

Он попросил нас представить себе две семьи, вполне благополучные, проживающие в городе Вероне в Италии. (Мне сразу подумалось, далеко ли Верона от Кампобассо.)

— Или еще где-нибудь, — добавил учитель. — Вы можете вообразить эти две семьи, где захотите: в Германии, в Японии, во Франции, в Испании...

После урока Гутри сказал:

— Эй, Кейсуки! Вот здорово! Будем читать о тебе и Белен!

— Замолчи! — оборвала его Белен. — Мистер Боннер сказал, эта пьеса — трагедия! Я не хочу больше слышать о трагедиях!

— Почему мы не можем читать комедию или еще что-то? — согласился Кейсуки. — Почему люди всегда умирают насмерть?

Гутри посмотрел на свои ботинки.

— Потому что это происходит на самом деле. Все время. Каждый день. — Он перекинул сумку с учебниками через плечо, а другой рукой махнул в небо. — *Guardate*, однако! Солнце! Кто-нибудь уже записался на лыжи в эти выходные? Давайте все поедem! Будет экскурсия в Андерматт. Поехали! Мы покорим горы! Все будет такое самое лучшее!

28. То, что мы думаем

Сначала мне казалось, что мы будем обсуждать наше домашнее задание — «как оценить то, что мы думаем» — ну, может быть, минуты две, не больше. Вместо этого дискуссии затянулись на целых три дня. Все начиналось очень цивилизованно, некоторые предлагали, например,

записываю свои мысли, а учитель потом ставил бы за это оценку. Но другие стали протестовать, говоря, что, раз мы записываем, это уже письменная работа. И кроме того, непонятно все же, как учителю оценить то, что мы думаем? Как разобраться, хорошо мы думаем или плохо?

На второй день дискуссии переросли в жаркие споры. Некоторые говорили: раз учитель по национальности американец, не будет ли он больше поощрять тех, кто думает и мыслит по-американски? И почему думать по-американски лучше, чем, скажем, по-корейски? Мари чуть не набросилась на Кейсуки с кулаками, когда тот сказал, что у японцев мысли более ясные, чем у итальянцев.

— Японцы думать головой, — заявил он. — Итальянцы думать ногой. Нет-нет, я иметь в виду сердцем!

— Это ту-по, — немедленноотреагировала Мари.

На третий день мы все пришли к единому мнению: наверное, можно поставить оценку за то, что человек думает, но это не обязательно будет справедливая оценка, поэтому за то, что ты думаешь, вообще не надо ставить никакой оценки.

— Я согласен, — сказал мистер Боннер.

— Согласны? Вы согласны? — переспросила Мари. — Мы можем думать все, что хотим?

Для нас этот поступок мистера Боннера был настоящим откровением. Смело! Я ничего не сказала дяде Максусу о новаторской идее нашего учителя английского, поскольку побоялась, что он его может уволить.

Иногда мистер Боннер сам предлагал тему для обсуждения в качестве домашнего задания, а иногда идея рождалась в классе. Если мы просили учителя дать нам дополнительно день или два, чтобы подумать, он никогда не отказывал. Как правило, один вопрос вел к появ-

лению другого, затем третьего, четвертого и так далее. «Гениально, — повторял Гутри. — Просто гениально!»

Большинство вопросов возникало по ходу чтения «Ромео и Джульетты». Вот несколько проблем, о которых мы думали.

Как лучше жениться: самостоятельно выбрать свою пару или по решению родителей?

Я думала, все скажут, что лучше выбирать самому, но нашлись ученики, как, например, Фади, из таких стран, где браки по договоренности были в порядке вещей. И действительно, когда Фади объяснял этот обычай, то представлялось совершенно логично и даже практично, если родители выбирали для тебя невесту или жениха. Тут все стали менять свои позиции и взгляды. Те, кто первоначально полагал, что решать надо только самому, стали думать, а не лучше ли, если выбор за тебя сделает кто-то другой, а те, кто выступал за браки по договоренности, напротив, начали задумываться, что, может быть, хорошо все же выбирать самостоятельно.

— У меня в голове тесно, — сказал Кейсуки.

Я много думала о своих родителях. Если бы бабушка Фиорелли решала, за кого выходить моей маме, то маминым мужем был бы не мой отец и я бы не жила на свете, а если бы жила, то была бы другой. А потом я подумала о дяде Максе и тете Сэнди, и что если бы бабушка Фиорелли решала, за кого выходить тете Сэнди, то она наверняка выбрала бы дядю Макса или кого-то очень похожего на него.

И еще я подумала, какого человека мои родители могли бы выбрать для меня, если бы они устраивали мой брак. Был бы этот человек похож на Гутри?

Если у твоих родителей есть враг, должен ли он быть и твоим врагом тоже?

Я сказала, что людям должно быть позволено самим определять, кто их враги, а Мари возразила:

— А как же верность родителям? Лояльность своей стране? Ты же не можешь запросто дружить с врагами своих родителей!

— Почему нет? — спросил Гутри.

— Потому... Потому что... твои родители разозлятся! — выпалила Мари. — Подожди-ка... Это звучит по-идиотски, правда?

Я подумала о том, как мой отец не любит бабушку Фиорелли и всех братьев и сестер моей матери, включая тетю Сэнди. Я чувствовала, что было бы неправильно, если бы они стали моими врагами просто потому, что отец считал их своими врагами. И еще я подумала, злится ли на меня отец из-за того, что я жила с тетей Сэнди и что я хотела знать, где жила бабушка Фиорелли?

Чем ты можешь пожертвовать ради другого человека?

Эта тема вызвала настоящую бурю. Мы все просто с ума посходили. Сначала раздавались высказывания вроде: «Я бы, наверное, пожертвовал свою магнитулу, если бы она была нужна моему другу» или: «Если бы кому-то понадобилось скопить денег на покупку, я бы пожертвовал на это свою стипендию».

Тогда я сказала:

— А как насчет пищи? Кто пожертвовал бы своей едой, если бы другой человек был голоден?

Кейсуки спросил, какое точно количество еды я имела в виду.

— Хорошо, а как насчет своей почки? Кто пожертвовал бы свою почку, если бы в ней нуждался, скажем, ваш брат? — спросил Гутри. И добавил: — А своей жизнью пожертвовали бы?

И так далее. Дома тетя Сэнди или дядя Макс, заглядывая ко мне в комнату, иногда заставляли меня чертящей на листе бумаги бессмысленные каракули.

— Разве у тебя нет домашнего задания? — спрашивали они.

— Я как раз его делаю, — отвечала я. — Я думаю.

И действительно думала, думала, думала все время. Ночью мне не всегда удавалось перестать думать, и мысли оставались в голове, проникая в мои сны.

Сны Доменики Сантолины Дун

Я лежала на операционном столе, и врач спросил меня: «Динни, ты разрешила взять одну или две твои почки? Можно, мы возьмем и ногу? И еще, может быть, ухо. А сердце можно?»

«А кому оно понадобилось?» — спросила я.

«Крику».

Я не знаю, что я отдала Крику, потому что проснулась.

29. Андерматт

Моя поездка в Андерматт на выходные дни чуть не сорвалась, потому что каждый участник должен был найти себе партнера по лыжам такого же уровня, как он сам, и я не могла отыскать никого из начинающих, кто хотел бы поехать. И тогда Гутри сказал:

— Я буду кататься с тобой, Динни.

— Я умею съезжать только с детских горок, — сказала я. — Я не смогу забираться так высоко, как ты.

— Все в порядке, — ответил Гутри. — Я буду с тобой, пока ты не устанешь и пойдешь в хижину греться, а я тем временем покатаюсь с остальными.

Наша группа получилась совсем маленькая: я, Гутри, Белен, Кейсуки, Мари, Фади и синьора Палермо. В последнюю минуту Лайла тоже решила поехать.

— Мне надо обязательно закрепить то, чему я научилась в Санкт-Морице, — сказала она. — Это будет замечательно!

Вообще-то мне не хотелось, чтобы Лайла ехала с нами. Я никак не могла привыкнуть к этой новой Лайле. Мне почему-то было проще воспринимать прежнюю, вечно недовольную Лайлу. Теперь, когда она постоянно улыбалась и всех обнимала, так и излучая бодрый, задорный оптимизм, я чувствовала некоторую ревность. Мне хотелось сказать: «Эй, ребята, ведь это я, Динни, все та же дружелюбная, симпатичная девочка, какой была всегда!» Но рядом находилась Лайла, такая яркая и трепетная, жадно привлекающая к себе всеобщее внимание. Прежняя Лайла нуждалась во мне как в подруге, а у этой, нынешней, казалось, все вокруг были лучшие друзья.

Мы сидели в том же поезде, на котором в августе приехали с дядей Максом и тетей Сэнди. Он так же извивался и петлял, поднимаясь в горы Швейцарии в обратном направлении к Андерматту. На полдороге за окном начали падать большие пушистые снежинки. За каждым поворотом возникали новые горы с острыми, скалистыми уступами, открывались все более живописные виды домиков-шалей в снегу, а по заснеженным долинам неслись лыжники, и, казалось, из-под их лыж до слуха долетало характерное *сфшш-сфшш-сфшш*.

Гутри не мог отвести глаз от пейзажа за окном. Он перебегал с одной стороны поезда на другую.

— *Guardate!* — говорил он. — Видишь ту долину? Могу поспорить, она образовалась в результате схода

ледника. Глянь, какие отвесные скалы! — Или: — Посмотри-ка вон туда! Хорошо видно, что эти крутые склоны образованы потоками воды, падающими сверху!

— Эй, мистер Профессор! — окликнула его Мари. — Ты не хочешь передохнуть?

— Передохнуть? — переспросил Гутри. — Это и есть отдых! Я как раз отдыхаю! *Guardate!* Вон там, смотри — противолавинные барьеры! (По всему склону горы, куда ни кинешь взгляд, были установлены барьеры.) Они не дают снегу обрушиться на город внизу, — пояснил Гутри.

На мне был красный шарф, подаренный бабушкой Фиорелли, и я потуже обмотала им шею. Лавины... Разрушенные города... Мне совсем не нравилось все это.

Наконец из-за поворота открылась обширная долина Урзерен, в самой низкой части которой располагался город Андерматт с его узкими улочками.

— Перекресток Альп! — воскликнул Гутри. — *Magnifico!*¹

Гутри сдержал слово и почти два часа катался со мной на самых низких и пологих склонах. Он все время подбадривал меня:

— Динни, у тебя здорово получается! Скоро начнешь съезжать с самой крутизны!

Это была неправда. У меня получалось не здорово. Я все еще то и дело «низпадала», но все равно мне доставляло удовольствие слышать похвалы Гутри. И по прошествии двух часов я была готова отправиться в хижину и сидеть там с чашкой горячего шоколада в руках. Больше, чем готова. Умоляла Гутри позволить мне закончить на сегодня.

¹ Замечательно! (Итал.)

— Я поднимусь наверх и покатаюсь с остальными, — сказал Гутри, проводив меня до хижины. — А потом вернусь. Ты в порядке?

— В полном, — заверила я его. — Во всяком случае, здесь я не так часто буду падать.

Часом позже в хижину ввалились Белен и Кейсуки.

— Там, наверху, становится холодно, — сказала Белен. — Бр-р-р!

— А где Гутри? — спросила я. — Где Лайла и все остальные?

— Гутри катается вместе с Лайлой, — ответила Белен, закатив глаза. — Лайла все время бахвалится. Она считает себя великой лыжницей, но это совсем не так.

Чуть позже к нам присоединились Мари и Фади.

— О-о-о, *raclette*! — протянула Мари. — Как мне хочется поскорее съесть побольше этого горячего сыра!

— Где Гутри? — спросила я. — И Лайла?

— Ой-ой! У них там чуть не драка приключилась! — сказала Мари.

— Гутри все рвался прокатиться по *piste*¹, а Лайла его отговаривала.

Через полчаса в хижину вошла Лайла. Она казалась рассерженной, но, когда Фади спросил ее, в чем дело, ответила:

— Ни в чем! Все прекрасно!

— Где Гутри? — спросила я.

Она махнула рукой куда-то в воздух.

— О, где-то там, наверху.

Вошла синьора Палермо.

— Все на месте? — спросила она. — Вы уже перекусили? Я просто умираю от голода!

¹ Горнолыжная трасса для скоростного спуска (*итал.*).

— Гутри еще нет, — сказала я. — Он остался там.

— Один? — спросила она. — Он не должен кататься один. Кто его партнер?

Все разом посмотрели на Лайлу.

— Где он катался? — спросила синьора Палермо. — Кто последним видел его?

Лайла внимательно изучала свои пальцы, обхватившие чашку с горячим шоколадом.

— Я, — сказала она. — Ничего с ним не случится. Упрямый до невозможности! Все в порядке, просто *fantastico*! — По ее щеке скатилась слеза и повисла на губе.

Синьора Палермо схватила свои перчатки и шапочку.

— Все оставайтесь здесь, никуда не уходите! — И отправилась на поиски Гутри.

30. Ожидание

За окном хижины в Андерматте бушевала снежная буря, а мы сидели внутри, сбившись в тесную кучку, и ожидали возвращения синьоры Палермо и Гутри. В поисках убежища в хижину один за другим заходили лыжники, и каждый раз дверь с грохотом распахивалась под порывом холодного сырого ветра, а мы с надежной поднимали глаза на входящих.

Я теребила бахромку на своем красном шарфе, ощупывая пальцами каждую косичку. Я решила для себя, что к тому времени, как я поглажу все косички на обеих сторонах шарфа, Гутри вернется.

— Может быть, я тоже идти туда, — сказал Кейсуки.

— Синьора Палермо велела нам ждать здесь, — остановила его Белен. — Ее кондрашка хватит, если окажется, что надо идти искать еще и тебя!

На стене хижины загорелся сигнал лавинной опасности. Теперь два самых верхних спуска были закрыты, а подниматься на них запрещено.

Косички на одной стороне шарфа закончились, и я принялась за вторую.

Лайла раздраженно фыркнула, лицо ее приняло недовольное выражение.

— Я говорила ему, чтобы спускался вниз, — сказала она. — Говорила, что не надо кататься по *piste*.

— Я иду туда, — повторил Кейсуки. — Я не жду...

Белен схватила его за рукав.

— Не ходи!

По хижине еще раз потянуло холодом от распахнувшейся двери — вошла очередная группа замерзших лыжников.

— Бр-р! *Fa freddo!*¹ — раздались их голоса. — На улице ничего не видно!

На моем шарфе почти не осталось бахромы, до которой я еще не дотрагивалась. Последние косички я перебирала очень медленно.

Кейсуки обмотал шарф поверх рта и натянул вязаную шапочку до самых глаз.

— Я иду...

Белен по-прежнему держала его за рукав. Ветер завывал за окнами, сотрясая рамы.

Дверь снова распахнулась, и на этот раз в нее вошел Гутри, сбивая ледышки с ботинок и стряхивая снег со своей шапочки.

— Ух! — выдохнул он. — То, что творится наверху, — просто невероятно восхитительно!

— Где синьора Палермо? — спросила его Белен.

¹ Холодно! (Итал.)

— Сейчас придет. Я ее немного обогнал — *ecco!*

Тут появилась синьора Палермо и, смеясь, принялась стряхивать снег с одежды.

— Вы что, даже не сердитесь на него? — спросила Лайла.

Синьора Палермо попыталась придать лицу более серьезное выражение.

— О! — произнесла она. — *Si, si.* Я велела ему не делать так больше. Ты всегда катаешься с кем-то еще, ты слышишь меня? — Она выжидающе посмотрела на Гутри.

— *Si!* Я вас слышу! — Он улыбнулся своей заразной улыбкой. — Но вы не можете не согласиться, что последний спуск был *fantastico!* Такой самый лучший!

Я испытывала такое облегчение при виде живого и здорового Гутри, что просто потеряла дар речи.

— Ты *loco* человек! — сказала Белен, обращаясь к Гутри. Она ударила его своей шапочкой по руке. — Мы думали, ты уже мертвый!

— Я? — переспросил улыбающийся Гутри. — Да никогда в жизни! *Sono potente!* Я сильный! — Он согнул руки в локтях, словно демонстрируя бицепсы, и сел рядом со мной. — Я не хотел никого заставлять беспокоиться. Просто не мог остановиться, все съезжал и съезжал с горы. Я нашел совершенно классную трассу, когда-нибудь я обязательно возьму тебя туда!

— Ну, конечно! — ответила я. — Пройдет всего двадцать-тридцать лет, и я уже буду достаточно подготовлена!

На самом деле мне очень понравилась эта идея. Мы вместе будем нестись вниз по склону, только я и Гутри, и я не буду бояться, и я больше не буду «точкой Динни».

Лайла хранила молчание. Она ни разу не взглянула на Гутри и по дороге на железнодорожную станцию через неутихающую метель плелась где-то в хвосте нашей группы.

В поезде на обратном пути большинство из нас дремали. Я зажала в кулаке свой счастливый шарф. Лайла сидела одна в стороне от всех и ни с кем не разговаривала. Гутри подсел было к ней, но она сказала ему исчезнуть.

— Ой-ой, — произнес Гутри, ни к кому не обращаясь, — Пистолет вернулся!

Сны Доменики Сантолины Дун

Мой тонкокожий пузырь катился, катился и катился под гору, подпрыгивая на сугробах. Он запотел изнутри, и мне приходилось все время протирать стенки, чтобы видеть. «Гутри! — позвала я. — Гутри!»

Вдруг раздался громкий оружейный выстрел, за ним последовал оглушительный взрыв, земля затряслась и вздыбилась, и я проснулась.

31. Тушеное мясо и планы

Тетя Грейс и тетя Тилли опять принялись за свое:

«Милая Динни!

Тилли призналась, что она так и не послала тебе мое рождественское письмо. Думаю, что когда-нибудь она получит у меня на орехи!

Теперь у меня обе коленки никчемные. Почему бы тебе не приехать и не пожить со мной? Заодно кое

в чем подсобила бы! А я бы научила тебя готовить тушеное мясо.

*С любовью,
твоя тетя Грейс».*

«Милая Динни!

У твоего папы все в порядке. Мы сейчас разрабатываем один план, и если он сработает, я тебе о нем сообщу. Это что-то потрясающее!

Крик прошел подготовку молодого бойца. Ничего, выжил. Говорит, что научился заправлять свою койку, гладить рубашки и играть в покер. Но на самолетах пока не летает.

Ты просто влюбишься в нашу реку, когда приедешь как-нибудь и увидишь ее.

Шлю тебе тысячу бочек с поцелуями.

*С любовью от твоей тети Тилли,
чемпионки по приготовлению
творожного желе».*

32. Пистолет

Да, Пистолет, несомненно, вернулся!

— Я хочу домой! — причитала Лайла. — Домой, а не к родителям в Саудовскую Аравию. Динни, они собираются торчать там еще два года! Целых два года! Я хочу обратно в Штаты. Я хочу жить в нормальном доме и ходить в нормальную школу. Разве тебе не хочется того же, Динни? Вернуться в свой нормальный дом и ходить в нормальную школу?

У меня не было уверенности, что я точно знаю, какой дом является нормальным или что из себя представляет

нормальная школа. Иногда в моей памяти возникали картинки, связанные с местами, где мне пришлось жить в то или иное время, и я даже чувствовала что-то похожее на ностальгию и довольно сильное желание вернуться туда. Но эти воспоминания были не о самих домах, а о местности вокруг домов: о полях, реках, траве, воздухе, дорогах или сараях. Например, мне помнилась пыльная дорога в Теннесси и высокое кривое дерево в Огайо. Я помнила лоток в Индиане, с которого продавали хот-доги, и парк в Висконсине.

Годами я повсюду таскала за собой в коробке разное барахло. Среди прочих вещей там имелись две потрепанные тетради, одна желтая, другая голубая. У обеих на обложке была картинка, на которой девочка ловила рыбу. В желтой тетради я записывала свои сны. Там были даже сны, приснившиеся мне в семилетнем возрасте. Первый сон, к примеру, такой:

«Мне приснилась что я лигушка. Я была очень пративная».

Судя по записям, мне не часто снились сны в семь, восемь и девять лет, или, если снились, я их забывала, когда просыпалась. Но потом у меня были горы снов, и все они поместились в эту желтую тетрадь.

В синюю тетрадь я аккуратно записывала адреса и телефоны (как правило, у нас дома всегда был телефон) всех наших мест проживания. Я начала делать это также в возрасте семи лет, поэтому о всех предшествующих адресах и телефонах мне пришлось расспрашивать маму.

Первая запись была о Байбэнксе, штат Кентукки, где я родилась. В адресе значилось только название улицы:

Морли-роуд. Телефона тогда у нас не было. В моей памяти ничего не сохранилось о Байбэнксе.

Затем следовали записи о Виргинии, Северной Каролине и Теннесси. Значились также Огайо, Индиана, Висконсин. Потом шли Оклахома, Арканзас, Орегон, Техас, Калифорния и, наконец, Нью-Мексико. Но о Швейцарии я еще ничего не написала, потому что в список попадали только те места, которые я покидала навсегда.

Время от времени я перечитывала названия городов и поселков: Байбэнкс, Динуидди, Суаннаноа, Суитуотер, Юклид, Уобэш, Энтиго, Кингфишер, Калико-Рок, Роузберг, Одесса, Чико и Эйбикуайю. Стоило мне вслух произнести название города, как в моей голове сразу возникала картинка, появлялся кратковременный образ, и так один за другим, словно кто-то быстро переключал слайды на экране. У меня была мечта когда-нибудь побывать во всех этих местах и найти там маленькие частицы Доменики Сантолины Дун.

В коробке с пожитками имелась также складная удочка, которую подарил мне отец. Я помнила себя сидящей с этой удочкой в руках на реках Суитуотера и Кингфишера, Калико-Рока и Роузберга, и так далее, и так далее, и мой отец тоже всегда сидел с удочкой рядом со мной на берегах этих рек.

Я посмотрела на Монтаньолу, потом на Лугано и подумала: что мне запомнится об этом месте? Наверняка я буду вспоминать горы, и узенькую Виа-Попорино, и озеро. Может быть, в памяти останутся ящерицы, хурма, ставни на окнах, перины, вывешенные на подоконники проветриваться.

— Я хочу американской воды, — простила Лайла. — Как во Флориде, — добавила она. — У воды во Флориде правильный вкус. Я — человек с очень чувствительными вкусовыми рецепторами.

Я вспомнила вкус воды в Оклахоме с едва уловимым запахом земли и прохладу и чистоту воды в Орегоне. Буду ли я помнить вкус швейцарской воды с легким запахом гальки?

— Я хочу пойти гулять на бульвар, есть тако и гамбургеры, настоящие гамбургеры, — продолжала Лайла.

Я вспомнила стайки ребят на бульварах и девочку, пойманную в то время, как она пыталась украсть с лотка лак для ногтей. Я вспомнила, как бродила среди толпы и думала, откуда у людей берутся деньги, чтобы все покупать, и что они собираются делать со всеми этими вещами, когда им надо будет переезжать на новое место. Я вспомнила тако в Нью-Мексико, наполненные горячей острой начинкой, от которой во рту и горле полыхал пожар.

Буду ли я всегда помнить капучино и пиццу *quattro stagioni*¹, которые подавали в кафе «Федералес» в Лугано? Буду ли я помнить твердые, как камень, *biscotti*?²

— Динни, неужели тебе не хочется вернуться домой? — спросила Лайла.

А я подумала: а где он, вообще-то, этот дом?

Лайла жаловалась не только мне. Она жаловалась Белен, Мари, почти всем вокруг, за исключением Гутри. Однажды Мари призналась в разговоре со мной:

— Мне хочется порубить ее на котлету. Я от нее с ума сойду!

¹ Четыре времени года (итал.).

² Печенье (итал.).

Спустя две недели после поездки в Андерматт Лайла перехватила меня на выходе из столовой. Она помахала перед моим лицом каким-то письмом.

— О, это ужасно, просто ужасно! — воскликнула она и громко разрыдалась.

— Что случилось? — Я подумала, что, может быть, кто-то умер.

— И они посмели сообщить мне об этом в письме! Мне необходимо позвонить! Уговори своего дядю разрешить мне позвонить, Динни, пожалуйста!

— Да что случилось? Что такое ужасное произошло?

— Моя мать возвращается в Штаты! Ей опротивела Саудовская Аравия! Она ненавидит эту страну!

— Но ведь это не так уж плохо? — спросила я.

Она хлопнула письмом мне по руке.

— Динни! Это означает развод! Я просто уверена! Но это не самое худшее. — Она снова принялась громко рыдать.

— А что самое худшее? — вновь спросила я, мысленно перебирая возможные несчастья.

— Самое худшее, что мне тоже придется уехать! Мне придется вернуться с матерью в Штаты!

Я решила, что чего-то недопоняла, пропустила какую-то существенную деталь в рассказе Лайлы.

— Но, Лайла, ведь именно этого ты всегда хотела — вернуться в Штаты, пить воду, есть гамбургеры и все такое!

Снова рыдания.

— Только не сейчас, — всхлипнула она. — Мне ведь придется ехать немедленно! На следующей неделе! Я — такой человек, которого надо предупреждать заранее!

— И все же, я думала, ты хотела...

— О, Динни, ты всегда споришь со мной! Никто не может понять! Никто меня не слушает! — И она побе-

жала по коридору, на ходу отбросив в сторону сумку с учебниками.

Из-за угла с той стороны, куда убежала Лайла, появился Гутри.

— Что опять не так на этот раз? — спросил он. Когда я пересказала ему то, что узнала от Лайлы, он с минуту молча смотрел на меня, а потом сказал: — Итак? Разве ты не собираешься умолять меня уговорить ее не уезжать?

— Да, конечно. Уговори ее не уезжать.

— Что-то не похоже, чтобы ты очень этого хотела, — заметил Гутри.

— А тебе не кажется, что Лайле просто нравится привлекать к себе внимание своими истериками?

— Динни, раньше ты никогда ни о ком не говорила гадости! — сказал Гутри.

Я смутилась:

— Разве я сказала гадость? Я думала, это просто наблюдение.

Он застегнул молнию на куртке, взял меня за руку и повел за собой.

— Динни, ты обладаешь потрясающим качеством давать людям, которые с тобой общаются, возможность оставаться самими собой. Ты не часто высказываешь свое мнение об окружающих, и это твое наблюдение — что-то новое. Даже не знаю, как к этому отнестись...

— Ты хочешь сказать, что мне не следует вслух говорить о своих наблюдениях? — спросила я.

— Неужели именно так это и прозвучало — что я прошу тебя не высказываться о своих наблюдениях? *Non é vero!*¹ Очевидно, человек время от времени должен говорить о своих наблюдениях.

¹ Это не так! (Итал.)

У меня возникло странное ощущение, как будто оболочка моего пузыря стала настолько тонкой, что окружающий мир начал вдавливаться внутрь, а то, что внутри, принялось выпирать наружу. Я почувствовала слабость, и мне даже немного захотелось спать.

— Послушай, у меня появилась отличная идея! — сказал Гутри. — Поехали в Доломитовые Альпы в эти выходные! Может быть, это будет последняя лыжная экскурсия сезона. Мы можем поехать все вместе — ты, я, Белен, Кейсуки, Мари, Фади и Лайла тоже. Устроим праздничное прощание для Лайлы! Как ты думаешь? Разве не блестящая идея?

— *Fantastico*, — сказала я, хотя на самом деле так не думала. Я вдруг ощутила приступ ревности по отношению к Лайле.

— На этот раз, — продолжал Гутри, — ты съедешь на лыжах с самой вершины!

«Нет, не съеду», — подумала я. Я вообще еще никогда не была на вершине, с лыжами или без них. Все остальные побывали на вершине в Санкт-Морице и Андерматте, или даже на вершине горы Сан-Сальваторе здесь же, в Лугано, но только не я. Мне было страшно подниматься на вершину, и до этой минуты я не понимала почему. Но теперь, рядом с Гутри, мне в голову пришла странная мысль. Вдруг я поднимусь на вершину, так что смогу заглянуть по другую сторону горы, а там ничего не окажется? Что тогда?

Словно прочитав мои мысли, Гутри показал на вершушку Сан-Сальваторе и сказал:

— А на следующий выходной я возьму тебя с собой вон туда. Ты не поверишь своим глазам! Ты даже представить себе не можешь! Это так... так... так *fantastico, meraviglioso, splendido!*

Сны Доменики Сантолины Дун

Оболочка моего пузыря так растянулась, что я не могла достать рукой до стенки. Я висела в воздухе возле горы Сан-Сальваторе, и огонек на ее вершине превратился в горящую свечу. Рядом какие-то люди веселились на пикнике, а мой пузырь приближался к свечке и был готов вот-вот лопнуть. Он подплывал все ближе и ближе к обжигающему пламени, но я не знаю, лопнул он или нет, потому что проснулась.

33. Визит Лайлы

В тот же вечер, около десяти часов, в дверь нашего дома постучала Лайла, хотя в это время она должна была находиться в спальном корпусе, и потребовала встречи с дядей Максом. Протиснувшись в дом мимо меня, она прошла на кухню, где дядя Макс и тетя Сэнди сидели за столом и ели пирог.

— Это суперважно, — выпалила она с порога. — И не говорите мне, что я должна уже спать. Я никуда отсюда не уйду. — Последовали громкие рыдания.

Тетя Сэнди сказала мне тоненьким голосом:

— Динни, думаю, нам с тобой надо кое-чем срочно заняться в... В твоей комнате! — Закрыв за собой дверь моей комнаты, она прорычала: — Гр-р-р! Не слушай меня, Динни! Я знаю, что она твоя подруга, но у меня от нее кровь в жилах закипает! Иногда мне хочется ее задушить. Я, конечно, понимаю, у нее семейные проблемы, и все такое, но...

— Семейные проблемы? — переспросила я. — Вы имеете в виду возвращение ее матери в Штаты?

— Ну, это самая незначительная из всех проблем Лайлы! В этой семье проблем не меньше, чем в мешке с... — Она внезапно замолчала, закрыв рот рукой. — Ой!

— Каких проблем? — спросила я. — Расскажите.

— Не могу, Динни. Извини. Мне не следовало даже заикаться об этом.

— Но хотя бы скажите, какого рода проблемы? — Я постаралась вспомнить, о чем мне раньше говорила Лайла, и была уверена, что все ее жалобы касались только школы. Она никогда не делилась со мной тем, что происходит в ее семье, а я не рассказывала ей о своей. — Неужели вы мне ничего не скажете? — не отставала я от тети Сэнди.

— Динни, это было бы неправильно, — продолжала сопротивляться она, но без прежней твердости. Было ясно, что тетя Сэнди колебалась, сказать мне или нет, судя по неуверенной интонации ее голоса и по тому, как она покусывала губу.

— Я никому не скажу, — пообещала я. — Я никогда никому ничего не рассказываю. Вы когда-нибудь слышали, как я говорю о том, что происходит в этом доме? Я кому-нибудь рассказала о любовных похождениях мистера Лейланда, или как мисс Флетчер пришла к нам ночью пьяная, или когда?..

Тетя Сэнди обняла меня.

— Этот дом иногда превращается в театральные подмостки для мыльной оперы, правда, Динни? Люди то и дело приходят без всякого спроса жаловаться, плакать, орать, требовать — настоящий цирк! Ты просто молодец, что стараешься не замечать происходящего, и я очень сожалею, что тебе приходится слышать все это. Если бы я оказалась на месте Макса, то чувствовала бы себя со-

вершенно беспомощной. По правде говоря, я на самом деле совершенно беспомощная, поэтому мне и не приходится заниматься тем, что делает он!

— Так вы мне расскажете про Лайлу?

Тетя Сэнди приоткрыла дверь в коридор и прислушалась. Стало слышно, как Лайла кричала на дядю Макса. Тетя Сэнди закрыла дверь и сказала:

— Динни, я не могу. Если бы Лайла хотела, чтобы ты знала о ее проблемах, она сама рассказала бы тебе. Может быть, ей как раз нужно, чтобы рядом был кто-то, кто не знает о ее проблемах, кто считает ее нормальным ребенком из нормальной семьи. — Она придвинулась ближе ко мне. — С другой стороны, кто может поручиться, что знает, какой человек является нормальным, правда? Лично я не могу, теперь не могу!

В дверь постучал дядя Макс.

— Я отведу Лайлу в спальный корпус, — сказал он устало. — Ты не могла бы пойти с нами? — обратился он к тете Сэнди.

— Сейчас приду, — ответила она, а мне сказала: — Вот что, Динни. Когда Лайла уедет домой в Штаты, я расскажу тебе о ее проблемах, договорились? Но при условии, что это навсегда останется с тобой, ладно?

Я легла на кровать и попыталась представить себе проблемы Лайлы. Я стала думать о действительно ужасных, кошмарных вещах. И чем дольше я думала и воображала себе, тем больше Лайла представлялась мне жертвой практически всех несчастий, о которых я узнала во время месячника глобальных бедствий. Я уже сожалела, что в разговоре с Гутри упомянула о ее истериках, и радовалась его идее о праздничном прощании. Я дала себе клятву быть с Лайлой по-настоящему доброй и приветливой.

Впрочем, известно, что давать обещания гораздо проще; чем их выполнять.

34. Доломитовые Альпы

Сопровождающими нашей группы на экскурсии в Доломитовые Альпы были синьора Палермо и мистер Боннер. Мы выехали на школьном автобусе еще до рассвета, в тревожном черно-синем полумраке. В Лугано все растаяло, но, по словам Гутри, который накануне слушал сводку погоды, в Доломитовых Альпах за ночь выпало тридцать сантиметров снега.

Мистер Боннер торжественно вручил каждому по передающему устройству. Школа приобрела их совсем недавно. Они были желтого цвета и похожи на маленькие переносные радиоприемники. Мистер Боннер объяснил, что их следует повесить на пояс, «а когда лавина вас накроет, они будут издавать тоненький сигнал».

— Лавина? — переспросила я. — Ожидается лавина?

— Нет-нет-нет, — сказала синьора Палермо. — Это защита, мы просто проверять их!

— Тогда что же обнаружат спасатели? — спросила Мари. — Мертвое тело? Я хочу сказать, если ты уже мертвый, какой смысл?

— Ты можешь выжить, — вмешался Гутри, — даже если тебя засыпет снегом. Можно сделать вот так... — И он стал демонстрировать, как надо уминать снег вокруг себя, чтобы создать воздушное пространство, но я не стала слушать, а закуталась в свой счастливый красный шарф и уснула в черно-синем полумраке под убаюкивающее раскачивание автобуса.

Сны Доменики Сантолины Дун

Я стояла на горе и направляла передатчик на солнце. Он тоненько пищал. Солнце послало яркий, теплый луч прямо мне на лоб, словно божие благословение, и мне стало очень хорошо.

От Лугано мы, кажется, повернули на юг и в Кьяссо пересекли границу с Италией. Я почти не помнила дорогу, только покачивание автобуса, да когда просыпалась время от времени, краем глаза видела то озеро, то долину, то старинный замок, повисший над ущельем. Иногда я улавливала обрывки разговоров в автобусе. Слышала, например, как Гутри объяснял Кейсуки, что доломиты — это известняковая горная порода. А мистер Боннер говорил, что мы будем проезжать неподалеку от городов Верона и Падую, где жили Ромео и Джульетта. Еще он хотел задать какой-то вопрос для обдумывания, но Белен запротестовала:

— Никаких обдумываний! Сегодня думать не разрешается!

Лайла в своем ярко-розовом лыжном костюме прикорнула в одиночестве на сиденье передо мной. Она казалась очень озабоченной, ни с кем не общалась и все время смотрела в окно. Я чувствовала, что мне следует поговорить с ней, но не могла заставить свои глаза оставаться открытыми, а мозг — придумать, как начать разговор.

«Позже, — пообещала я себе. — Как проснусь, сразу поговорю и буду с ней очень доброй».

Приехав на лыжный курорт, мы высыпали из автобуса, со стонами облегчения разминая затекшие ноги и спины, и принялись разбирать перепутавшиеся лыжи и палки, разыскивать свои очки и перчатки, искать, куда бы прикрепить ярко-желтые коробочки передатчиков.

— Вызываю Марс, — постучал пальцем Кейсуки по своему передатчику. — Вызываю Марс! Есть кто-нибудь дома?

Нам раздали билеты, и мы сгрудились возле подъемника.

— О'кей! — сказал Гутри. — Слушайте все: сегодня день Лайлы!

Лайла плотно сжала губы и спрятала подбородок поглубже в воротник куртки. Она выглядела смущенной и одновременно довольной, оказавшись в центре внимания. Я заметила, как Белен локтем слегка подтолкнула Кейсуки. Очевидно, она была не слишком обрадована тем, что этот день посвящался Лайле.

— Я считаю, что сегодня мы должны держаться все вместе, а Лайла будет нашим лидером, мы последуем за ней всюду, куда бы она ни направилась! — сказал Гутри.

Мое сердце вдруг стало биться сильными ударами — *стамп, стамп, стамп*, — а я не могла произнести ни слова. К счастью, на помощь мне пришел мистер Боннер.

— Подождите-ка, — заговорил он. — Я, например, не умею так хорошо кататься на лыжах, и Динни ведь тоже новичок, не правда ли? Нам с Динни, очевидно, следует оставаться внизу, на этих пологих склонах.

— Да нет же, — начал спорить Гутри. — Наверху не намного круче.

Мы все разом посмотрели наверх. Ближайшее сиденье подъемника остановилось примерно на четверти пути; предыдущее начало движение и поднималось все выше и выше над склоном. Все вокруг было очень ярким и контрастным. Всюду, куда ни кинешь взгляд, сияла белизна, белее белого, а на ее фоне чернели канаты и сиденья подъемника, протянувшиеся вверх вдоль скло-

на горы, а вниз летели красные, желтые и черные куртки лыжников — *сфш-ш, сфш-ш, сфш-ш-ш...*

— Хотя бы поднимитесь с нами, — настаивал Гутри. — Доедете до верха, а там решите, съезжать вам или нет, в крайнем случае сядете опять на подъемник и спуститесь вниз. Так как?

— Динни, — обратился ко мне мистер Боннер, — ты как считаешь?

— Динни! — сказала Лайла. — Не будь такой трусихой!

Это практически не оставило мне выбора. Я была совсем не в восторге от того, что Лайла могла называть меня трусихой.

35. Громкий снег

Пока мы поднимались на подъемнике до первой остановки, мне приходилось все время напоминать себе, что нужно дышать, так как я инстинктивно задерживала дыхание и вообще застыла в полной неподвижности, намертво вцепившись в поручень сиденья. Мари, сидевшая рядом, учила меня:

— Динни, главное — расслабиться. Говори себе — расслабься, дыши: вдох-выдох, вдох-выдох...

«Расслабься! — приказывала я своему телу. — Расслабься! — приказывала я своему мозгу. — Дыши! — приказывала я. — Вдох-выдох, вдох-выдох. Это твой шанс», — напоминала я себе.

Мы сошли с первого подъемника и на лыжах прошли короткую дистанцию до второго подъемника, более высокого. Здесь Гутри взял меня за руку и сказал:

— Вот что, пойдём-ка, поедешь со мной.

Он потащил меня за собой в очередь и, не успевшая опомниться, как мы уже стояли в готовности, ожидая следующего сиденья. Приблизившись, оно подхватило нас, и Гутри опустил через наши головы поручень безопасности.

— Вот так, — сказал он. — Давай мне свои палки. Держись за поручень. Вниз не смотри, смотри только вверх, и все!

Но для меня и вверх смотреть было страшно, потому что перед глазами стояла отвесная белая стена. Мне хотелось вернуться, мне хотелось спрыгнуть, мне хотелось убежать и спрятаться в безопасном месте.

— Динни, тебе страшно? — продолжал уговаривать Гутри. — Не бойся! Ты только посмотри! У тебя нет такого чувства... свободы, здесь, наверху? Мы словно парим! Смотри, какой чистый этот свежавывающий снег! Такой самый лучший!

Он обернулся и помахал Лайле и Мари, которые следовали за нами.

— Эй, Лайла! — крикнул он. — Приготовься, сейчас поедешь первая, мы — за тобой!

Когда мы приблизились к вершине, я увидела короткую, узкую площадку, на которой нам предстояло высадиться. Сразу за ней начинался крутой спуск протяженностью в пятнадцать-двадцать метров.

— Я не поеду, — с трудом выговорила я. — Или мне придется спускаться на заднице, по-другому я просто не смогу.

Гутри начал было возражать, но тут мы достигли конечного пункта. Гутри поднял поручень безопасности, сунул палки обратно мне в руки, встал с сиденья и снова опустил поручень.

— Встретимся вон там, внизу, — сказал он. — В хижине на пересадке между подъемниками.

Я оглянулась на удаляющуюся площадку и стала смотреть, как остальные сходят с подъемника, озираясь на меня, жестикулируя и, очевидно, удивляясь или не понимая, почему я не сошла. И тут я увидела, что мистер Боннер тоже остался сидеть на подъемнике. Он был через три сиденья от меня и, как и я, возвращался вниз.

Когда я сошла с подъемника, мои ноги дрожали. Я была вне себя от ярости из-за собственной трусости, из-за того, что не сошла на верхней площадке, не смогла сделать то, что смогли остальные, не съехала на лыжах так, как у меня получалось во сне! Мистер Боннер упал, поднимаясь с сиденья подъемника, и повалился на бок.

— О, Динни! — воскликнул он. — Я так рад, что ты не сошла наверху! Все думают, что я остался составить тебе компанию, а на самом деле я просто испугался до беспамятства!

Мы оба устали на нижние склоны, которые, как предполагалось, должны быть более пологими и предназначались для начинающих лыжников. Но даже они казались мне круче, чем все, где я каталась до этого.

— Знаешь, что я тебе скажу, Динни? — произнес мистер Боннер. — Я думаю, что прежде, чем мы решимся на это, нам не помешает выпить по чашке горячего шоколада. Как ты считаешь?

Мы оба сумели добраться до хижины без единого *низпадения* и поэтому были весьма довольны собой. Сняв лыжи, мы некоторое время вглядывались в верхнюю часть горы, стараясь различить там остальных участников нашей группы. Нашли их довольно легко по розовой куртке Лайлы. Они вереницей катились по склону с Лайлой во главе.

— Зачем она едет туда? — сказал мистер Боннер.

Лайла неожиданно отклонилась в сторону от трассы, по которой спускались другие группы лыжников, а за ней и остальные ребята забрали далеко вправо, где лежал чистый, обильный снег. На наших глазах она обернулась, потеряла равновесие, упала и покатилась по снегу. Когда остальные поравнялись с ней, она махнула им рукой, чтобы продолжали движение. Только Гутри остановился и стал ждать, когда она поднимется и застегнет крепления лыж. Она махнула рукой направо, очевидно, предлагая ехать еще дальше в том направлении, а Гутри показал в сторону, куда покатались остальные, словно призывал следовать за ними.

Но Лайла, видимо, настаивала на том, чтобы ехать туда, куда хотела она, и покатилась по чистой, нетронутой полосе снега. Гутри последовал за ней, размахивая руками и, очевидно, крича ей что-то.

И тут мы услышали этот звук. Сначала было непонятно, что это — какой-то глубокий низкий рокот, словно приглушенный грохот барабанов вдали. Выше того места, где находились Лайла и Гутри, произошло какое-то движение, что-то едва заметно сместилось. Я даже подумала сначала, что это игра света, отраженные от вершины солнечные лучи.

Мы увидели, как Гутри объехал Лайлу снизу, преградив ей путь, схватил ее за куртку и указал палкой на снег над их головами, объясняя что-то. Лайла попятилась, потом объехала Гутри и, резко изменив направление, покатилась обратно по направлению к подъемнику.

— *Guardate!* — закричал кто-то рядом с нами.

И вдруг словно весь снег на вершине горы пришел в движение. Огромная снежная масса с грохотом и одновременно очень плавно поползла вниз, вздымая

белые облака. Она толкала перед собой целую стену из снега, и в результате будто вся гора обрушилась вниз по расположенному справа от нас ущелью.

Я не отрывала глаз от Гутри и Лайлы. Я судорожно сжимала свой красный шкаф и молилась вслух:

— Быстрее! Бегите! Ну же!

— О-о-о! — жалобно протянул рядом мистер Боннер. — О-о-о, пожалуйста...

Лайла ехала первая. Сначала она и Гутри находились немного в стороне от направления движения лавины, но по мере того, как все большая масса снега увлекалась вниз, она расширялась в стороны, угрожая настичь лыжников.

Все случилось, может быть, за считанные минуты, но нам показалось, что мы несколько часов простояли, застыв от ужаса, шепча молитвы, не в силах оторвать глаз от происходящего на склоне горы, и в то же время не понимая, отказываясь понимать то, что видели. Мой взгляд был прикован к Гутри и Лайле. Я просто не могла смотреть куда-то еще. По доносившимся сверху крикам других лыжников можно было судить, что все уже знали о лавине на дальнем краю склона и спешили спуститься вниз, но я по-прежнему могла видеть только Лайлу и Гутри, и никого больше. Только они вдвоем находились в непосредственной близости от траектории движения лавины, только им двоим угрожала реальная опасность.

И вдруг фигурка Лайлы полетела вниз, спотыкаясь, падая, переворачиваясь на снегу. Гутри по инерции проскочил мимо, потом резко развернулся, остановился и стал ждать. Именно эти несколько секунд задержки решили все. Снежная масса, вздымая огромные белые облака, обрушилась вниз, на двух маленьких человечков, и похоронила их под собой.

36. Сигнализация

Сразу после схода лавины на короткое мгновение воцарилась абсолютная тишина, словно прекратившиеся гром и грохот оставили за собой незаполненное пространство, словно рев обрушивающейся снежной массы втянул в себя из воздуха все остальные звуки.

Позже мистер Боннер рассказал мне, что я почти немедленно закричала: «Помогите! Спасателей!» — по-английски и по-итальянски, и что я потребовала от него позвать на помощь, и что даже после того, как остальные участники нашей группы, бледные и потрясенные, присоединились к нам, я продолжала кричать: «Спасателей! *Aiuto! Presto!*» Я ничего этого не помнила. Мне казалось, что я все время стояла, как будто окаменела, как будто приросла к одному месту, и не отрывала глаз от той точки, где исчезли Лайла и Гутри. И еще помнила, что я лихорадочно теребила край своего шарфа, словно только в его власти было спасти их.

Через несколько мгновений команда одетых в красные комбинезоны спасателей с эвакуационными салазками и другим оснащением появилась на верхней площадке.

— Радио, — повторял все время Кейсуки, — они имеют радио, да? Они имеют сигнализация!

— Ты хочешь сказать — передатчики? — спросила Мари. Она посмотрела и дотронулась до своего собственного, висящего на ремне. — О, Пресвятая Дева Мария, да, да, у них есть передатчики!

Синьора Палермо и мистер Боннер обсуждали что-то с полицейским. Мистер Боннер яростно махал рукой в том направлении, где засыпало снегом Лайлу и Гутри. Появился спасатель с трансивером, маленькой переносной рацией, в руке.

Я по-прежнему не могла сдвинуться с места. Сосчитала сиденья подъемника, пятнадцатое сиденье сверху. Это была левая отметка точки, где упали Лайла и Гутри. Потом я нашла глазами небольшую стайку сосен, растущих с противоположной стороны, и приняла ее за отметку справа. Верхней отметкой стала ширина моей поднятой перед лицом ладони с оттопыренным большим пальцем, касающимся края здания на вершине горы. Нижней отметкой была я сама. Если провести прямые линии от левой отметки к правой и от верхней к нижней, то они пересекутся как раз в том месте, где Гутри и Лайла оказались под снегом.

И тут меня осенило, что там, куда я не отрываясь смотрела, упал Гутри. Лайла следовала за ним и упала правее. Я попыталась мысленно зафиксировать точку, где должна была находиться она.

Рядом со мной возникли полицейский и мужчина с трансивером.

— Динни, — обратился ко мне мистер Боннер, — мы должны попытаться указать им, где, по нашему мнению, могут быть Гутри и Лайла. Я сначала решил, что у меня получится сделать это, но все пространство такое белое, все кажется совершенно одинаковым... Как думаешь, ты смогла бы показать это место?

— Спасателям надо переместиться ниже и левее, — сказала я.

К этому времени я ощупала всю бахрому на обоих краях моего шарфа, и мне пришлось начать заново. В голове вертелось: «Ну же, шарф, ну же, шарф, делай свое волшебство!»

Мужчина поднял ко рту трансивер и сказал что-то по-итальянски. Спасатели съехали ниже и левее, и тут же наверху закипела лихорадочная деятельность. Они

засекли сигнал с передатчика и принялись раскапывать снег.

Я по-прежнему стояла на нижней отметке и знала, что спасатели находились ближе к месту падения Лайлы, а не Гутри. Но я молилась, чтобы это был Гутри, чтобы я ошиблась, чтобы Гутри спасли первым. Мне мгновенно стало стыдно. «Найдите ее, — стала мысленно просить я, — найдите ее поскорее, а потом сразу найдите Гутри, и пусть оба будут живы и здоровы».

Я не могла оборачиваться, но краем глаза видела, что синьора Палермо отходила к автобусу за номером телефона дежурного по школе, а теперь шла обратно и по дороге обращалась с чем-то важным к каждому участнику нашей группы. Ко мне она подошла в последнюю очередь.

— Динни...

— Мне не видно. Не загораживайте, пожалуйста. Я смотрю на то место...

— Динни, твой передатчик у тебя?

Я похлопала себя по поясу.

— Да.

— О, боже милостивый, помилуй нас... — начала она.

— Что? — спросил мистер Боннер. — Что еще?

Она показала ему желтый передатчик.

— Это было в автобусе. У всех присутствующих передатчики с собой. Значит, либо Гутри, либо Лайла оставили свой в автобусе.

Белен заплакала.

Синьора Палермо поспешила к полицейскому и проводнику. Оба снова стали расспрашивать меня о том, кто где упал. Проводник передал по трансиверу новые инструкции:

— *A sinistra! Sopra!*¹

Он сообщил спасателям, что передатчик может быть только один, тот, чьи сигналы уже пойманы.

— Почему они не начинают копать в другом месте? — взмолилась я. — Скажите им, чтобы начинали копать!

— Они же не могут копать повсюду...

— Но я знаю, где Гутри. Я знаю, что у него нет с собой передатчика. Ниже и левее. Я знаю где.

— Динни, — остановил меня мистер Боннер, — лавина могла протащить его на пятьдесят метров в сторону от того места, где ты его видела. Площадь слишком широкая...

— Пусть копают! — закричала я. — Скажите им, чтобы копали!

Казалось, прошло около часа, но потом мне сказали, что всего лишь десять минут, прежде чем мы увидели розовую куртку Лайлы. Ее положили на салазки и спустили вниз к поджидающему вертолету.

— Она жива? — крикнула я спасателю с трансивером. — *É viva?*

Он что-то сказал в свою рацию, затем выслушал ответ. Опять сказал, опять послушал.

Потом потряс кулаком в воздухе:

— *É viva!*

Все вокруг радостно закричали.

Я поцеловала свой шарф, но по-прежнему не могла сдвинуться с места. Спасатели теперь копали ниже и левее.

Синьора Палермо разузнала, что Лайла была жива, но без сознания. Вся наша группа к этому времени сто-

¹ Левее! Выше! (Итал.)

яла, сбившись в тесную кучку. Кто-то держал меня за левую руку, не помню кто.

Мари сказала:

— Все говорят, хорошо, что это случилось в начале дня — света достаточно...

Мистер Боннер обратился ко мне:

— Динни, мы дозвонились до твоего дяди Макса. Он и Сэнди приедут так скоро, как только смогут.

Я стала держать в уме эти три вещи: Лайла жива, света достаточно и дядя Макс с тетей Сэнди скоро будут здесь. Они были как три хороших знака и, может быть, свидетельствовали о том, что Гутри найдут живым и невредимым.

Стоя в неподвижности на снегу, я вдруг вспомнила рождественское пение, *voci bianche* в церкви Святого Аббондио. Я стала думать о тех белых голосах и об этом белом снеге, и мне до боли захотелось услышать белый голос живого Гутри.

37. Продолжение

Сзади меня какой-то англичанин сказал:

— Этой девочке повезло. Ее задело краем лавины. Ужасно повезло, что не попала под основную массу.

Все вокруг стали говорить что-то, соглашаясь с ним.

— Если бы она попала под основную массу, то оказалась бы погребенной под тоннами снега! Ее вряд ли откопали бы сегодня и, я бы сказал, абсолютно невероятно, что откопали бы живой!

Я услышала, как Мари сказала ему:

— Там еще один человек под снегом.

— Да? — переспросил англичанин. — Не хотел бы я оказаться на месте этого человека! Совсем не хотел бы!

Белен спросила:

— Сколько времени человек может находиться под снегом и выжить?

Англичанин ответил:

— Если его откопают не позже, чем через пять минут, есть гарантия, что выживет...

Я не знала точно, сколько времени прошло, но была уверена, что больше пяти минут, даже больше десяти...

— ... Через двадцать — двадцать пять минут тоже есть вероятность, но если позже — вряд ли можно на многое надеяться, на мой взгляд.

Мари схватила меня за руку:

— Динни, прошло пятнадцать минут. Только пятнадцать!

У меня в глазах словно маленькие иголки закололи. Я все старалась представить себе Гутри там, внизу, под снегом, и жалела, что невнимательно слушала его рассказ о том, как выжить, попав в лавину. Кажется, он говорил, что под снегом вокруг себя можно создать воздушное пространство. Но как это сделать, если сверху на тебя давит вся эта чудовищная снежная масса? Может быть, снег тает от температуры тела? И насколько возможно двигаться под снегом?

Подошел Кейсуки и положил голову мне на плечо.

— Динни, — произнес он застенчиво, — это ту-по, эта лавина.

Именно тогда, когда он сказал свое «ту-по», мне захотелось заплакать.

Пока я стояла, уставившись на место, где копали спасатели, и все мои мысли были о Гутри, в сознание вкрался сначала образ моих родителей, а потом Крика, Стеллы и малыша. Они ничего не знали о том, что я находилась здесь, ничего не знали о Гутри и Лайле, ничего не

знали о лавинах. И тогда я очень испугалась. Если они ничего не знали обо всем этом, значит, и я ничего не знала о том, что происходило с ними. Что, если кто-то из них был в опасности, а я даже не подозревала об этом?

В тот момент опасность мерещилась мне повсюду, я боялась и переживала за всех своих родных, друзей и знакомых. Как ни странно, единственный человек, за которого я тогда не боялась, была я сама.

38. *Voci bianche*

Пока я ломала голову над тем, видит ли Гутри что-нибудь под снегом, мне вспомнилась его история о двух пленниках, один из которых, глядя из окна тюремной камеры, видел грязь, а другой — небо. Я хотела знать, что мог видеть Гутри. Была грязь, было небо, а между ними, подумала я, были гора и снег...

Еще я подумала о дяде Максе, тете Сэнди, миссис Стирлинг и учителях и как часто они, наверное, переживают из-за нас, нашей безопасности. Я подумала, как мои родители расстались со мной, чтобы я могла воспользоваться своим шансом, и как они должны были беспокоиться за меня, но не показывали виду потому, может быть, что не хотели напугать меня. Они тогда, наверное, все время думали: «Пусть она будет в безопасности, пусть она будет в безопасности!» — но вслух ничего не говорили.

У меня возникло ощущение, словно все мои самые близкие люди находятся там, под снегом, вместе с Гутри, и только я усилием своей воли могу сделать так, чтобы они остались живы.

— *Guardate!* — Сверху донеслись громкие голоса, спасатели размахивали руками, а из рации стоящего поблизости полицейского раздалось потрескивание.

Мари сжала мои пальцы так сильно, что мне на секунду показалось, она их ломает. Кейсуки прижался головой к моему плечу.

— Я не могу смотреть, — сказал он. — Что они говорить?

Полицейский радостно затряс в воздухе руками.

— Нашли? — спросила я. — Нашли?

Он торжествующе выбросил кулак в воздух.

— *Si!* — закричал он. — *Si!*

Они нашли Гутри. А я наконец могла сойти со своего места. Вцепившись в полицейского, я взмолилась:

— *É vivo?*

Рация вновь сообщила что-то трескучим голосом; у полицейского вырвался радостный вопль.

— *Si!* — выкрикнул он. — *É vivo!* Он жив!

Мне показалось, будто мой пузырь взорвался и зигзагами полетел в небо, словно лопнувший воздушный шар.

— *É vivo!* Он жив! — закричала я, размахивая в воздухе своим красным шарфом.

Все наши тоже принялись кричать:

— *Vivo!* Живой! — Мы не могли остановиться, подбегали к совершенно незнакомым людям и обнимали их. Мы превратились в хор *voci bianche*. — *Vivo! Vivo! Vivo!*

39. Я верхстою

Гутри погрузили в вертолет и отправили в больницу в Милан, где уже находилась Лайла. На третьем верто-

лете к ним полетела синьора Палермо в сопровождении полицейского. Остальные участники нашей группы вернулись в хижину у подножия горы и сгрудились вокруг мистера Боннера, стараясь согреться. Мы сидели и держали друг друга за руки, испытывая чувство необыкновенного облегчения. Все ожидали прибытия дяди Макса и тети Сэнди.

Они приехали незадолго до того, как стемнело, ворвались в хижину, дико озираясь, и бросились к нам, когда я помахала им в воздухе варежкой. Я была очень рада видеть их, и все остальные тоже. Присутствие дяди Макса подействовало на нас успокаивающе. У всех словно камень с души свалился, потому что дядя Макс теперь обо всем позаботится, он-то знает, что надо делать!

Однако даже невозмутимый дядя Макс поначалу был чрезвычайно взволнован. Узнав, что Гутри и Лайла спасены, живы и находятся в миланской больнице, он прижал ладонь к груди и некоторое время сидел так, словно не давая сердцу выскочить наружу. Потом обнял меня, а затем по очереди и всех остальных в нашей группе. А тетя Сэнди как обняла меня, так и осталась сидеть, не выпуская. Мне было хорошо.

Она все повторяла:

— Динни, ты — о'кей? А все остальные — о'кей? Ты уверена, что ты — о'кей? Все остальные — о'кей, правда? Динни, ты — о'кей?

Они стали расспрашивать нас о том, что случилось. Им хотелось знать все в деталях, от начала до конца, поэтому мы начали наперебой рассказывать, и каждый старался добавить каких-то подробностей. Потом дядя Макс поехал в Милан, а за ним на школьном автобусе отправились мистер Боннер, Белен, Кейсуки и Мари. Я тоже хотела с ними, но тетя Сэнди попросила меня остаться.

ся с ней, чтобы позвонить родителям Лайлы и Гутри и помочь полицейским закончить их отчет. На ночь нам была забронирована комната в близлежащей гостинице, а на следующий день мы должны были поехать в Милан к дяде Максусу на машине одного из спасателей, который сам предложил отвезти нас туда.

Дозвониться до родителей Лайлы и Гутри оказалось непросто. Когда тете Сэнди наконец удалось добиться соединения с номером отца Лайлы в Саудовской Аравии, тот кричал на нее. Ей даже пришлось некоторое время держать трубку подальше от уха. Я слышала, как она сказала: «С ними были сопровождающие», — а потом: «У нас пока нет такой информации», и еще: «Я могу дать вам номер телефона больницы», а затем: «Полагаем, вам следует приехать», и наконец: «Вот как!»

Положив трубку, тетя Сэнди сказала:

— Кажется, мне надо выпить виски. С ним невозможно разговаривать! Этот человек даже не Пистолет — это крупнокалиберная двустволка!

По словам тети Сэнди, отец Лайлы вышел из себя, узнав, что его дочь «бегает без присмотра по всему миру». Он пришел в ярость, услышав, что у нас нет врачебного отчета, в котором отражалось бы состояние здоровья его дочери вплоть до последней минуты. Он был в еще большей ярости, так как его жена, судя по всему, сегодня утром уехала в Штаты, и — нет, он не мог приехать в Италию, потому что ему не позволяли неотложные дела.

Тетя Сэнди сказала:

— Еще он велел нам позаботиться, чтобы больше ничего не случилось с его дочерью, чтобы за ней был обеспечен наилучший уход, чтобы мы сами связались с ее матерью, и поскорее, и чтобы мы ежечасно снабжа-

ли его отчетами о состоянии ее здоровья. Я уж не повторяю все его ругательства, Динни! Этот человек, без сомнения, большой специалист по ругательствам!

Еще труднее оказалось связаться с родителями Гутри, потому что мы нигде не могли их разыскать. Никто не снял трубку в их доме в Коннектикуте. Тогда тетя Сэнди попыталась дозвониться по двум резервным номерам, которые ей сообщили из школы. По одному из них также никто не отвечал, а на другом был установлен автоответчик. Тетя Сэнди оставила на нем сообщение и продолжала каждые десять минут звонить по всем телефонам.

Тремя часами позже ей удалось переговорить с тетей Гутри, которая сказала, что его отец был в отъезде. Я слышала, как тетя Сэнди спрашивала ее: «Куда-то в Канаду? А вы не знаете, куда точно в Канаду?», а потом: «А где его мать?», а затем: «Ах, вот оно что... Простите... Я не знала».

Она положила трубку и спросила меня:

— Ты знала, что у Гутри нет матери?

— То есть как? — спросила я в свою очередь. — Она умерла?

— Не знаю, — задумчиво произнесла тетя Сэнди. — Все, что сказала его тетя — «у него нет матери».

Мы улеглись в постель друг подле друга, и я стала думать о Гутри, у которого нет матери. Мне захотелось очутиться в больнице и спросить его, что случилось с его мамой, и еще сказать ему, что мне тоже знакомо это чувство, словно у меня не было мамы. Но я понимала, что мы все же находились в разных ситуациях, что Гутри никогда не увидит свою мать, а моя была по-прежнему жива и когда-нибудь я ее увижу. Возможно.

А потом я вспомнила об отце Лайлы, который ругался по телефону, и о ее матери, убежавшей в Штаты,

и вдруг почувствовала приступ острой жалости и понимания по отношению к Лайле. И на меня накатилась какая-то волна любви к моим родителям, несмотря на их, может быть, не всегда разумное поведение, полукочевническое существование и даже характерную для них черту забывать иногда собственного ребенка.

Тетя Сэнди сказала:

— Нам нужен план действий. Мы должны обдумать, что делать дальше. Надо представить себе, как в этой ситуации поступил бы Макс. — Она взяла меня за руку. — Мне их так жалко! Бедные, бедные, бедные ребята!

В ту ночь в нашей гостиничной комнате в Доломитовых Альпах мы с тетей все время либо говорили по телефону, либо ожидали телефонного звонка. Вскоре после полуночи позвонил дядя Макс из больницы в Милане. Лайла пришла в сознание. Врачи еще продолжали обследовать ее, но, похоже, у нее не было других повреждений, кроме сломанной руки. Дядя Макс воспринял как хороший признак, что она уже успела пожаловаться на отсутствие для нее в больнице отдельной палаты.

Зато информации о состоянии здоровья Гутри пришлось ожидать гораздо дольше. Лишь в два часа ночи нам стало известно, что его левая нога сломана в двух местах и еще сломаны четыре ребра. И совсем уж потом мы узнали, что ему наложили швы на правой руке и на лице, пораненных лыжными палками. Но значительно большее беспокойство вызывало то, что он все еще был без сознания, и так продолжалось всю ночь.

Нам по-прежнему не удавалось связаться с отцом Гутри и с матерью Лайлы. Дядя Макс сообщил, что отец Лайлы позвонил в больницу и «наговорил с три короба».

Сны Доменики Сантолины Дун

Подъемник работал, и лыжники толпились, чтобы занять места. Я поднялась на нем до первой остановки, затем на лыжах доехала до второго, более высокого подъемника, и лихо взобралась на сиденье.

Я разглядывала открывшуюся панораму, гладкий снежный покров слева от меня и бугристые сугробы далеко справа, там, где со склона обрушилась лавина. Ослабив на шее свой счастливый красный шарф, я рассматривала возвышающуюся надо мной гору, а еще выше видела небо, его глубокую и чистую голубизну.

Я спрыгнула с подъемника на верхней площадке без всякого низпадения и бросила взгляд на то, что было с другой стороны горы.

Там были... другие горы. Я соскользнула с края площадки и понеслась вниз, без видимых усилий делая плавные зигзагообразные движения — слева направо, справа налево.

Мне совершенно не казалось, что это был сон. Над моей головой простиралось голубое небо, вокруг лежал белый снег, и я точно знала, что еду на лыжах и умею это делать как надо. Я, конечно, могла бы, наверно, низпадать пару раз, а может, и нет. Может быть, и устояла бы на ногах. Интересно, как бы выразился в этом случае Кейсуки? Верхстоять?

Я вдыхала носом холодный и чистый воздух, и он переполнял каждую клеточку моего тела. Мне хотелось смеяться. Я чувствовала, что способна оторваться от земли и полететь. Я чувствовала себя такой...

— Sono libero! — Вот что я чувствовала и вот что закричала. — Libero, libero, libero-o-o-o-o! — И тут мне пришло в голову, что поскольку я девочка, то мне, наверно, следует кричать «libera» вместо «libero», но не

будучи полностью уверенной, я стала кричать оба эти слова. Я кричала и за себя, и за Гутри, и за Лайлу: — Libero! Libera! Libero! Libera-a-a-a!

Что-то вокруг было по-другому, не так, как раньше. И тут я осознала — исчезла оболочка моего пузыря.

Пока я спускалась к подножию горы, окончательно поняла, что имел в виду Гутри, когда кричал: «Libero!» Это означает — да здравствует жизнь!

40. Два Пистолета

На следующий день рано утром мы узнали, что Гутри пришел в сознание и опасность для его жизни миновала. Мы с тетей Сэнди стали прыгать на кровати и кричать:

— Гутри — молодец! Гутри — молодец!

Потом телефон снова зазвонил, и это была мать Лайлы.

Если верить тете Сэнди, мать Лайлы сказала ей буквально следующее: «Я только что прилетела трансатлантическим авиарейсом, и вы хотите, чтобы я сразу повторила весь перелет в обратном направлении?» И еще, по ее словам, она давно поняла, что ей не следовало отдавать свою дочь в «такую школу». И она давно поняла, что ее дочь рано или поздно попадет в какую-нибудь беду.

А тетя Сэнди сказала:

— То, что сошла лавина, никак не зависело от Лайлы.

После этого она некоторое время держала телефонную трубку на удалении от уха, а мать Лайлы кричала, что ей не нравится тон, которым с ней разговаривают. В конце концов мать Лайлы заявила, что прилетит в Ми-

лан ближайшим рейсом, но школа должна оплатить ей дорогу.

Потом тетя Сэнди еще раз позвонила по телефону отцу Гутри, и тот ответил:

— Пети в порядке?

Пети? Я совсем забыла, что Питер и есть имя Гутри, и мне даже в голову не могло прийти, что кто-то может называть его Пети. Отец Гутри пообещал выехать немедленно.

Когда мы приехали в Милан, то в больнице нам разрешили повидаться сначала с Лайлой. Она сидела в постели, откинувшись на подложенные ей под спину подушки, перелистывала какой-то журнал и ворчала на медсестру, которая, к счастью, не понимала по-английски.

— Нет, правда, — говорила она, — неужели у вас нет ни одного американского журнала? Я не могу читать это! — Увидев нас, Лайла мгновенно разрыдалась. — О, Динни! Я чуть не погибла! О, Динни, Динни!

Медсестра, отвернувшись от Лайлы в нашу сторону, выразительно закатила глаза. Может быть, она все же понимала по-английски.

— Ну-ну, не плачь, девочка, — начала успокаивать Лайлу тетя Сэнди. — Все будет хорошо. Ты прекрасно выглядишь...

— Неправда! — запротестовала Лайла. — Посмотрите на мою руку! — Она продемонстрировала загипсованную руку. — Больно! Посмотрите, какие ссадины! — Она вытянула перед собой другую руку, открыв нашим взорам два больших, круглых, фиолетовых синяка. — А здесь, посмотрите-ка... — Отведя рукой волосы, показала маленький порез под ухом с полоской запекшейся крови по краям. — Рана!

— Ну, по крайней мере, не пришлось зашивать, — сказала тетя Сэнди.

Лайла словно не слышала.

— А здесь, посмотрите на мои колени! — Она подняла полы халата, чтобы показать нам фиолетовые ссадины на коленках.

Тетя Сэнди незаметно подтолкнула меня локтем и сказала:

— Да, Лайла! Это ужасно! Смотреть страшно. Какие травмы!

— Ага, — поддакнула я. — Ты действительно выглядишь ужасно.

Лайла всхлипнула.

— Я — человек, который очень чувствителен к боли, — произнесла она и быстро добавила: — Мои родители придут?

— Твоя мать должна быть здесь завтра, — ответила тетя Сэнди.

— А отец?

— Похоже, что он задерживается из-за работы, — сказала тетя Сэнди.

— Да, конечно, — презрительно заметила Лайла. — Задерживается! Работа!

Я почувствовала большое облегчение, когда пришел дядя Макс и предложил навестить Гутри. Когда мы уходили, Лайла сказала дяде Максусу:

— Неужели вы не можете найти мне хоть какие-нибудь американские журналы?

«Все та же Лайла, — подумала я. — Даже лавина не в силах ее изменить».

Гутри действительно выглядел ужасно. Он лежал на кровати, глаза его были закрыты. Одна нога в гипсе подвешена в воздухе, бледное, распухшее лицо наполовину

спрятано под толстым слоем бинтов. Грудь из-за бандаж приняла цилиндрическую форму, одна рука тоже была забинтована.

Когда я дотронулась до его руки, он открыл глаза.

— О, привет, Динни! — сказал Гутри. — Привет! — сказал он и тете Сэнди. — Потом принялся к моей куртке. — От тебя пахнет свежим воздухом!

И в этот самый момент, когда он произнес: «От тебя пахнет свежим воздухом», я поняла смысл его истории о двух пленниках. Гутри был похож на того пленника, кто видел только небо, а Лайла похожа на того, кто видел только грязь. Я подумала: а на кого я похожа? Возможно, я была где-то посередине и видела то, что находилось между небом и грязью.

— Как ты себя чувствуешь? — обратилась к Гутри тетя Сэнди.

— О, хорошо, — ответил он. — Все в порядке. — Гутри поднял здоровую руку и осторожно ощупал свое лицо. — Не могли бы вы передать мне вон то зеркало? — Он поднес его к распухшему лицу. — Эй! Вы только посмотрите! Голова-мяч!

Он поинтересовался, как себя чувствовала Лайла.

— Вот перепугалась, наверное, — произнес Гутри серьезным тоном.

— Да, пожалуй, — согласилась тетя Сэнди. — А ты? Ты перепугался?

— Да, — признался он. — Очень.

Позже Гутри рассказывал, что, испугавшись, он стал думать обо всех нас и представил себе, как мы молимся за него, и это помогло ему держать себя в руках.

— И еще, в разгар всего этого, — рассказывал Гутри, — знаете, о чем я подумал? Ха-ха. Я подумал о том, как Кейсуки говорит «ту-по»! Я даже рассмеялся, прав-

да! Но только слегка, таким внутренним смехом. Коротко, немного повеселился там, внизу, под снегом...

Самое удивительное, что Кейсуки действительно произнес свое «ту-по», пока мы ждали, когда спасут из-под снега Гутри. Получается, будто между ними установилась телепатическая связь, между Кейсуки и Гутри, и Кейсуки, получается, отправил Гутри по этой связи смешное слово, чтобы ему было легче продержаться.

Дядя Макс, тетя Сэнди и я переночевали в городе неподалеку от больницы и на следующий день познакомились с миссис Кинг (матерью Лайлы) и мистером Гутри вскоре после их прибытия. Отец Гутри был совсем не таким, как я ожидала. Я представляла его себе таким же жизнерадостным, как сам Гутри, подвижным и пружинистым, высоким и мускулистым, но он оказался застенчивым, худощавым мужчиной, с тихой речью и скромными манерами. И еще мне казалось, что скорее всего во внешности отца Гутри будет так и сквозить наличие у него огромного состояния, что он будет одет в специально пошитые по мерке костюмы, носить на руке часы в золотом корпусе, и тому подобное, однако на самом деле на нем были обычные, довольно потертые брюки цвета хаки и бледно-голубая джинсовая рубашка. Он провел остаток дня и всю ночь у постели сына, тихонько разговаривая с ним. Время от времени в холле, где мы сидели, был слышен заразительный смех Гутри.

Мать Лайлы была совершенно иной. Она стремительно вошла через больничную дверь, одетая в меха, на ходу поправляя прическу, и щелкнула пальцами, привлекая внимание дежурившего при входе работника.

— Мой багаж! — приказала она. — Занесите его внутрь, пожалуйста! — Поскольку дежурный никак не отреагировал, она повторила свое требование более

громким голосом, а затем произнесла в воздух, ни к кому не обращаясь: — Здесь кто-нибудь говорит по-английски?

К этому моменту мы уже были возле нее. Дядя Макс назвал себя и уже собирался представить тетю Сэнди и меня, как миссис Кинг прервала его:

— Вы не могли бы позаботиться о моем багаже? Он остался на тротуаре, и любой прохожий может просто уйти вместе с ним.

Мы с дядей Максом вышли и затащили внутрь три чемодана. Видимо, она намеревалась побыть здесь некоторое время, подумала я. Когда мы вернулись, миссис Кинг приказала дяде Макс:

— Отведите меня к моей дочери!

До самого вечера в палате Лайлы происходили сцены, сопровождаемые громкими криками. Сначала скандал разразился из-за того, что Лайлу не поместили в отдельную палату, затем мать Лайлы разговаривала с медсестрами и врачами на повышенных тонах, поскольку, очевидно, ей казалось, что английские слова станут более понятны, если она будет выкрикивать их. Потом Лайла и ее мать кричали друг на друга.

— Нет, не поеду! — взвизгнула Лайла.

— Нет, поедешь! Ты поедешь домой немедленно, как только мы сможем вытащить тебя из этой помойки!

— Не поеду!

— Поедешь!

Дядя Макс и тетя Сэнди по очереди заходили в палату и пытались утихомирить маму и дочь, но ни один из них не выдерживал там и двух минут. Дядя Макс выходил, потирая лоб, и говорил:

— Теперь твоя очередь!

Тогда вставала и шла тетя Сэнди, но и она довольно скоро выскакивала обратно, в изнеможении сжимая руки.

— Твоя очередь!

Когда миссис Кинг потребовала от дяди Макса и тети Сэнди увезти ее «из этой помойки» и найти ей приличную гостиницу и ресторан, тетя Сэнди прошептала мне:

— Если я убью ее по дороге и попаду в тюрьму, ты придешь, чтобы освободить меня?

Когда они уехали, я пошла к Лайле. Теперь она действительно выглядела ужасно, глаза распухли от слез, лицо красное и некрасивое, волосы слиплись и перепутались.

— О, Динни, — снова заплакала она. — Динни, не дай ей увезти меня! Я не поеду с ней! Не поеду!

— Лайла, может быть, так будет лучше, ты просто не знаешь. Может быть, это твой шанс! — попыталась я успокоить ее.

— Шанс! — взвизгнула она. — О, Динни, как ты можешь говорить такие ужасные вещи! Я тебя ненавижу за это! Я ненавижу, ненавижу тебя!

На следующее утро, однако, Лайла была совершенно спокойна (я подозревала, что врачи могли дать ей и ее матери какое-то успокоительное, так как обе вели себя гораздо сдержаннее). Лайла, по ее словам, всех любила, она любила, любила, любила меня, и она любила, любила, любила дядю Макса и тетю Сэнди, и она любила, любила, любила Гутри, и она любила, любила, любила школу, и она никогда, даже через миллион лет не забудет нас. Она обнимала и целовала нас, а потом они уехали, Лайла и ее мать, в такси, доверху забитом багажом.

Так все закончилось. Их больше не было — обоих Пистолетов.

41. Шляпка и жуки

В середине апреля тетя Грейс и тетя Тилли прислали открытки с поздравлениями по случаю Пасхи:

«Милая Динни!

Поздравляю тебя с Пасхой! Они там, в Швейцарии, празднуют Пасху?

Купила себе новую шляпку. Другой такой красивой просто не существует! Жалко, однако, что ей досталась такая старая голова, как моя.

Мы угощались на Пасху ветчиной. Мне хотелось тушеного мяса, но Лонни говорит, что на Пасху надо есть ветчину. Я терпеть не могу ветчину.

*С любовью,
твоя тетя Грейс».*

«Милая Динни!

Если этот план сработает, для тебя будет большой сюрприз. Твой папа придет завтра, чтобы обсудить его. Больше ничего не скажу, а то не будет сюрприза!

Крик сейчас в школе выживания военно-воздушных сил. Его бросают в лесу, и ему приходится есть жуков и змей и самому искать дорогу домой. Хоть бы у него получилось! Жуки не слишком вкусные, если хочешь знать мое мнение. Но лучше, чем тушеное мясо. (Ха-ха.)

Я нашла черепаху у реки и встретила девочку, которая умеет читать по следу. Уверена, тебе бы она понравилась.

Шлю тебе две тысячи бочек поцелуев.

*С любовью от твоей тети Тилли,
чемпионки по приготовлению
творожного желе».*

И еще в апреле я получила открытку с Днем святого Валентина от мамы:

«Милая Динни!

Ой! Я забыла послать это в феврале!»

Ниже она нарисовала голубое сердце (голубое?!) с рыбой (с рыбой?!) посередине.

42. Рыбалка

К концу апреля город Лугано преобразился. Днем мы купались в ярких солнечных лучах и нахлынувшем тепле, а ночью дождик заботился о чистоте улиц. Площадь Пьяцца-делла-Реформа в центре Лугано вновь заполнили стаи голубей и туристов, на балконы вернулись ящики с геранью, а деревья вокруг озера выбросили в воздух ярко-зеленую листву.

На территории кампуса всюду цвели хурма и магнолии, среди зелени листьев тут и там пестрели островки ярких цветов. Из столовой вынесли наружу столики и над ними раскрыли большие белые зонты для тени. Школьники располагались прямо на газонах по одному и небольшими группами, ласковый ветерок поигрывал страницами раскрытых учебников. На виноградниках, разбитых на склоне холма неподалеку от нашего дома, лоза пустила побеги, обвившиеся вокруг специальных решеток, и в распахнутые окна потянуло сладким ароматом.

В последнюю субботу апреля, за месяц до окончания семестра, мы с Гутри отправились наконец на долгожданную экскурсию. Гутри уже ходил без костылей, только слегка прихрамывал, и шрам у него на лице по-

бледнел и превратился из красного в розовый. Мы запланировали так, чтобы экскурсия состояла из двух частей. На первую часть пригласил меня Гутри, на вторую — я его.

Сначала мы доехали на автобусе до Парадизо на окраине Лугано и купили билеты на фуникулер, похожий на маленький поезд, который полз по склону горы Сан-Сальваторе. Мы втиснулись в вагончик вместе с толпой туристов и стали смотреть в окошко фуникулера, в то время как он упорно карабкался наверх. Деревья, кусты да камни — вот и все, что можно было видеть по краям дороги к вершине горы. Ощущение пространства ускользало от меня, я никак не могла осознать, что было дальше, за пределами этой однообразной картинки за окном. Я вспоминала, как часто наблюдала за фуникулером из своего дома через долину. Я следила, как он метр за метром поднимался в гору, похожий на красную ящерицу, как время от времени исчезал за деревьями и снова возникал, опять прятался в листве и появлялся вновь.

Напротив нас на скамейке тесным рядом разместились пять туристов. Они громко смеялись и разговаривали по-немецки. На ногах у них были тяжелые ботинки для восхождения на гору и толстые шерстяные гольфы, одежда состояла из вельветовых бриджей до колен и зеленых курток-ветровок. У каждого на куртке имелась желтая полоска, обозначающая принадлежность к туристской группе. Услышав, как Гутри сказал мне что-то, один из них спросил:

— Американцы, да? Я знать кого-то в Америке. Чикаго!

Сидевшая рядом с ним женщина согласно закивала:

— Ханс Долман, наш кузен! Долман — вы с ним когда-то встречаться?

Мы с Гутри переглянулись.

— Хм, — задумчиво произнес Гутри. — Долман, Долман... Что-то знакомое...

— Нет! — воскликнул мужчина. — Вы знать его, вы знать Ханс?

Гутри слегка подтолкнул меня локтем:

— Динни! Ты же была в Чикаго, правда? Ты там встречала кого-нибудь по фамилии Долман?

— Чикаго — большой город, — ответила я.

— Большой человек, — сказала женщина. — Большой человек, большая борода.

Вообще подобные вещи случаются очень часто. Когда кто-то узнает, что вы из Штатов, начинают расспрашивать, не встречали ли вы кого-нибудь из их знакомых, будто Штаты — совсем крошечная страна и вы можете знать практически каждого, кто там обитает.

Доехав до конечной остановки фуникулера, все высыпали на платформу, расположившуюся под пышными кронами деревьев. Честно говоря, я ожидала другого. Из-за разросшегося леса ничего не было видно.

— Нам надо идти вон туда, — сказал Гутри, показывая на неровную мощенную камнем дорожку, ведущую по склону вверх еще приблизительно на двести метров. На самом верху я смогла разглядеть крест на каменной церквушке. Мы стали подниматься по ступенькам дорожки, огибающей гору, пока не очутились на просторной ровной площадке. В центре ее стояла церковь, а по всему периметру были установлены скамейки и перила.

— О-о! — У меня перехватило дыхание. — О-о! — За перилами, всюду, куда хватал глаз, открывался невероятный по своему великолепию вид.словно весь огромный мир расположился здесь передо мной, а я с неба взирала на него.

Озеро Лугано голубым пятном повисло в воздухе. За ним маячили подножия Альп, а если повернуться в противоположную сторону, то можно увидеть Италию, и озеро Лаго-Маджоре, и Ломбардскую низменность. Невыносимо голубое небо распростерлось над голубыми озерами и нескончаемыми рядами гор — зелеными, голубыми в дневном свете или, на расстоянии, все еще покрытыми белыми снежными шапками.

— Ну как? — спросил Гутри. Он широко раскинул руки, словно хотел охватить ими весь мир. — *Fantastico! Sono potente! Sono libero!*

У меня возникло странное чувство, будто я была лишь крапинкой на вершине этой горы, крошечной частичкой всего этого обширного пейзажа, будто я по-прежнему оставалась точкой, но одновременно что я и есть все то, что раскинулось перед моим взором, и все то, что распростерлось над моей головой, и весь этот мир принадлежал мне! *Liberò, libera!* Я глубоко втянула в себя воздух и сказала себе:

— Все это — я!

Посмотрев на Гутри, я увидела, что он тоже глубоко вдыхает, впитывая в себя все вокруг, и счастливо улыбается. Мне вспомнился его отец. Мистер Гутри был добрый, но не такой открытый, как его сын. И я подумала: как, у кого Гутри унаследовал это безграничное жизнелюбие, откуда у него эта неутолимая, безоглядная жажда к приключениям?

В тот день мы долго стояли у перил на вершине горы Сан-Сальваторе, глядя на мир, а потом вошли в прохладный полумрак церкви, поднялись на ее звонницу и очутились на узкой смотровой площадке, откуда можно было видеть еще дальше на юг через Ломбардскую низменность. Где-то там, в Италии, должен находиться Кампо-

бассо, подумала я. Когда-нибудь я поеду в Кампобассо и увижу то место, где гуляла бабушка Фиорелли, когда была девочкой.

Потом мы ехали обратно вниз на фуникулере и бродили по совсем узеньким улочкам, изрезавшим город Лугано. На маленьких открытых рынках продавали цветы, сыр, пиццу и огромные, толстые саями, которыми были увешаны лотки. Мы на ходу ели ломти пиццы, и Гутри сказал:

— Динни, в самом деле, ты должна признать, что это такое самое лучшее, разве не так?

Потом мы сели в автобус и поехали вверх по холму, мимо школы, сошли на остановке на Коллина-д'Оро, а затем прогулялись по Виа-Попорино до нашего дома. Я взяла свою удочку, и мы направились через Агру в сторону *percorso*. Потом шли по его извивающейся меж деревьями дорожке, пока не достигли речки. Тут мы сели на берегу, и я забросила леску в воду.

— Ты ловишь рыбу без крючка? — удивился Гутри. — Без наживки?

— Вообще-то я хожу на рыбалку не для того, чтобы ловить рыбу, — ответила я.

— О-о! — воскликнул он и неожиданно обнял меня. — Ты необыкновенно интересный человек, Доменика Дун!

Интересный? Он сказал — интересный?

— А ты, Питер Ломбарди Гутри Третий — такой самый лучший! — И, поскольку подобное признание требовало какого-то продолжения, я поцеловала его в такую самую лучшую щеку.

В тот день я вдоволь нарыбачилась за всю Швейцарию, за каждый ее кусочек, который видела, за каждого человека, которого узнала в этой стране. Рыбачила даже

за Лайлу. И еще я рыбачила за своего отца, маму, за Крика, Стеллу и ее малыша. Я рыбачила за бабушку Фиорелли, тетю Грейс и тетю Тилли.

В мае занятия закончатся, и я поеду домой.

Сны Доменики Сантолины Дун

Я на плоту плыла вниз по течению реки. К моему плоту были привязаны другие плоты, на них находились Гутри, Лайла, Белен, Мари, Кейсуки. У каждого из нас имелось по огромной сети, и мы размахивали ими в воздухе. Я выловила всю нашу семью, одного за другим, и посадила их на свой плот.

— Я — прозрачное око! — закричала я.

Мы приближались к повороту реки, и я не знаю, что было за поворотом, потому что проснулась.

43. У развилки дорог

У меня остались очень нечеткие воспоминания о последней неделе занятий. Сначала три дня подряд мы сдавали экзамены, за ними последовала церемония окончания учебного года, а на другой день состоялось торжественное присвоение ученых степеней старшим школьникам, завершившим четыре года обучения. Все это время нами владело смешанное чувство волнения и грусти: волнения из-за последних экзаменов и приготовлений к возвращению домой, грусти — по причине предстоящего расставания с друзьями и Швейцарией. Ребята разъедутся по всему земному шару. В будущем году некоторые вернутся в школу, кто-то уже не придет, и я не знала, смогу ли когда-нибудь вновь встретиться с ними.

Еще месяц назад дядя Макс и тетя Сэнди сказали, что выбор остается за мной, хотя, как я понимала, это было не совсем так; прежде всего, мои родители должны решить, как мне следует поступить дальше. Дядя Макс и тетя Сэнди отправят меня на самолете в Америку, и я смогу либо пойти в школу там, где будут жить мои родители, либо провести с ними лето, а осенью вернуться в Швейцарию. Сама я еще не знала, чего хочу. Единственное, в чем я была уверена во время выпускной церемонии — это в скором возвращении домой, по крайней мере на лето.

Мы, ученики средних классов, к концу занятий стали вести себя довольно необузданно, кричали, носились по коридорам и кампусу, дурачились по-всякому. У нас словно накопились целые мегаватты неизрасходованной энергии и эмоций, и мы стремились избавиться от них в любое время и любым способом. Дядя Макс стойко переносил все это, уверяя тетю Сэнди, что со всеми школьниками происходит подобное.

— Мы должны благодарить их, — сказал он ей. — Они учат нас не расслабляться и не забывать, что мы педагоги, а не умильные мамы.

Учителя выглядели усталыми. Мистер Ку заявил нам:

— Вы, пустоголовые, с ума меня сведете!

А мистер Боннер сказал:

— Хоть бы вы поскорее разъехались, прежде чем испортите такой замечательный прошедший год! — Перед экзаменом по английскому языку он предупредил каждого из нас: — Не переживай. У тебя все будет хорошо.

И это прозвучало так, словно речь шла вовсе не о предмете, который он преподавал. Он словно имел в виду будущее вообще, всю нашу жизнь.

Традиционно составной частью торжеств по случаю окончания курса средней школы был банкет, на кото-

ром присутствовали учителя, ученики и их родители. Для меня явилось сюрпризом, что большинство родителей действительно приехали, причем они собрались со всего света: из Японии, Кореи, Испании, Аргентины, Норвегии, Саудовской Аравии. Среди них не было моих родителей, но я же с тетей Сэнди и дядей Максом!

Другой традицией на таких банкетах было то, что директор школы и миссис Стирлинг произносили речи, а за ними выступали четыре ученика, заблаговременно выбранные товарищами по классу. Мы выбрали Мари, Белен, Кейсуки и Гутри.

И вот столы накрыли белыми скатертями, на каждом зажгли по свече, а электрическое освещение притушили. Мальчики одеты в костюмы с галстуками, девочки — в платья. Все были очень красивые, но немножко смущенные, словно мы играли во взрослых. И вели себя тоже не как всегда, вероятно, из-за праздничной одежды и присутствия родителей. Мы были немножко скованные и чрезмерно вежливы.

— Ты прекрасно выглядишь.

— Спасибо, ты тоже.

— У тебя очень красивое платье.

— Спасибо. Твое мне тоже очень нравится.

Дядя Макс начал церемонию речью, в которой одновременно трогательно и с юмором говорил о разнообразии. Он привел примеры того, какими мы были не похожими друг на друга, как по-разному общались, вели себя (в этом месте он всех насмешил, потому что вспомнил забавные выражения и ситуации). Он сказал, что именно в разнообразии заключается особенность нашей школы, и это дало ему возможность многому научиться здесь (трогательная часть речи). Когда дядя Макс закончил, все аплодировали ему стоя.

Миссис Стирлинг, как всегда, была великолепна в черном платье с глубоким вырезом, с жемчужным ожерельем и в красных туфлях на очень высоких каблуках. Прежде чем подняться, чтобы произнести свою речь, она пошарила где-то в платье, достала губную помаду, открыла и быстрым движением провела по губам. Миссис Стирлинг говорила строго и впечатляюще о том, в каком привилегированном положении мы находились, как дорого мы должны ценить доброе отношение к нам и быть готовыми отплатить за это тоже добром. По ее словам, мы были «армией посланников доброй воли, отправляющихся в огромный и непростой мир». Я чувствовала, как все мы становились выше и взрослее под взглядами дяди Макса, миссис Стирлинг и присутствующих родителей. Последние согласно кивали, как заведенные, на протяжении всего выступления миссис Стирлинг, а когда она закончила, зал вновь встал и разразился овациями.

Следующей вышла Мари. Она говорила о страхе, о том, как ей было страшно ехать сюда, страшно находиться вдали от дома, жить среди чужих людей. Она говорила, как страх постепенно испарялся, «испарялся тихо и незаметно», и таким образом она поняла, что не надо бояться перемен в своей жизни. Мне пришло в голову, что Мари словно подслушала мои собственные мысли, то, что я думала и чувствовала. Я посмотрела вокруг себя и увидела, как все ребята согласно кивали и улыбались, и поняла, что она, вероятно, подслушала и их мысли тоже.

Потом настала очередь Белен, которая спела испанскую песню о дружбе. Я до сих пор не знала, что она обладает таким замечательным певческим талантом, таким низким, звучным и уверенным голосом. Казалось, он заполнил все пространство в помещении.

Следующим выступающим был Кейсуки. По его словам, здесь он понял, что все *возможно*, и что он будет очень скучать по своим друзьям (в этом месте Белен расплакалась), и что завтра мы все «полетим в стороны» и, может быть, «никогда нас не видеть в одной точке опять».

Учителя, казалось, весь вечер изучали наши лица, словно старались запомнить их. Возможно, в их памяти всплыло то, как мы выглядели и вели себя, когда впервые приехали сюда, и теперь они видели, как мы изменились с тех пор. Может быть, они пытались предположить, какими мы станем в будущем. Я тоже всех разглядывала и думала об этом, особенно о том, что из нас получится. Жалко, что у меня не было волшебного хрустального шара, а то бы я посмотрела в него и увидела, какие мы будем через десять, двадцать, тридцать лет...

Настала очередь Гутри произносить речь. Сначала он прочитал стихотворение Роберта Фроста о развилке на дороге в желтом лесу. Человек останавливается на развилке и смотрит в обоих направлениях, потом выбирает путь, который кажется ему наименее протоптанным, но не знает точно, так ли это на самом деле. Единственное, в чем он уверен, что когда-нибудь, годы и годы спустя, вспомнит, как однажды остановился на развилке в лесу и сделал свой главный в жизни выбор.

Гутри сказал, что не знает, на самом ли деле дорога предопределяет судьбу человека, или он только думает, что это так.

— Год, два или три назад, — продолжал Гутри, — каждый из нас стоял посреди собственного желтого леса, и все мы выбрали дорогу именно в эту школу. Помните?

Я вспомнила городок на холме в Нью-Мексико, Стеллу, у которой начались роды, дядю Макса и тетю Сэнди,

«похищающих» меня. Я могла бы сопротивляться. Я могла бы убежать от них. Может быть, у меня был выбор, в конце концов.

— Мы сделали свой выбор, — говорил между тем Гутри, — и он стал главным для нас. Не знаю, был ли этот путь более трудным или менее протоптанным... Иногда мне кажется, что он слишком привилегированный! Как бы то ни было, мы выбрали эту дорогу, и она привела нас сюда, собрала в одном месте.

Я вспомнила Лайлу и подумала, что ей тоже следовало бы быть здесь, с нами, и слушать выступление Гутри. Интересно, где она сейчас и что чувствует?

— Посмотрите друг на друга! — сказал Гутри. — Мы снова там, в лесу, и вновь перед каждым из нас развилка на дороге. В каком направлении мы пойдем? Удастся ли нам снова встретиться? Вот Динни, — он махнул рукой в мою сторону, — возвращается обратно в Америку. Кейсуки выбирает дорогу в Осаку. Белен — в Барселону. Мари — в Рим. — Он продолжал называть по имени каждого из сорока учеников нашего класса. — Я? — сказал он наконец. — Я тоже возвращаюсь в Америку. — Он сделал паузу и взглянул на своего отца. — Но, может быть, я снова приеду сюда. Может быть.

Еще Гутри сказал, чтобы мы не торопились идти по своим дорогам, а хотя бы ненадолго остановились и вернулись обратно к тому месту в желтом лесу, где мы свернули на этот путь, к этой школе.

— Это стало и по-прежнему будет оставаться главным выбором, потому что мы и в дальнейшем будем испытывать влияние друг друга на наши жизни. Сейчас трудно угадать, каким окажется это влияние, но есть что-то в самом воздухе *данного* желтого леса — здесь, в Швейцарии, по которому мы бродили и бегали и на

лыжах прошли вдоль и поперек, — что говорит мне: где бы мы ни очутились, мы всегда будем нести с собой частичку друг друга, частичку Швейцарии. Обязательно! *Fantastico!*

Когда все заплодировали, кто-то (думаю, это был Кейсуки) начал скандировать, и вскоре все присутствующие присоединились к общему хору:

— *Viva! Viva! Viva!*

44. Перемена света

После банкета все учителя направились по крутому склону холма в дом к дяде Максу. Мне тоже разрешили пригласить несколько друзей. Это была наша последняя возможность побыть вместе в неформальной обстановке, потому что завтра церемония выпуска старшеклассников будет гораздо более официальной и серьезной, а после нее все быстро разъедутся по аэропортам и железнодорожным вокзалам, чтобы оттуда отправиться по домам, и многие уже не вернутся.

Время словно давило на нас, и как отглаженная одежда неизбежно мялась к концу вечера, так и наши эмоции постепенно теряли торжественность и неспешность. Я вдруг поймала себя на том, что как-то торопливо пожимаю протянутые мне руки, сожалея, что это конец, и переживая из-за того, что, может быть, уже никогда не увижу этих ребят. И вглядываясь в их лица, я вспоминала, с кем вместе ездила на экскурсии, занималась, каталась на лыжах, ходила в походы, с кем делила радости и беды.

Если бы я стала рассказывать все, что знала почти о каждом ученике моего класса и о многих из старших

и младших классов, присутствующие просто удивились бы. Но когда той ночью я стояла посреди многолюдной сутолоки, которая образовалась в нашем доме, мне казалось самым удивительным то, что, несмотря на различия в национальностях, языках, культуре и обычаях, у нас было гораздо больше общего, чем несхожего. Я даже зауважала себя за такое взрослое и мудрое наблюдение и решила позже записать его. Но утром оно уже не казалось столь глубоким и впечатляющим, как прошедшей ночью.

Кейсуки признался мне, что ему хотелось бы следовать за Белен по выбранной ею дороге через желтый лес. Тогда я призналась Кейсуки, что мне хотелось бы следовать за Гутри по его дороге.

Миссис Стирлинг вмешалась в наш обмен исповедями, беря с блюда клубничину.

— Что это за разговоры о следовании? Вы не должны ни за кем следовать! Мы не для того наполняли вас всем этим... — и она сделала широкий жест рукой в сторону открытого балкона, через который были видны горы, — всеми этими *восхожестями*, чтобы вы ограничивались *следованием*!

Дядя Макс тоже присоединился к беседе.

— Вообще-то нам нужны последователи. Мне кажется, лучше разумно следовать за кем-то, чем бездумно вести за собой! — сказал он.

Кейсуки оживился.

— О'кей, хорошо! Тогда Белен может следовать за мной! Мой есть бульдозер прокладывать дорога, мой есть... — И он стал маршировать по комнате, выбросив перед собой руку, словно предводитель невидимой армии.

Миссис Стирлинг поцеловала меня в щеку, оставив яркий отпечаток губной помады, и переместилась к другой группе гостей. Дядя Макс отпил вина из своего бокала.

— Ты всерьез говорила о том, что хочешь следовать за Гутри? — поинтересовался он.

— Ну, не знаю... Мне хотелось бы быть в курсе того, как он живет, чем занимается — следовать, но незаметно, понимаете, вроде как муха на стене.

— М-м, — протянул он. — Что ж, Гутри действительно интересный человек, и следовать за ним было бы интересно, не так ли?

Я подумала о том, как я, моя мама, Крик и Стелла следовали за отцом из города в город и сколько интересного происходило во время этих переездов. А потом посмотрела на стоявших рядом дядю Макса и миссис Стирлинг и подумала, что оба этих человека, а также мой отец и Гутри обладали одним и тем же качеством: все они умели так идти по жизни, что хотелось следовать за ними и видеть мир таким же, каким они видели его.

На следующее утро я проснулась под звуки дождя, постукивающего по стеклам моего окна, и монотонное бормотание дяди Макса. Он заперся в ванной комнате и репетировал свою речь на предстоящей выпускной церемонии старшекласников. На вешалке за дверью висели мои юбка и блейзер, а на полу под ними стояли мои ботинки, начищенные до блеска, но не мной. Очевидно, это было дело рук дяди Макса. Он обожал чистить ботинки, особенно когда находился в напряженном состоянии. Говорил, что чистка ботинок способствует снятию стресса.

В дверях моей комнаты появилась тетя Сэнди. Она была в халате, а в руках держала два своих платья и костюм.

— Так, Динни, пора! *Andiamo!* Пошли! — Она выставила перед собой одежду, словно на выбор. — Что бы ты посоветовала? — спросила она. — Только выбери то, что меньше всего нуждается в глажке, о'кей?

Тетя Сэнди плюхнулась на край моей кровати и стала гладить мою ногу.

— О, Динни! Я знаю, что до твоего отъезда осталось всего несколько дней, и я должна говорить что-то мудрое и значительное, но у меня голова забита всякой чепухой: что надеть, как бы не опоздать, как сделать, чтобы Макс расслабился. Мне невыносима сама мысль, что ты нас покидаешь. Хочется запереть тебя в шкаф и никуда оттуда не выпускать.

Она достала из кармана почтовую открытку.

— Вот, только что принес почтальон, — сказала она. Потом наклонилась и поцеловала меня. — Поговорим еще завтра.

Открытка была от мамы. В ней она сообщала их очередной новый адрес. Две недели назад мама позвонила и предупредила о предстоящем переезде. Она беспокоилась, как бы мне не забронировали уже билет на самолет (еще не забронировали) и я не оказалась бы в Нью-Мексико, откуда они к тому времени уедут. Отец перевозил их обратно в Байбэнкс, штат Кентукки, где я родилась и где до сих пор жили тетя Тилли и тетя Грейс. Отец выхватил у матери трубку и выкрикнул: «Это отличный шанс, Динни! Вот увидишь!»

Пока я лежала на кровати и изучала открытку с нашим новым адресом, зазвонил телефон.

— Спорим, что это миссис Стирлинг? — спросила тетя Сэнди. — Она хочет знать, установлен ли навес над кампусом и приготовлены ли зонты!

Дядя Макс крикнул из ванной комнаты:

— Скажи, что зонты приготовлены!

Тетя Сэнди ушла в свою спальню, чтобы там взять трубку.

— Да, установлен, — услышала я. — Да, приготовлены. Но, может быть, дождик закончится.

И словно тоже услышав ее слова, солнечные лучи брызнули из-за туч. Колокола церкви Святого Аббондио отчетливо отсчитали время — девять часов. Из окна я увидела белый навес над кампусом. Из-за верхушек деревьев виднелась сложенная из камня церковь Святого Аббондио с высокой, изящной звонницей. Я вспомнила тот день, когда прогуливалась по церковному двору и впервые встретила там Лайлу.

Мысль о Лайле напомнила мне, что тетя Сэнди так и не рассказала о моей подруге, о ее семейных проблемах, хотя события, связанные с лавиной, на многое открывали глаза. Может быть, Лайла когда-нибудь сама мне расскажет. Возможно, существовали серьезные причины, почему Лайла такая, какая есть.

Еще дальше и ниже расположилось озеро Лугано, такое спокойное, такое серебристое. Однако странная перемена света в воздухе через мгновение придала ему сначала металлический оттенок, а затем серо-голубой. Слева возвышалась гора Бре, уже без своей снежной шапки, а справа — гора Сан-Сальваторе с мигающим красным огоньком на вершине. По ее склону карабкался фуникулер, маленький красный поезд-ящерица. Он забирался все выше и выше, и я вспомнила, как мы с Гутри поднимались на гору и стояли там, словно на вершине мира.

Я обернулась и посмотрела на дорожку, ведущую вверх на Монтаньолу, на дом, где когда-то жил Герман Гессе, вспомнила капучино, которое мы пили в деревне вместе с Лайлой, Гутри, Кейсуки, Белен и Мари, и как мы иногда обдумывали наше домашнее задание, сидя за столиками, вынесенными на улицу возле кафе, а бродячие кошки терлись у наших ног. А вон, на склоне между на-

шим домом и Монтаньолой, стоит скамейка красного цвета, на которой я иногда выслушивала жалобы Лайлы и рассказы Гутри.

В эту минуту я окончательно полюбила Швейцарию. Я любила ее всем своим существом, каждым волоском на моей голове, каждой ресничкой и клеточкой моего тела. Я вдруг почувствовала, что это — мой дом, что я совершенно перестала быть здесь чужой. Зато теперь мне казалось, что я похожа на улитку, у которой домик всегда с собой, на спине, и она перетаскивает его с места на место. Я вспомнила, как везде, где бы мне ни приходилось жить, я ходила на рыбалку, и тогда мне пришло в голову, что, может быть, я не только таскаю за собой свой дом, но и всех близких мне людей тоже? Если это так, то я могу увезти с собой, когда уеду, и Швейцарию, и Гутри, и Лайлу, и тетю Сэнди, и дядю Макса, и Кейсуки, и Белен, и Мари, и всех-всех.

45. Ciao!

Выпускная церемония старшекласников прошла, словно в замедленном фильме. Я чувствовала себя дублером, статистом, который никак не мог дождаться команды режиссера включиться в съемку. Мне все время хотелось вскочить и крикнуть: «Стоп! Подождите! Перематывайте пленку обратно, на начало!» А под началом я подразумевала сентябрь.

Дождь давно перестал, над кампусом висела туманная бледная дымка. Старшекласники, одетые в темные костюмы, шли парами со старшекласницами в белых платьях, каждая из которых держала букет розовых роз. Они торжественно проследовали под навес, оставляя за собой темные полосы на все еще сырой траве.

— Похоже на массовое бракосочетание, правда? — заметил Гутри и взял меня за руку.

Пары, явно нервничая, расселись на стульях, рядами установленных перед помостом, похожим на сцену. На помост вышли и тоже сели дядя Макс, миссис Стирлинг и американский посол, которому предстояло сказать напутственную речь. Среди аудитории находились также учителя, младшие школьники, мамы и папы, бабушки и дедушки. Публика то и дело подносила к лицу свои фотоаппараты и видеокамеры.

Я все время думала о значении этих двух слов: «окончание» и «выпуск». Их сегодня употребляли чаще всего, причем в одинаковом смысле. «Окончание» звучало как конец чего-то, а «выпуск», наоборот, как начало. Мне подумалось, что сегодня нужны оба этих слова, а не то или другое в отдельности, поскольку и в самом деле сегодня наступил конец чему-то и в то же время — начало чего-то другого.

Церемония началась с молитвы, затем выступил с речью посол, а за ним — дядя Макс, который вручил дипломы. Я ничего не поняла из их выступлений, потому что не могла сосредоточиться. Все, что я слышала — это шорох длинных платьев, громкий звон колоколов церкви Святого Аббондио, щебетание птиц в кронах деревьев, между которыми был установлен навес.

Присутствующие исполнили национальные гимны США и Швейцарии, миссис Стирлинг прочитала заключительную молитву, старшеклассники дружно издали радостный вопль, и одна за другой пары переместились на террасу, где был накрыт праздничный ланч. Все стали угощаться семгой, креветками, жареной индейкой, ростбифом, разными салатами, свежей клубникой и авокадо. Воздух наполнился смехом и веселыми возгласами.

У всех было легко и счастливо на душе, казалось, на свете нет ничего невозможного. Мир был полон безграничных *восхожестей*.

Но время незаметно и неумолимо уменьшало число присутствующих, заставляя учеников и их родителей уходить, чтобы собирать чемоданы, садиться в ожидающие их такси и исчезать под напутственные пожелания: «До свидания! До свидания! *Arrivederci!* Пиши! Я буду скучать по тебе! *Ciao bella!*» Такси отъезжали, а прощальные возгласы неслись им вслед, вниз по склону Коллина-д'Оро.

У меня оставалось лишь десять коротких минут на прощание с Гутри, Белен, Кейсуки и Мари. Мы бездумно израсходовали эти минуты на глупые, ненужные вопросы, вроде: «У тебя паспорт с собой? Во сколько отправляется твой поезд / вылетает твой самолет?»

Гутри обнял меня, сунул в руку маленький сверток, крепко поцеловал в губы и сказал:

— *Ciao bella!* — Потом сел в поджидающее его такси и крикнул напоследок: — Мы обязательно встретимся вновь! Мы все! Даже Лайла! Вот увидишь! — Уже из отъезжающего такси донеслось: — *Libero-o-o...*

Некоторое время я сидела на скамейке у подъезда школы и махала на прощание отъезжающим школьникам. Потом такси разъехались, и все стихло. Я побрела обратно в кампус. Столы уже были убраны. Кое-где еще оставались позабытые пустые стаканы; смятые программки валялись на террасе. На скамейке сидел сторож и разговаривал с двумя работниками школы.

— *Ciao, Доменика!* — поприветствовали они меня.

Ветерок лениво поигрывал с полотном навеса, когда я поднималась по каменным ступеням мимо спального корпуса, где горничные уже вывешивали перины проветриваться на подоконники.

— *Ciao*, Доменика!

Возле двери в одну кучу были свалены старые учебники, исписанные тетради и ненужная одежда. Я пошла дальше по Виа-Попорино. Через узкую улочку с ленивым жужжанием летали пчелы. Колокола церкви Святого Аббондио пробили три часа.

Дяди Макса и тети Сэнди не было дома. Очевидно, они все еще составляли компанию миссис Стирлинг и послу в Каза-Стирлинг. В нашем доме царили прохлада и полумрак. Я развернула сверток, который дал мне Гутри. Это была книга рисунков с видами Тичино. Я забралась вместе с ней на кровать. Там были озеро, горы, фуникулер. Там были Монтаньола и Лугано. Там были тропинки, реки и протоки.

Сны Доменики Сантолины Дун

Я все еще была одета в свою юбку и блейзер, но на ногах у меня были лыжи. Я съезжала вниз по холму в направлении кампуса. Ветки больно хлестали меня по лицу, а я катилась без палок, растопылив в стороны руки, что делало меня похожей на неуклюжего орла. Я неслась по кочкам, через тропу, в невообразимом прыжке перелетела через весь навес, не ведая, где приземлюсь...

Дзинь-дзинь! Дзинь-дзинь!

Я проснулась и увидела, что мой блейзер висит на вешалке, а на ногах были ботинки, а не лыжи. Я сползла с кровати и, прихрамывая на затекшую ногу, бросилась к телефону. Это звонил Гутри.

— Привет, Динни, у меня тут возникла идея...

На Виа-Попорино лежали длинные тени, в воздухе царило какое-то тревожное затишье.

— Где ты? — спросила я. — Сколько сейчас времени?

— Я тебя разбудил? — спросил в свою очередь Гутри. — Сейчас девять часов. Я в Цюрихе.

— Что? Все еще в Цюрихе?

— Я опоздал на самолет! Ничего страшного! Кейсуки тоже опоздал. Мы сейчас в гостинице недалеко от железнодорожного вокзала. Почему бы тебе не присоединиться к нам? Мы не станем ложиться спать всю ночь, а утром ты могла бы вернуться в Лугано!

— Как, прямо сейчас? — В доме стояла полная тишина. Я поняла, что дядя Макс и тетя Сэнди еще не пришли из школы. — У меня совсем нет денег...

— Попроси у своего дяди!

— Дома никого нет. Никого, кроме меня.

— Тогда возьми билет на условии *COD, Cash on Deliverino*¹, — предложил Гутри. — Серьезно, Динни, давай соберемся! Это будет такое самое лучшее!

Я подумала, что даже если найду деньги и успею на поезд, отправляющийся в девять тридцать, то приеду в Цюрих не раньше часа ночи.

— Дядя Макс будет рвать и метать, — сказала я.

— Объяснишь ему, что мы отпраздновали достижение тобой зрелости! — посоветовал Гутри.

Трубку схватил Кейсуки.

— Я ему говорил, что это ту-по! Девочка не следовать ехать поздно одна в поезде.

Снова голос Гутри:

— О'кей, о'кей, прости, Динни. Идея действительно тупая.

Я поблагодарила его за книгу.

¹ Оплата наличными после доставки (англ.; *deliverino* — искаж. от *delivery*).

— Она *такая* самая лучшая! — сказала я.

— Динни! Правда же, ты не забудешь меня? Правда же, ты не забудешь Швейцарию, Динни?

Телефон умолк. Я стояла и молча смотрела на него. Он зазвонил опять.

— Динни? Это снова я, — раздался голос Гутри. — Ты не сообщила мне свой адрес. У меня нет твоего адреса.

Я продиктовала ему мой адрес и попросила дать мне свой. А он ответил:

— Я к тебе приеду!

— *Fantastico!* — сказала я.

Положив трубку, я пожалела, что не спросила название гостиницы, в которой остановились Гутри и Кейсуки. Может быть, я все же могла бы поехать. Вот был бы сюрприз! Интересно, дядя Макс и тетя Сэнди разрешили бы мне поехать? Впрочем, нет, в этом не было никакого смысла, разве только чтобы увидеться в последний раз! Зато потом снова пришлось бы пережить грусть прощания и одной ехать в скором поезде обратно в Лугано, опять повторять все это путешествие через горы.

Меня охватила такая печаль, что захотелось плакать.

46. Моя следующая жизнь

Через три дня дядя Макс, тетя Сэнди и я сели в поезд, отправлявшийся из Лугано в Цюрих. Они провожали меня в аэропорт на самолет, которым я должна была долететь до Вашингтона, столицы США, а там меня встретит мой отец и на машине отвезет домой в Байбэнкс, штат Кентукки. Странно было называть домом место, о котором я ничего не знала и где никогда не жила.

Мы доехали на поезде вверх до горного перевала, разделявшего Швейцарию, и всю дорогу я не отходила от окна. «*Guardate!*» — не переставая, шептала я себе. За окошком появлялись и исчезали водопады, сложенные из камня церкви, разбитые на террасах виноградники. Промелькнули мимо старинные замки Беллинцоны на фоне возвышающихся Альп, чистые реки, домики-шале, похожие на цветущие прямо из земли бутоны.

За час до прибытия в Цюрих мы пошли в вагон-ресторан. Я села напротив дяди Макса и тети Сэнди за накрытый белой скатертью стол. Мы, не отрываясь, смотрели в окно, пока поезд продолжал катиться вперед. На обед съели прозрачный бульон и омлеты. Тетя Сэнди все время доставала что-нибудь из своей сумочки и отдавала мне на память.

Так, она протянула мне корешок от билета на поезд, на котором мы впервые ехали из Цюриха в Лугано.

— Возьми, пригодится, — сказала она. — Посмотришь на него и многое вспомнишь!

Чуть позже тетя Сэнди подарила мне фотографию, на которой я и дядя Макс едим пиццу в кафе на площади Пьяцца-делла-Реформа.

— Возьми, пригодится, — сказала она.

Потом она отдала мне свернутый листок бумаги. Это было одно из воззваний, которые я писала по поводу своего «похищения».

— Здесь написано — «репа», или, на жаргоне, — «тупая башка», — пояснила тетя Сэнди. — Возьми, пригодится!

Дядя Макс рассмеялся.

— Вряд ли ей захочется сохранить это!

Но мне захотелось. Мне хотелось сохранить все-все!

Со мной по-прежнему была моя коробка с пожитками — удочка, тетрадь сновидений, тетрадь с адресами мест, где я жила. В свой последний вечер в Лугано я сделала еще одну запись — мой швейцарский адрес. Теперь в коробке прибавились новые вещи: мой счастливый красный шарф, карты горнолыжных курортов, поблекшие билеты на подъемники и фотографии, где я вместе с Гутри, Лайлой, Кейсуки, Белен и Мари. Еще дядя Макс и тетя Сэнди подарили мне небольшой новенький чемодан. Я сложила в него всю свою новую одежду, из которой не успела вырасти.

Перед отъездом я оставила на окне прощальную надпись: «CIAO, SVIZZERA! BELLA, BELLA SVIZZERA!» И еще я оставила на подоконнике свою цветущую клеому, у которой в воздухе висели уже собственные побеги. И свои лыжи оставила в кладовке. Тетя Сэнди и дядя Макс сказали, что я могу взять их, поскольку они принадлежат мне, но я не могла этого сделать. Если бы я их увезла, это означало бы, что никогда сюда не вернусь. Я еще не знала, смогу ли вообще за лето решить, оставаться ли мне в Байбэнксе или снова приехать в Швейцарию. Я еще не знала, что хотела или что мне следовало сделать. Но надеялась, что, когда наступит время, я смогу принять решение.

В аэропорту Цюриха, пока мы ожидали вылета моего самолета, дядя Макс то и дело бегал в расположенные здесь же магазины и каждый раз возвращался с какой-то новой покупкой, которую тут же совал мне в руки.

— Вот, открытки с видами Швейцарии, — говорил он. — Пошли нам одну, как только прибудешь на место. — Или: — Вот, швейцарский шоколад. Твоей маме понравится. — Или: — Вот, деревянная музыкальная шкатулка для малыша Стеллы!

Потом я махала им рукой на прощание, потом шла по переходу в самолет, потом села в свое кресло, потом самолет взлетел, и я сидела и смотрела в окно, как цивилизованный человек, а не визжала как резаная, что мы вот-вот разобьемся. Я смотрела вниз на Швейцарию, на горные вершины, и думала о том, что чувствовала бабушка Фиорелли, когда покидала Италию многие годы назад. Может быть, наступит день, когда бабушка Фиорелли приедет со мной в Швейцарию, и мы вдвоем отправимся в Италию, в Кампобассо, и обе будем чувствовать себя там как дома.

Скоро не стало видно ни Швейцарии, ни вообще какой-либо земли под самолетом. Я летела над океаном, на многокилометровой высоте, и в голову мне начали приходить мысли о Байбэнксе. Я принялась гадать, как выглядит этот город, как пахнет там воздух, что я буду чувствовать, когда снова увижу маму и папу, Стеллу и ее малыша, и как скоро вернется домой Крик. Байбэнкс... Что меня ждет в Байбэнксе? Это будет еще один мой шанс, сказала я себе. Еще одна жизнь.

Сны Доменики Сантолины Дун

Я летела через горы и через океан, ныряла вниз, плавно скользила, делала в воздухе перевороты и петли. Я чувствовала упругость воздуха под своими крыльями и видела, как рядом со мной летел Гутри. Повсюду вокруг нас летали и летали белые орлы, а колокола церкви Святого Аббондио бежали в наших ушах, а все орлы, как один, пели хором:

— Viva! Viva! Viva!

Литературно-художественное издание
ДЛЯ СРЕДНЕГО ШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА

КРИЧ Шарон

ОТЛИЧНЫЙ ШАНС

Повесть

Ответственный редактор Т. Н. КУСТОВА
Художественный редактор Н. В. ЧЕЛМАКОВА
Технический редактор А. Т. ДОБРЫНИНА
Корректор Л. А. ЛАЗАРЕВА

Издание подготовлено компьютерным центром издательства «РОСМЭН».

Лиц. изд. ИД № 04933 от 30.05.01.

Подписано к печати 17.06.04. Формат 84х108 1/32. Бум. типогр. № 1.

Гарнитура Ньютон. Печать офсетная. Усл. печ. л. 10,92.

Тираж 7 000 экз. Зак. № 10077. С – 1610.

ООО «Издательство «РОСМЭН-ПРЕСС».

Почтовый адрес: 125124, Москва, а/я 62. Тел.: (095) 933-70-70.

Юридический адрес: 129301, Москва, ул. Бориса Галушкина, д. 23, стр. 1.

*Наши клиенты и оптовые покупатели могут оформить заказ,
получить опережающую информацию о планах выхода изданий
и перспективных проектах в Интернете по адресу: www.rosman.ru*

ОТДЕЛ ОПТОВЫХ ПРОДАЖ:

все города России, СНГ: (095) 933-70-73;

Москва и Московская область: (095) 933-70-75.

Отпечатано в полном соответствии с качеством
предоставленных диапозитивов в ОАО «Тульская типография».

300600, г. Тула, пр. Ленина, 109 .

Крич Ш.

К82 **Отличный шанс: Повесть/Пер. с англ. Н. Жарова. –**
М.: ООО «Издательство «РОСМЭН-ПРЕСС», 2004. –
205 с.

За свои тринадцать лет Динни так и не узнала, где ее настоящий дом. А попав в Швейцарию, в школу, где учатся дети со всего света, она должна начать новую жизнь — непривычную, но полную приключений.

ISBN 5-353-01610-6

УДК 821.111(73)

ББК 84(7Сое)

**ЗАКАЖИ ПО ТЕЛЕФОНУ
И ПО ПОЧТЕ!**

*Издательство «РОСМЭН» предлагает вам
покупать книги, аудиопродукцию,
школьные товары, игрушки
по каталогу
«ЧИТАЙ-ГОРОД».*

**Выбранные вами товары вы
получите по почте
в любой точке России.**

**С помощью каталога вы сможете
заказать подарки любимым
людям и собрать целую
библиотеку, которой будет
пользоваться вся семья.**

Если вас заинтересовало это предложение,
закажите каталог
«ЧИТАЙ-ГОРОД»,
прислав открытку или письмо по адресу:
127521, Москва, а/я 42.
«АбсолютПост».
Тел.: (095) 933-41-53.
E-mail: knigi@post.ru

